

ЮНОСТЬ

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Выходит с июня 1955 г.

№2 (697) 2014

«ЮНОСТЬ» © С. Краусаускас. 1962 г.

Главный редактор
Валерий ДУДАРЕВ

Редакционный совет:

Ильдар АБУЗЯРОВ
Анатолий АЛЕКСИН
Лев АННИНСКИЙ
Зоя БОГУСЛАВСКАЯ
Тамара ЖИРМУНСКАЯ
Елена ИСАЕВА
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Валерий КОЗЛОВ
Владимир КОСТРОВ
Нина КРАСНОВА
Татьяна КУЗОВЛЕВА
Евгений ЛЕСИН
Георгий ПРЯХИН
Владимир РАДЧЕНКО
Ольга РЫЧКОВА
Елена САЗАНОВИЧ
Александр СОКОЛОВ
Борис ТАРАСОВ
Елена ТАХО-ГОДИ
Олег ТОЛКАЧЕВ
Игорь ШАЙТАНОВ
Андрей ШАЦКОВ

Редакционная коллегия:

заведующая отделом
образования и молодежной
политики
Славяна БАКУНИНА
главный художник
Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ
заведующая отделом критики
Анна КОЗЛОВА
ответственный секретарь
Ярослав ЛИТВИНЕНКО
заведующий отделом культуры
Александр МАХОВ
заместитель главного редактора,
заведующий отделами
прозы и поэзии
Игорь МИХАЙЛОВ
заведующий отделом
зарубежной литературы
Евгений НИКИТИН
главный консультант
Эмилия ПРОСКУРНИНА
заведующая отделом
публицистики
Екатерина САЖНЕВА
консультант главного редактора
Евгений САФРОНОВ
директор по развитию
Светлана ШИПИЦИНА

Учредитель — трудовой коллектив
редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный
товарный знак, являющийся
собственностью трудового
коллектива редакции журнала
«Юность».

Выпуск издания осуществляется
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

Наша почта: unost-contact@mail.ru

Наш сайт: <http://unost.org>

Страница на «Фейсбуке»:

<https://www.facebook.com/unost>

В НОМЕРЕ:

Поэзия

Евгений ЕВТУШЕНКО	4
Варвара ЮШМАНОВА	27
Нина ЦЮРУПА	59

Проза

Валерия ОЛЮНИНА	
РАССКАЗЫ	14
Ильдар АБУЗЯРОВ	
ФИНСКОЕ СОЛНЦЕ Роман в девяти историях	32
Лера ТИХОНОВА	
ХОТЕЛ Роман-пунктир. Продолжение	47
Олег ЛЕБЕДЕВ	74
СТАРИННОЕ ЗЕРКАЛО В ТУМАННОМ ГОРОДЕ	
Роман. Продолжение	74
Светлана ВОСКРЕСЕНСКАЯ	
РАДУЖНОЕ СЧАСТЬЕ СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ. ПРОДОЛЖЕНИЕ	94

Лицом к лицу

БОРИС И ФЕДОР ТАРАСОВЫ: «НАШИ ГЛАВНЫЕ КНИГИ СОВПАДАЮТ!»	
Беседу вела Ольга Рычкова	20

Страницы Льва Аннинского

ЗАМЕТКИ НЕИСТОРИКА	
СИНЯВСКОЕ ДЕЛО. ПИСЬМО В ЗАЩИТУ	25
ЗАМЕТКИ НЕТЕАТРАЛА	
ПОЧЕМУ МЫ ЖАЛЕЕМ О НЕМ?	26

100 книг, которые потрясли мир

Елена САЗАНОВИЧ	
НИКОЛАЙ ОСТРОВСКИЙ. КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ	44

Как беден наш язык!

ПОЖАЛУЙСТА, ГОВОРИТЕ ПО РУССКИ!	
Марианна ТАРАСЕНКО	
ПРИКЛЮЧЕНИЯ КРОССОВКА И ТУФЕЛИ	65
БЕСЕДЫ В БЕСЕДКЕ	
Маргарита СОСНИЦКАЯ	
НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ ОБ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ НА ФОНЕ РУССКОГО	67

Заведующая редакцией

Лидия ЗЯБКИНА

Заведующий отделом информации

Игорь РУТКОВСКИЙ

Специальный корреспондент

по Белгородской области

Нила ЛЫЧАК

Редактор-корректор

Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление

Елизавета ГОРЯЧЕНКОВА

Фотокорреспондент

Антон ШИПИЦИН

Главный бухгалтер

Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа

Лариса МЕЛЬНИКОВА

Заведующая отделом рукописей

Ирина УШАКОВА

Интернет-версия

Наталья СЫСОЕВА

Заведующая отделом распространения

Ульяна ТКАЧЕНКО

Дежурные по редакции

Людмила ЛОГАЧЕВА

Татьяна СЕМЕНОВА

Татьяна ЧЕРЫГОВА

Администратор

Зинаида ПОТАПОВА

Былое и думы

Тамара ЖИРМУНСКАЯ

«ОТ ПРОШЛОГО ЖИЗНЬ ПРОСТОРНЕЙ...»

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ДНЕВНИК Глава 12. ВАСИЛИЙ БЕТАКИ **107**

Светлана ТЕР-МИНАСОВА

ЗАПИСКИ ДИНОЗАВРА Продолжение **112**

Уноземный сюжет

Чарлз РОБЕРТС

СХВАТКА ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ

РУБРИКУ ВЕДЕТ Евгений Никитин **135**

Книжный развал

ПОБЕДОНОСНЫЙ БРИГ

В ЖИТЕЙСКОМ МОРЕ О ДЕБЮТНОМ РОМАНЕ ЕКАТЕРИНЫ МАКДУГАЛЛ **138**

Творческий конкурс

Денис СЕМЕНОВ г. Волгоград **142**

Алена МАЛИНОВСКИХ г. Санкт-Петербург **143**

Тамара АЛЕКСЕЕВА г. Липецк **144**

В конце концов

ДЕТЕКТИВ НА НОЧЬ

Нина ТУРИЦЫНА

МОДНАЯ КРАЖА Окончание **151**

ЗЕЛЕНЫЙ ПОРТФЕЛЬ

Илья КРИШТУЛ

РАССКАЗКИ **156**

ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

ГАЛКА ГАЛКИНА:

НОГИ, РУКИ ЦЕЛЫ — И ЛАДНО!!! **159**

VERIORA VERIS

ШАЛУН ГЕО, человек-дробовик

SMS-КК, ПОСЛАННАЯ ПЛЮЩЕНКЕ:

ПРОДАМ ТРОЙНОЙ ТУЛУП! **160**

Лиц. Минпечати № 112.

Адрес редакции:

Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8, стр. 1.

Для почтовых отправок:

125047, Москва, а/я 182, «Юность».

Тел.: +7 (499) 251-31-22,

+7 (499) 250-83-98,

+7 (499) 250-40-72,

тел. / факс: +7 (499) 250-40-60

Рукописи НЕ РЕЦЕНЗИРУЮТСЯ
И НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

Авторы несут ответственность
за достоверность предоставленных
материалов. Мнения автора
и редакции могут не совпадать.
При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Юность» обязательна.

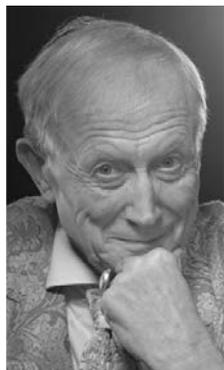
Отпечатано в «Академиздатцентр
«Наука» РАН», ОП ПИК
«ВИНИТИ»–«Наука»

140014, Люберцы, Московская обл.,
Октябрьский пр., 403

Тел. +7 (495) 554-21-86

Тираж 6 500 экз. Формат: 60x84/8

Заказ №

Евгений ЕВТУШЕНКО

От редакции

ЕВТУШЕНКО

Разноголосица данных по поводу точной даты его рождения неслучайна: 32–33-й гг. Да и место рождения не поддается точному исчислению: Зима — Нижнеудинск. Такое ощущение, что Еvtушенко существовал всегда, во всяком случае — задолго до своего рождения. А даты и место особого значения не имеют.

Так же не имеют особого значения сферы, на ниве которых обнаружился его талант: поэзия, проза, кинематограф, книгоиздание, педагогика...

С поэзий более или менее все ясно. Поколение, на чью долю достались война, голодное детство, культ личности и т. д., выжило, чтобы заявить о себе во весь голос:

Я океан вдохнул и выдохнул,
как будто выдохнул печали,
и все дробинки кровью вытолкнул,
даря на память их Печоре...

Или вот еще — вослед ушедшему в небытие государству:

Лежит наш красный флаг
в Измайлове врястяг.
За доллары его
толкают наудачу.
Я Зимнего не брал.
Не штурмовал рейхстаг.
Я — не из «коммуняка».
Но глажу флаг и плачу...

Проза? В двухтомнике «Избранное», который журнал выпустил к своему 20-летию, Еvtушенко опубликован в разделе «Проза» наравне с Аксеновым, Гладдилиным и т. д.

Поэт, прозаик? Вспоминает 1-ю Мещанскую, с которой началась его московская биография, продуктовый магазин с деревянным желобом, из него в сетку сыпалась картошка... Рядом с этими строками все другие как-то меркнут, как-то не в счет.

Кино? Первый его фильм «Я — Куба» вышел в 1964 году. Еvtушенко — автор сценария, режиссер — Михаил Калатозов. В «Мартирологе» у Тарковского есть ревные строчки, посвященные Еvtушенко, который якобы снимает в Голливуде «Трех мушкетеров»!

Циолковский в фильме Саввы Кулиша в его исполнении — почти эталон, или, как пишут итальянцы, *uguale!*

В переделкинском музее-квартире Евгения Александровича множество картин, подаренных ему великими художниками, среди них Пабло Пикассо, Марк Шагал, Джанни Пизани, Нико Пиромани, Михаил Шемякин и многие другие.

Как-то трудно поверить, что при всем при этом Еvtушенко не стал вывеской, брендом, мертвым символом. И когда он позвонил по телефону в редакцию, мне показалось, что я говорю с отцом, который родился в пыльной донской станции в 30-м...

Кстати, мама Евгения Александровича работала в журнальном киоске на улице Мира. И я, когда бывал в старом «Книжном обозрении», всегда здоровался с ней, как будто заглядывал в прошлое, перематывая пленку на восемьдесят лет с гаком назад, где на станции Зима или Нижнеудинск появился на свет будущий поэт.

Это голодное предвоенное поколение наших отцов, к сожалению, уходит, оставляя, словно завет, свои строки...

Игорь Михайлов

Из несуществующего твиттера

* * *

Оттого ли, что люблю,
оттого ли,
нежно в стог тебя валю
в чистом поле.

Оттого ли, что дышу,
оттого ли,
все травиночки прошу,
чтоб кололи.

Оттого ли, что смеюсь,
и от боли,
смерти я не убоюсь —
отфутболю.

Оттого ли все я смог
не локтями,
что, как вижу свежий стог,
в стог и тянет.

Боже, нас благослови
свежестожно, —
невозможно без любви,
невозможно...

12 декабря 2013 года

* * *

Ну, когда же оно настанет,
это будущее,
когда
поменяется все местами,
и войны на земле не станет,
и политика лгать перестанет,
и сама от себя устанет
наша телебелиберда?

Неужели же так не случится?
Пошлость может хитро подучиться
выживанию навсегда!
Лишь бы наши девчонки, мальчишки
раскрывали великие книжки,
а иначе настанет беда,

и померкнут всех классиков лики.
 Сквозь поповых поклонников клики
 от калитки и до калитки
 побредут они, словно калики
 переходные,
 в никуда...

12 декабря 2013 года

* * *

А я в Россию верую,
 за столько в стыде,
 как в эту ветку вербную
 на письменном столе.

А я в Россию верую,
 но видеть не хочу,
 как сирую и серую.
 Молчать не по плечу.

Мне стыдно из-за горечи
 страдать, ее любя,
 но никогда изгойчи
 не чувствую себя.

На совести без пятнышка
 нам всем прожить невмочь.
 Ну что нам сделать, матушка,
 чтобы тебе помочь?

12 декабря 2013 года

* * *

В. Радзишевскому

Ну скажите же мне, Володя,
 но убрав свой, всезнающий вроде,
 защитительно хитрый прищур —
 или я, как страна, в разброде
 и во мне, как в саду-огороде,
 все, как в ней и самой, чересчур?

Как все высказать?

Да смогу ли-с?

Может, знает разгадку Моргулис
 и Земли и частично небес,
 и кто ангел сейчас,
 а кто бес,

но поскольку он все-таки пастырь,
рифму я умягчу безопасной,
но приставкой почтительной «эс».
Не хочу, чтоб о странный мой твиттер
кто-то ноги насмешливо вытер, —
не желаю такого врагу.
Понял — я не писатель,
а кто-то,
для кого непосильна работа —
если хочется высказать что-то,
ну а что —
сам понять не могу.

12 декабря 2013 года

Мальчики и дороги

Антанасу Суткусу

1

Первая любовь каждого мальчика — дорога.
Иногда она начинается с очень узенькой тропинки,
на которой он, спотыкаясь о жилы древесных корней,
разбивает себе нос,
не догадываясь, что там вдали, в конце.
Слава?
Богатство?
Решетка тюрьмы?
Или просто лужа крови,
его собственной остывающей крови
в какой-то плохо известной ему стране,
языка которой он даже не знает,
и не может понять, почему он там,
где он лежит, обнимаясь, как с другом последним,
солдатским его автоматом,
где ему не хватило последней пули, чтоб выстрелить,
но в себя...

2

А вот это мальчик —
кем он когда-нибудь станет?
Неужели одним из безликой толпы,
которую глотают фабрики, тюрьмы, бараки солдат
и превращаются в жвачку истории,
выплываемую в могилы?
Неужели он станет одним, кто с детства лгут,
и не могут не лгать, даже в старости умирая,
даже когда они молятся Богу,
надеясь, что он их поймет, ибо они думают,
что он лжец, такой же, как они сами?

А может быть, он самый великий изобретатель
и еще придумает, если люди еще лгут и лгут,
то у них загорятся губы и языки
и будут гореть, пока они сами не бросятся в воду.
Только разве на всех лжецов во вселенной
в мире хватит воды?

2013 год

ЗАВИСТИ НЕ ЗНАВШИЙ ЧЕЛОВЕК

Был как бы комиссаром для порядка
Андрей Дементьев в нашу «Юность» дан,
но был он идеален как редактор —
и беззавистник, да и сам талант.

Когда входил он, молодой красавец,
в Китайский бенкендорфский проезд,
он, в окна динамитом не бросаясь,
шептал: «Не выдаст Бог, ЦК не съест».

Когда журнал воинственно лягали
завистники и били наповал,
он был очаровательно легален,
и чудом он крамолу пробивал.

Он, будто бы играя на баяне,
власть усыплял, как свой среди своих,
не применяя лесть — лишь обаянье,
спасая прозу русскую и стих.

Порою не красавцы, а кромсавцы
редакторы бездушные, а он
не позволял талантами бросаться,
их сберегал для будущих времен.

Из жизни сам собой он не был вынут,
и стала жизнь не то чтобы тяжка,
но чьими-то локтями отодвинут
почти что нежно, но исподтишка.

Андрей, в тебе особая творинка —
творить других поэтов, их спасать,
ах, как нужна сейчас твоя тверинка —
тех, кто в беде, в безвестье не бросать.

Какие мы поэты — спор спесивый,
и бесконечен, видимо, навек,
но ты по-настоящему красивый,
как зависти не знавший человек.

От станции Зима и до Нью-Йорка

Любил я в детстве на горах-ледянках
кататься на заду, в тазах, на санках
и угодил однажды прямо в прорубь,
и все смеялись: «Как вода? Попробуй!»

От станции Зима и до Нью-Йорка
легла теперь та ледяная горка,
та, по которой я теперь катаюсь,
снежками так точнехонько кидаюсь.

И проруби и там и там так жгучи,
и так хитрючи ледяные кручи,
но главное, что жить люблю летуче,
чтоб сам был вроде мчащейся метели,
чтобы снежинки от меня летели,
но чтобы стали теплыми снежинки
и грели всех, как будто бы божинки...

29 декабря 2013 года

НЕНАВИСТЬ

Иные мечтают даже во сне навести
порядок не на любви, а на ненависти.
А я себя ненавистью не унижу
и только ненависть ненавижу!

1 января 2014 года

ОСКАРУ РАБИНУ

Русь, без живописи Рабина
ты была бы так ограблена.

Он твоим врагом был прозванный
и вскочил на нож бульдозерный,
и, гордясь своей силеночкой,
поднял холст с родной селедочкой.

Положил в твою середочку,
как русалку, он селедочку.

И над елями, березыньками
лишь полоска брезжит розовая,

как надежда ненадежная,
может, все-таки возможная.

25 декабря 2013 года

Олегу Целкову

Где найдешь такого ангела и лешего,
Как мой дорогой Олег-Олеженька!
Безо всякой модернистской мутности
сколько в тебе детскости и мудрости!
И какой же выбор — цепкий, точненький
сделан был тобой и Тоней-Тонечкой!
От нее ты никуда не денешься,
от тебя — она... Ну и тандемище!
Будь и в Триумфальной арке классиком.
Хоть на Красной площади пей красненькое!
Будь назло завистникам — новатором
с тикающим отомстимулятором!

25 декабря 2013 года

Олечке

За что тебя люблю, Олечка,
За то, что нет в тебе нисколечко
ни комплекса неполноценности,
ни суеты и ни надменности,
а чувство жизни, как единственной,
неповторимой и таинственной,
как самой высшей драгоценности!

25 декабря 2013 года

Станиславу Лесневскому

Я люблю тебя за тебя самого,
уникальный мой Стасик Лесневский.
Как от Блока в тебе слиться все так смогло —
воздух шахматовский и невский.

Пусть до классиков наших мы не доросли.
Мы, как в церкви одной, с ними вместе,
став молитвой живой о спасенье Руси,
ее Совести. Слова и Чести.

30 декабря 2013 года

РЕЧЬ НА УБИВИЩЕ

В 1957 году в ЦДЛ было по указанию ЦК общее собрание, посвященное разгрому первого антибюрократического романа Дудинцева «Не хлебом единым». К. Симонов покаялся в публикации этого романа. Один за другим выступали за громилами громилы. Дудинцев был загнан ими в угол, как овчарками, и произнес потрясающую речь о том, как немцы в начале войны бомбили наши самолеты на земле, потому что Сталин, думая, что это провокация, дал приказ самолетам не взлетать, и в Германию дня три еще шли поезда со стратегическими грузами из СССР. Я, студент Литинститута, прочел новое стихотворение Межирова «Артилле-

рия бьет по своим», никому еще неизвестное как стихи убитого под Сталинградом лейтенанта. Ко мне боялись подойти после моего выступления. Неожиданно подошли Матусовский и его жена и пожали мне руку. Меня после этого исключили из Литинститута. Сейчас я написал статью для антологии о Матусовском — классике советской песни, поддерживавшем меня, когда это было опасно даже для него. Это ему было особенно нелегко, потому что он был другом Симонова. Но Симонов все-таки главное доброе дело сделал — напечатал этот очень важный для пробуждения национальной совести шаг. Галилеевская история.

* * *

Среди Убивища помешанного,
где судьи все не простаки,
читал, не говоря, что Межирова,
про артиллерию стихи.

Среди Убивища бесовского
не наших тел, а наших душ
я помню руку Матусовского,
потом жены: «И я, как муж».

И что-то скомканное выпалила:
«Я словно в Колпино была»,
ну а слезиночка не выпала,
а может, просто не смогла.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

БЕЗЗАЩИТНОСТЬ ГЕНИАЛЬНОСТИ

Правда всегда на прицеле. Ложь — в бронезилете. А за ней еще платная охрана. Талант раним, посредственность сильна и неуязвима. А гений беззащитен.

У Евтушенко суперзвериное чутье на литературу. Он за сто метров учует в интеллигентном человеке графомана.

Я говорю с ним — и думаю: не удивительно, а логично, что правдой убили гораздо больше людей, чем неправдой. Благодаря неправде многие люди еще живут и не корчатся от инфарктов. Я неправдой спасал многих. Они оживали, расцветали, становились уверенней и счастливей. А правды многие не выдержали. Правда — как стоп-кран в поезде: останавливает сердце.

У Евтушенко ампутировали ногу. Я шепотом сказал об этом жене и посмотрел в зеркало: не изменился ли я после этого. Ведь ампутировали часть моей эпохи. Но потом сказал ему по телефону: «Это хорошо! Это плата за жизнь. Это плата за то, что вы остались с нами».

А потом добавил (не ему, а самому себе): «Вы остались с нами, еще живущими, а вы невероятно нужны. Без вас мы быстрее начнем сползать на другую сторону жизни. В общем, простите за высокопарность, вы — стимул жизни для многих людей, а без стимула нет жизни».

Когда об этом узнали, некоторые хорошие люди, скорбно приспустив глаза, заявляли по телику и в прессе: да, вот такое случилось, но мы с ним, он бодр и готов переворачивать мир и созидать, ваять и совершенствовать жизнь. Купались в горькой славе моря — пловцами, первооткрывателями печальной новости, в которой и они, дескать, принимают посильное участие. Но может быть, никому не нужна эта правда. Не вполне уместная она, какая-то не вполне благородная. Может быть, лучше промолчать. Может быть, сказать так: лев оставил в капкане лапу, подходите, лев жив, и его пронзительные глаза смотрят на нас. Глаза все видели и все знают. Нормально, и даже прекрасно увидеть их в этой несколько бессмысленной щенячьей жизни. Нормально — для времени, когда религиозные атрибуты, молитвы, бороды, кресты, полумесяцы и магендовиды заменили веру — ту, изначальную, которую Тот, ну Тот Самый, передал на землю.

Я знаю, это правда: Евтушенко не только гениальный, но и сильный человек. Но и это не вполне правда, ведь до какой степени можно быть сильным, если медленно и с болью зарастает рана. И бессонная ночь шепотом

рассказывает о твоей жизни, о том, что ты еще не налюбился, и этим отвлекает от страданий. Представим себя в такой ситуации: многие из нас в счастье пребудут, а?

Вспоминаю друга, писателя Родиона Михайловича Березова (Акульшина). В девяносто один год он тоже ногу потерял, гангрена, и рассказывал: «Вижу, как мне снова семь лет, хожу по воде у берега Волги, где село мое Виловатое, и чувствую двумя ногами камешки на дне, и колют они подошвы...»

Мудрый человек всегда немного сильнее себя. Евтушенко сильный, потому что он мудрец не только от жизни, но и от природы. Он может не только взлетать и летать, но и падать, ломая крылья, и подниматься, разодранный, улыбаться; нет, очень сильный. Если счастье разбивается рядом с ним, он не подбирает осколки, боится поранить счастьем душу. Он увлекает вас в сторону, противоположную боли, своей и вашей, уводит в места, где под деревом сидит тишина, а на коленях у нее дремлет уставший мир. Он такой сильный, что уже на грани беззащитности. Он мне так написал: «...прочел Ваш рассказ о цапле в госпитале, где вокруг меня увидел столько мучений, что мои собственные оказались мне мизерными. Вы написали этот рассказ настолько по-детски и столь беззащитно, что уверен, он бы подействовал на многих как мягкое благословляющее прикосновение руки ко стольким лбам, воспаленным бессмысленной толкучкой якобы мыслей о деньгах, карьере, власти. Оно, это неожиданное прикосновение, возможно, оказало бы врачующее воздействие. Ведь во многих душах живет ваш чудесный мальчик, только боящийся рассказать себя другим, потому что и засмеять могут. А жаль — потому что чем мы сами исповедальней, тем больше распространим исповедальность других.

Ваш Женя Евтушенко, и поверьте, что я написал это письмо вовсе не потому, что сам там упомянут».

А он сам этот беззащитный мальчик. Смешно звучит: прошел ЦК партии, всевозможную ругань партийных бонз и их литературной obsługi, гулял под ручку с президентом США, падал с евреями в Бабий Яр, бывал осмеян, обруган, оболган, но смеялись васильковые глаза (наверное, сквозь слезы), и писались лучшие строчки, от которых замирал дух миллионов. Прошел войну, как чудом сохранившийся солдат, с пробитой каской, опаленной гимнастеркой, с жилами, набухшими благород-

ной и страстной кровью, выживший, вокруг которого просвистело много пуль, контузило, но возвращался на этот свет, и вот снова вернулся.

Если не пробил час, назначенный Всевышним, не убьет даже доктор.

Когда Бог хочет разбить человеку сердце, Он добавляет ему Своего ума, чтобы человек понял, что же понимает Он.

Особый поэт — это язык Бога на земле. Это он, Евгений Евтушенко.

Когда-то мы молились в часовенке на краю города, он часто вздыхал, а у той, что стояла с ним рядом, у Маши, были на глазах слезы. Кажется, Юлиан Тувим написал: «Если бы мир не вздыхал, он бы задохнулся». Вздыхать надо. Потому что когда мы задыхаемся и не хватает слов для любви и для Бога, надо вздыхать.

Я смотрю на него и вспоминаю другого безукоризненно великого, Гейне: «Мир раскололся надвое, и трещина прошла через сердце поэта». И эта трещина страданий и любви прошла в сердце у Евтушенко. Мы входим в мир одинокими, и одинокими покидаем его. И тем не менее когда мы уходим, нас сопровождают руки, слезы и смех любимых. Евтушенко держат в этом мире многие руки, многие слезы, смех многих. И я знаю, еще одни руки держат его: те, что Сверху.

Неспособные выдержать плохое — не доживут, чтобы увидеть хорошее. Евтушенко дожил. И я знаю: еще долго проживет. Слишком много людей его любят. И что еще важно — слишком много людей на земле понимают, что он совершил во времени, тайный анархист мира,

обладатель огромной ауры любви к жизни и человеку, гений века. Отдающий и забирающий, сжимающий, но с нежностью, ненавидящий, но прощающий. Если кто-то не понял, доскажу: замуровал в себе нежность, но несет ее, хранит, как зеницу ока, но чтобы не знали об этом.

Отдает команду с верхней палубы Капитан. Снова уходим в плаванье. И вы, Евгений Александрович, пират, одинокий Сильвер, и мы с вами плывем к Острову сокровищ. Пиастры, пиастры. И хоть уже передали нам всем черную метку, но еще реет на мачте Веселый Роджер, и мы еще плывем. И будем плыть. Но с вами, Евгений Александрович.

Может быть, кто помнит, я написал эссе о нем, «Вечный человек», и там есть такие его строчки:

И только то усталое плечо
простит сейчас, да и простит еще,
и только те печальные глаза
простят все то, чего прощать нельзя...

А сейчас дополню еще другими его словами, очень мне близкими:

У бухты Золотого Рога
прошу прощения у Бога,
прошу прощения у всех,
кто был наказан слишком строго,
ведь чья-то боль — наш общий грех.

1 октября 2013 года. Флорида

Михаил Моргулис

Валерия ОЛЮНИНА

Валерия Олюнина родилась в 1974 году. Российский журналист, выпускница факультета журналистики МГУ, три года училась в Литературном институте имени Горького (семинар прозы Руслана Киреева), автор публикаций в «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Юность», «День и ночь», «Театр», «Собрание» и др.

С 2009 года сотрудничает с рядом ведущих армянских изданий. Как обозреватель «Литературной газеты» побывала в Нагорном Карабахе в июне 2010-го, в сентябре того же года вернулась туда с фестивалем «Карот».

Как журналист сотрудничала с Международным фондом Гаянэ Хачатурян, Международной конфедерацией журналистских союзов, Межгосударственным фондом государств — участников СНГ (журнал «Форум плюс», проекты в Армении, Киргизии).

Второе место в номинации «Публицистика» (разделила с Викторией Чембарцевой) в Международном литературном конкурсе «Армянские мотивы» (организатор — Общество содействия меценатству и благотворительности им. И. К. Айвазовского под патронатом мэрии г. Еревана).

РАССКАЗЫ

Рисунок Эдуарда Дудина

РАСЧЛЕНЕНКА

*Сколько человек умирает в одном человеке,
прежде чем сам он умрет?
Жюль и Эдмон де Гонкур*

Пережив все это, я вдруг почувствовала себя распадающейся на шестнадцать частей. Я удивилась — такая точность в подсчетах. Села и записала, нельзя никого забыть. Чтобы не выпала из этой множественности ни одна часть, я решила создать поли-

птих из рисунков, каждый из которых был написан одной шестнадцатой. Там был и рисунок ребенка, и старухи, и летающей Беллы, держащей за руку Шагала, меня, ползком пробирающейся по критскому лабиринту, хотя ни один писатель так и не сказал, что видел его своими

глазам... там был даже ворсистый шар — настоящий академический рисунок... Хотя всем моим друзьям известно, что я очень плохо рисую, именно по этой причине мой отец поправлял мои школьные работы, за которые я не стеснялась приносить в дневнике отличные оценки.

Ну хорошо, спрашивала я сама себя, при этом четко понимая, что в данную минуту моя вторая часть беседует с одиннадцатой, боюсь ли я, боимся ли мы, точнее, если в конечном итоге я, то есть мы, не смогу(жем) до конца понять свои частицы и пазл не сложится целиком. Были же братья Гонкуры с общим «я», «всеми нервами, всеми фибрами существа», как будто и вправду одного-единственного, но получится ли так у меня? Ведь шестнадцать — это все же больше, чем два, к тому же жизнь наказала их за такое противоприродное слияние слишком жестоко. Жюль умирал, превращаясь в растение, от болезни мозга, точнее, от последствий «французской болезни»: отомстил ему кто-то из публичного дома за то, что выхватил тайну обезличивания именно в такого рода заведениях. В «Дневниках» и писано было, что проститутки едят из общих тарелок, не имея собственных приборов. Им все равно, у них там нет ничего личного. Нет амбиции влететь в вечность, а вот Эдмону тоже сомнений досталось: после смерти брата, которому шел всего сороковой год, он продолжал еще двадцать шесть лет писать один, обретая самоидентификацию. Оказалось, автономия эта ни к черту, тех высот, что брались с братом, он так в одиночку и не достиг. Теперь он, наверное, понял, что их локомотивом был Жюль, мастер на описание, находивший живописные детали, а он был сильнее в разработке замыслов и главных линий. Иной раз, правда, второй голос ему говорил, что живописать он и сам может, но вот вопрос: умер бы он первым, смог бы Жюль без него?

А со мной? Что будет со мной?! Как я буду питаться теперь и какие концерты посещать, какие игры станут моими настольными? Хорошо же, если старуха и ребенок договорятся, каши там всякие их обоих устроят, протертые супы, но ведь старухе нельзя молоко!

Сосредоточимся на общем! На том, что нас объединит!

Гулять всем нам можно в парке... Впрочем, хороши же мы будем, когда войдем всей толпой в Битцу в это воскресенье, пустив вперед себя, конечно, же шар, так и быть, пусть выбирает нам дорогу. Белла настаивает, чтобы Марк шел с нами, бежит за ней вприпрыжку, потому что она не собирается опускаться на землю и бить свои ноги. Нам главное не разбредаться, заметил кто-то, не уходить далеко друг от друга, потому что это будет похоже или на стихотворение про десять негрятят, или

на сибирскую деревню начала двадцатого века, когда трехлетний ребенок в одной рубашке босыми ножками мог уйти в тайгу, и хватались его только на следующее утро... А еще через неделю находились рваные останки.

...Когда Белла вслед за ворсистым нашим проводником с оторванной рукой художника влетела в парк, Шагала уже с нами почему-то не оказалось, и какая-то идиотка... из нас, кажется... стала визжать, указывая на хлынувшую из руки кровь. Подумаешь-ка, сказала про себя наша пятая, думая, что мы ее не слышим (ха!), к чему вообще был этот приблуда семнадцатый?.. Мы, значит, тут все без мужиков, а она одна умная выискалась, и без того проблем хватает. Шарик тоже хорош, хуже ребенка малого, уже измазался весь, как свинья, в птичьей помете, что ли, откуда он вообще взялся на нашу голову?!

Решили не ссориться, потому что страшно хотелось есть: те, кто постарше, потащили молодых и малышку в шашлычную. Слава богу, что все мы расчленились, а не срослись. В истории, говорят, был случай и похуже, когда одна сиамская дева любила выпить и выкурить сигаретку на ночь, а другая просто начинала исходить кашлем и задыхаться, впрочем, засыпала после стакана вина, опрокинутого сестричкой, первой.

В этой забегаловке не обошлось без потасовки: вторая вдруг стала утверждать, что пятнадцатая крадет у нее деньги и вот сейчас стянула кошелек. Дело и вправду оборачивалось неважно, платить приходилось остальным, за вычетом недееспособных.

Сели наконец-то в электричку, какой-то парень подошел в изрядном подпитии, оказалось, охранник — только что уволили за пьянку. Мы стали разговаривать — все смеялись, и только одна из нас подшучивала над ним, издевалась, задавала злые вопросы... Остальным было интересно на его реакцию смотреть. Он продолжал хлестать пиво, потом сказал мне, что я сумасшедшая, но ничего уже нельзя исправить. И если мать родила меня дурой, стервой и дрянью, то так и будет. «Так кто, кто сумасшедшая?» — захохотала я и вдруг почувствовала, что нахожусь одна с ним, один на один, как на ринге, и рядом никого нет. Он вдруг плюнул мне в ноги. Тогда я всерьез испугалась и прошептала: «Кажется, я ничем тебя не обидела». Он промолчал. Потом наклонился и сказал мне на ухо: «В постели ты супер, я вас силой беру, но жить с такой не буду...» Потом он навязчиво стал предлагать свой телефон, я отказывалась, у него появилась злоба в глазах, еще немного, и он бы меня ударил. Телефон записала, и тогда он стал просить, чтобы я звонила ему, если трудно будет, и он все-все для меня сделает, потому что я хорошая...

ЗОЛОТАЯ ПЫЛЬ

Ты весь в золотой пыли...

Марина Цветаева

Я доползла. Села за стол, поставила перед собой фужер и тарелку, хотя знала, что есть не буду. Поставила фужер, тарелку и перед тобой, так сидела, наверное, долго, скользя по очень мягкому темному коридору, которым мне всегда казался наш город. Придушенно шипели на меня мозаичные ангорские кошки с разноцветными глазами под мостом, цветущими ветками врывается в память сирень, в кровь царапая... Синие огни иллюминации горели на переходах, как на рождественских елках, а ты все не приходил. Я плеснула себе в фужер давнишнего крымского вина, тебе налила, выпила несколько таблеток и стала ждать тебя.

Кошки вдруг отскочили, словно их кто-то сдернул с меня за хвосты, и мимо меня полетели в ночи, одна за другой, как стая птиц, мечети... И кызылайские чистильщики обуви теперь бросили работу и ждали тебя вместе со мной... К нам подошли даже те грустные бородачи, что жарят каштаны у остановки в Кентпарк... Тоже, похоже, были с кошками и сиренью заодно...

Но ты все опаздывал...

Вдруг откуда-то сверху посыпалась золотая пыль, и ее блески падали мне и тебе в фужеры, я вспомнила, как сто лет назад мы на Новый год писали записки, сжигали их и пили шампанское с пеплом... Стало до ужаса душно, я открыла настежь окно: тысячи огромных китайских фонариков взмыли в небо, мешаясь с шлемообразными куполами минаретов. И тут я почувствовала спиной твой взгляд. Взвизгнул, как будто металл по шелку, — что-то зажгло под лопаткой, и я поняла, что алое платье мое получило за меня свой стигмат, ведь оно — и вправду надрезано.

Ты молчал. Странно, ведь раньше ты любил поболтать... Тогда заговорила я:

— А знаешь, так было в одном кино? Влюбленный парень заглатывал рыболовный крючок. Он прав, любовь — искусство заглатывать... И кто бы знал той жаркой нашей последней и первой бишкекской ночью, когда я сказала: «Нельзя брать чужое», а ты ответил: «Тогда возьми свое», что этот крючок, обрастая новым мясом жизни, когда-нибудь захочет пойти обратно. Смешно, правда?

Губы твои, припухшие от чужих поцелуев, были крепко сжаты. Ты спросил глазами: зачем ты врешь сейчас? Ты сама прогнала меня. Ты прогоняла меня четырежды, и теперь я не вернусь ни за что!

Я рассмеялась: боже, какой ты идиот! Куда ты не вернешься, если ты не уходил никуда?! Я сама этого не знала, но теперь знаю... Я не выпущу тебя из себя, ведь живут люди даже с ножницами, забытыми хирургом...

Точно, это в двадцать лет наши потери отскакивают, как горох. В сорок уже застревают, как пули...

Ты лишь криво усмехнулся: пули, ножницы, боже, какой текст! Но так и не посмотрел мне в глаза.

Тогда я попросила: посмотри на мои руки — они сейчас в золотой пыли... Видишь, пыль забила мне царапины, что оставили твои кошки. Волосы мои тоже блестят — теперь никто не видит, что я без тебя уже старая девочка с сединой. Платье на мне алое... Но внутри я сухая! Я теперь на сухую живу, бесслезно, когда же сломается это рвущее зубчатое колесо внутри меня? Мне больно, научи меня напоследок плакать!

И ты зашептал мне глухо, придушенно: плакать научиться нельзя. Надо было прежде плакать научиться, а потом любить. Так-то лучше, милая, ты мне нутро своими нежными любимыми руками рвала, теперь сама поживи-ка с этой моей болью, которую я отрезал.

Я сказала, так ты хочешь моей боли? За что? За то, что я пыталась спасти тебя?! Тогда порежь меня сам, порежь снова — своим взглядом острым, как бритва... Так сильно я чувствовала твой взгляд сквозь сон... Этот твой взгляд, он словно разрезал мой сон, вынул оттуда меня живую, переспевшую, ту, которой я боялась всю жизнь... Дай же мне коснуться твоего лица!

Ты отшатнулся и вдруг от шепота перешел на крик: ты знаешь его хорошо и на ощупь! Ты, наверное, слепо могла бы вылепить мою посмертную маску. Я ухажу! И возвращаться не намерен!

Я только и успела тебе промолчать: Мир — это начало твоего имени... с губ не спускаю... прилипло к губам твое имя... Я теперь не смогу... без этой золотой пыли, Мир! Я завтра жду тебя и послезавтра... До тех пор буду звать, пока твой шрам под животом, которую тебе нанес, тебя же спасая в последние часы жизни, врач-киргиз, — ящерка эта не сползет с твоего тела. Только тогда я поверю, что шрамы могут растворяться во времени! Что я буду жить сама. Без тебя. И без шрамов.

Я ведь бросила тебя для тебя... Я хотела спасти тебя от себя... Но продолжаю любить тебя, теперь за любовь, которая не нужна, хочу попросить прощения. Я прошу прощения и у себя за то, что несчастна без тебя, за свои сухие обезвоженные губы, которые никого не хотят... Бог наказал меня: он отнял уши, глаза и губы того, кого я люблю. Знаю, что не нужно, но сердце продолжает ждать тебя... Глупое сердце, почему у тебя нет мозгов? Почему ты всегда говоришь «подцелуй»? Слово «целовать» от «цело чело»... Когда люди целуют, они касаются челом...

Но ты уже не слышал меня...

* * *

И вот я сажусь в нестерпимо алом платье в электричку... И говорит дева откуда-то в микрофон: «Уважаемые пассажиры! Мы проезжаем уникальный природно-климатический комплекс, Подмоскovie! Каждый из нас может сделать очень много для сохранения дикой природы в Москве и Подмоскovie, не затратив на это почти никакого времени».

В липком окне, будто намертво залитом суперклеем или прогорклым майонезом, забегали родные березы, и по соседству женщина вела бесперебойный монолог — о лечении геморроя до выбранного всенародно царя Бориса Годунова. Я побежденно закрыла глаза. И сказала себе — он сегодня придет на ужин, только бы не забыть: курица, черный хлеб и майонез.

Но голос дикторши не унимался: «Участвуйте в митингах, различных акциях, праздниках. Поддержите тех людей, кто борется за охрану природы. Как минимум это покажет чиновникам и предпринимателям, что народ сегодня требует не только “хлеба и зрелищ”».

СКЛЯНКА

— Ну вот, онкологи запрещают солярии, надоели им загорелые трупы, — зачем-то с вызовом говорит Ядвига, вытаскивая из носа маленькие скрученные марлевые свитки; мне вспоминаются папиютки, мои куклячи локоны к новому утруннику в саду, белые гольфы.

— Прошу вас, не беспокойтесь, сделайте все, так нужно, — не смотря ей в глаза, как можно тверже отвечаю я.

Ядвига вкручивает свитки назад. Шарю глазами по стене: за что бы зацепиться? Ее домашний Людвиг Ваных на портрете ответно ищет мой взгляд, чтобы начать любимую игру. Людвиг Ваных, какого черта?! Зачем ты в аллегретто шестнадцатых столько всунул?! И синкопы эти! Я с тоской вспоминаю позорный прошлогоний отчетный концерт, свои скользкие пальцы, мажущие все мимо, мимо, хоть присыпаны тальком, и ненавидящий выпуклый ядовитый взгляд Ядвиги из-под толстенных терриумных линз. Змеиний взгляд, нечеловеческий, которм она одарила меня в фойе.

В концертном зале напротив черного ящика, где внутри шевелятся утробно, как черти в табакерке, подбитые мягким войлоком живые деревяшки, тоже Людвиг Ваных висит. Косматый, угрюмый, как с похмельюги. Ядвигин Людвиг Ваных, мной так и не прирученный, которм подарил мне тройку с минусом, словно отряхнул соломинку со своего сюртука.

Я еще раз повторила: да, черного хлеба. Непременно черного хлеба. Он в моей тюрьме. Для турков, кажется, самым страшным наказанием в русских тюрьмах был как раз черный хлеб. Вновь открыла глаза. Зашел парень и присел рядом с девушкой. Молча. Как будто просто присел... Потом что-то ей сказал, оказалось, она — его. Мы сорок минут ехали молча. И лишь голос нам был: посадите дерево или куст, повесьте синичник или кормушку, уберите мусор, и наши дворы, сады и парки будут радовать вас зеленью и пением птиц.

Да, точно... надо черную курицу... не забыть...

Этот парень и девушка... оба так и не взглянули друг на друга. Так и не сказали больше ничего, уткнувшись в мобильники и что-то там набирая. Если они писали друг другу эсмэски — это единственное, что оправдывало их вымученную близость.

Я вышла из трейна, идущего наверняка в свою инфинити. Подбирая полы алого платья, я зашагала по раскисшей родной земле и твердила, чтобы не забыть: черный майонез... надо купить...

Портреты Людвиги, Ядвигины линзы и линейка в придачу по моим корявым пальцам — это как сопутствующие вещицы к великим значкам, которые я брала с трудом, как шифр. Это про меня сочинили анекдот: уборщица смотрит на пианиста, не понимая, кто же победил: черные или белые. Мне виделись сны, как я выхватывала линейку и била по Ядвигиным ненавистным стеклам, как-то раз разбив их окончательно и с ужасом увидев под ними детские беззащитные глаза.

«Да нет, такого быть не может!» — просыпаясь, твердила я. Если Ядвига снимет очки, под ними, наверное, ничего не окажется. Эти очки вместе со змеиными глазами она купила где-нибудь на птичьем рынке, чтобы «жисть» моя мне медом не казалась.

Черт знает, когда и зачем занесло сюда Ядвигу с ее янтарными перстнями, замшевой юбкой, вытертой на вполне ожидаемых местах, в туфлях, тоже замшевых, мшистых, бледно-зеленых, на твердых каблучках. На дочь стрелка из колчаковского литовского отряда она, конечно, не похожа. Я подозреваю, что однажды татранский фён, смешавшись над Краковом или под Шяуляем с балтийскими ветрами, пригнал сюда Ядвигу в добровольную ссылку декабристки или еще по иному веселенькому стечению обстоятельств. Променять брусчатку, ратушную площадь, каких-нибудь «дев Марий» в рождественских шопках и жареные картофельные цеппелины

на черемшовый медвежий угол — это, знаете ли, не для слабонервных сюжет. Ядвига, Ядвига. Если бы родилась ты шестью столетиями раньше, могла бы запросто выйти замуж за литовского князя и стать польской крулевою. Жила бы себе на Вавеле и смотрела с балкончика на розы и кресты, а в дождь, накинув плащ с горностаевым подбоем, шла бы по анфиладе дворца, представляя, как пасти драконов изрыгают с крыш водяные столбы.

Но стала Ядвига учительницей музыки для таких, как я, и нужно вместо утренних проходов по брусчатке — чтобы успеть к заутрене в собор, — муржигить деток, щелкать их линейкой, кругло ставить скрюченные, словно после полиомиелита, пальцы, собирать квитанции об уплате двадцати рублей ежемесячно и, выходя из кабинета, каждый раз шептать: «Тихий ужас».

Школьные годы чудесные! Учительница первая моя!

Тихий ужас — это про меня. Отличницу, между прочим, в обычной школе. Любимицу папы и мамы. Жаль, не сохранились эти дневники со словно высеченными Ядвиговыми рунами: «учить», «долбить», «педали грязные» и «термины ко вторнику!», да еще с двойными подчеркиваниями, как для дебила. И щедрая роспись на полстраницы, такая длинная «с» в конце ее литовской фамилии, что для меня она звучала словно «сссссс» — свистящим шепотом моей очкастой змеи.

— Так что, Людвиг Ваньч, родной ты мой, — стараюсь заласкать его, пересмотреть, но Людвиг Ваньч уже устал в телевизор.

Я ему неинтересна. У окна — Ядвигова кровать с резными ромбами и клеткой (не на ней ли она прибыла из Посполитой?), и к спинке привязана склянка из-под розового масла.

— Это еще что такое? — Теперь я смотрю на нее в упор, как некогда имела право смотреть на меня только она.

Ядвига растягивает губы и шмыгает носом, марлевые свитки опять пропитаны кровью.

— Да из такой штуkenции Либуше любовников своих поила поутру, — говорит она.

— Ядвига Вилкасовна, я знаю эту историю. Вы мне уже рассказывали, только по-другому. Помните, я как-то заперола Фибиха, вы потом сказали, что меня во Влтаву нужно, как любовников Либуше?

— Да? Не помню, как давно это было, — виновато отвечает Ядвига.

— А было это два года назад.

— Это было до...

Она идет в ванную менять марлевые свитки.

А стекляшка с кислотой болталась над ее изголовьем на шелковом шнурке, как сонетка. Казалось бы, возьми, позвони в колокольчик, и откроются двери туда, где не больно. Или придет к тебе служанка, срежет этот ужасный флакончик и на серебряном подносе поднесет его. И он оставит на пальцах противный, удушливый запах дохлых роз, вырызнет свое содержимое ей в рот!

«Finita est comedia!» — шепнул нам вдруг Людвиг Ваньч свои забытые слова в чуть сокращенном варианте. Заткнись, Людвиг Ваньч, смотри-ка ты лучше телевизор! Тереза Брунsvик и Джульетта шлют тебе привет! Видишь, Варгафтик что-то мелет про тебя, послушай, что умные люди говорят, — повеселее, может, всем нам станет.

Вдруг в этот мерзкий разговор полилась чистая озерная вода бетховенского аллегретто, так и не сыгранного мной. Я словно оказалась в темной яме концертного зала, смотрела на черную спину невидимого пианиста, сидя в кресле Ядвиго, и поняла наконец, зачем мне встретилась она, эта старая литовка в толстенных линзах. Чья-то невидимая рука брала шестнадцатые, отыгрывала форшлаги с каждым тактом все легче и легче, будто приноравливаясь к стремительному бегу по клавиатуре, а в комнате стояла тишина. Мы молчали, и только слышно было, как пропитываются бинты Ядвигой кровью.

Так жили мы еще несколько месяцев, встречаясь и расставаясь, и однажды мартовским утром я увидела дохлую крысу прямо у подъезда Ядвиго — ворона распутывала клювом целлофановые кишки — и чуть не свалилась на грязный, осклизлый лед. Смерть стояла на пороге Ядвигоного дома фривольно, как девка на панели; казалось, еще чуть-чуть — и снимет она свои цокающие каблукки, чтобы тихонько проникнуть в ее квартиру.

Я быстро зашла к Ядвиго и сказала, что не позволю больше мучить себя. Еще сказала, что она умрет или сейчас, или никогда. Так и будет таскаться целую вечность с этими бинтами и ворошить свои дни, словно разорванную партитуру с утерянными листами. Я сорвала склянку со шнурка, на секунду удивившись, как, оказывается, он был слабо прикручен к кровати, и подала ей. Ядвига отошла к окну, уставившись в расплывающуюся пустоту, а я ушла от нее, забрав склянку, решив, что больше сюда не вернусь.

В ту ночь Ядвига умерла.

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые читатели! Предлагаем вашему вниманию беседу с людьми удивительными, талантливыми и трудолюбивыми, представителями (думается, лучшими представителями!) подлинной российской интеллигенции, которая лечит людей, воспитывает детей, радеет в служении литературе и искусству.

Как же важен в наше время откровенный разговор отца и сына! В нем преемственность традиций, связь времен и взаимопонимание, но и, конечно, творческие тайны филологической династии Тарасовых.

БОРИС И ФЕДОР ТАРАСОВЫ: «НАШИ ГЛАВНЫЕ КНИГИ СОВПАДАЮТ!»

— Дай же отряхнуться, папаша, — говорил несколько сиплым от дороги, но звонким юношеским голосом Аркадий, весело отвечая на отцовские ласки...

Иван Тургенев. Отцы и дети

Борис Николаевич Тарасов — писатель и литературовед, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РФ, ректор Литературного института имени А. М. Горького. Окончил романо-германское отделение филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Широко известен по книгам «Паскаль» (1979, 1982, 2006) и «Чаадаев» (1986, 1990), изданным в серии «ЖЗЛ». Большой интерес вызвали также его книги «В мире человека» (1986), «Непрочитанный Чаадаев, неслышанный Достоевский» (1999), «Мыслящий тростник» (Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей)» (2004, 2009), «Историософия Ф. И. Тютчева в современном контексте» (2006), «Тайна человека и тайна истории» (2001, 2013), «Достоевский и современный мир» (2013) и другие. Сопредседатель Союза писателей России, лауреат международных и всероссийских литературных премий им. Ф. М. Достоевского, Ф. И. Тютчева, Александра Невского, премии Правительства РФ и Правительства Москвы в области литературы и искусства, Бунинской премии, Горьковской литературной премии.

Федор Тарасов — приглашенный солист Большого театра России, лауреат международных фестивалей и конкурсов, доктор филологических наук, член Союза писателей России.

Окончил филологический факультет и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. В двадцать три года защитил кандидатскую диссертацию. Затем одновременно работал в Институте мировой литературы Российской академии наук, писал докторскую диссертацию и учился на вокальном факультете Московской консерватории им. П. И. Чайковского, которую окончил в 2010 году с отличием.

С 2003 года началась регулярная концертная деятельность певца в Москве (консерватория, концертный зал им. Чайковского, Дом музыки, Колонный зал, Центральный дом ученых), других городах России и за рубежом (Испания, Италия, Греция, Кипр, Германия, Франция, США, Аргентина, Уругвай, Япония, Северная Корея, Китай, Латвия и др.).

В 2006 году Федор Тарасов стал лауреатом конкурса «Романсиада без границ» (Москва, 1-я премия), Международного фестиваля искусств «Апрельская весна» (Пхеньян, золотой приз), в 2007 году — лауреатом Международного конкурса им. Р. Вагапова (Казань, 1-я премия), в 2010-м — лауреатом конкурса-смотря выпускников консерваторий России. В конце 2011 года защитил докторскую диссертацию, с 2013-го — приглашенный солист Большого театра России.

Борис Николаевич Тарасов

— *Какие книги, прочитанные в течение жизни, вы считаете для себя главными?*

Ф.: В первую очередь, конечно, Новый Завет. Богослужебный экземпляр старого Евангелия в толстом кожаном переплете с застёжками был, собственно, в буквальном смысле слова первой книгой в жизни, которую вместе с альбомами по искусству нам давала мама и которую мы со старшим братом Андреем еще почти в младенчестве начали осваивать, для начала посчитав нужным, видимо, для большей продуктивности, отгрызть застёжки. Не думаю, что мы в тот момент озорничали: скорее наоборот, такое решительное движение свидетельствовало о всей серьезности намерений в постижении этой самой главной в жизни Книги. Сейчас почему-то в связи с воспоминаниями о тех далеких событиях на ум приходит фрагмент из Откровения святого Иоанна Богослова, или, как мы все больше привыкли, Апокалипсиса, последней книги в составе Нового Завета: «И голос, который я слышал с неба, опять стал говорить со мною, и сказал: пойдя, возьми раскрытую книжку из руки Ангела, стоящего на море и на земле. И я пошел к Ангелу, и сказал ему: дай мне книжку. Он сказал мне: возьми и съешь ее; она будет горька во чреве твоём, но в устах твоих будет сладка, как мед. И взял я книжку из руки Ангела, и съел ее; и она в устах моих была сладка, как мед; когда же съел ее, то горько стало во чреве моем» (Откр. 10, 8–10). Приходит на ум не потому, что я придаю какое-то чрезвычайное значение рядовому забавному эпизоду из своего детства, а потому лишь, что еще раз хочу подчеркнуть всю детскую серьезность того «происшествия».

Вслед за Евангелием я бы особо выделил Достоевского. По степени влияния не только на образ мысли и мировосприятия, но может быть, и на сам ход развития моей жизни, особенно в тот ее период, когда еще определялись, обозначались будущие пути и направления, я

Федор Тарасов

бы поставил его на первое место среди писателей. С подросткового возраста я стал не просто читать, а зачитываться Достоевским. Впечатление было настолько сильным и действенным, что даже радикально изменило мои полудетские планы профессионально заниматься живописью, которые я тогда под влиянием мамы начал было строить. Появился какой-то, я бы сказал, вкус к углубленному изучению литературы, в первую очередь, конечно, именно произведений Достоевского.

Б. Н.: Слушаю Федора и думаю о том, как совпадают наши главные книги. Только их сокровенные глубины открывались мне в более позднем возрасте и в другом порядке. Ближе к восемнадцати годам я стал зачитываться романами Достоевского. Ночное чтение «Братьев Карамазовых» или «Бесов», «Идиота» или «Подростка» производило глубокое впечатление необычностью их сюжетов, проблематики, взаимоотношений между персонажами и вызвало к раздумьям о «тайне человека». От этих раздумий шел путь к Евангелию, к «Мертвым душам» Гоголя, к «Воине и миру» Толстого. В разные годы жизни к «тайне человека» и тайне истории меня подводили такие разные книги, как «Большой Мольн» Алена-Фурнье, «Мысли» Паскаля, «Постижение истории» Тойнби, «Закат Европы» Шпенглера, труды русских философов Чаадаева, Леонтьева, Розанова, «Человек без свойств» Музиля, «Тихий Дон» Шолохова, поэзия Валери и Тютчева...

— *Когда к вам пришло решение сделать филологию профессией?*

Ф.: Решение созрело к последнему году обучения в школе, оно связано как раз с увлечением Достоевским. Точнее, увлечение довольно быстро переросло в решение, пробудив какие-то неведомые до того, исполненные мощной жизненной силы ощущения, духовную жажду личностного развития, нового, уже совершенно не дет-

ского осмысления себя и мира. Поэтому само решение можно сформулировать скорее как выбор пути своего рода взрослого знакомства с миром через слово, и в первую очередь через глубокое изучение художественного слова Достоевского. А профессия как таковая просто «пришла», «наступила», как очередное время года, стала естественным следствием сделанного выбора. Благо, что интеллектуальный фундамент и сама атмосфера филологического факультета МГУ укрепили на этом пути. Мы со старшим братом одновременно пошли в школу, после окончания которой вместе поступили на филфак МГУ. Там же на романо-германском отделении филфака и на искусствоведческом отделении истфака учились отец и мать. Так что выбор профессии был в какой-то степени обусловлен и наследованием традиции.

Б. Н.: Что касается меня, то такое решение сложилось вполне естественным образом. В Казанском суворовском военном училище, которое я окончил, работали замечательные преподаватели вообще, а литературы и французского языка в особенности, люди высочайшей культуры (некоторые из них принадлежали к дворянской среде и вернулись из эмиграции), оказавшие на меня определенное влияние своим личностным обаянием, глубокими и обширными знаниями. Мои литературные и научные интересы сказывались так, что выбор романо-германского отделения филфака МГУ им. Ломоносова стал изнутри закономерным.

— Как в вашу жизнь вошел Достоевский?

Ф.: В семейной библиотеке Достоевский представлен многотомным полным собранием сочинений. И сначала был, как ни странно может показаться применительно к детскому чтению, «Идиот» — и потрясение от прочитанного. Многое тогда оставалось непонятым до конца, но очень близким по духу. Несмотря на тяжелую трагическую развязку романа, не помню, чтобы оставалось тягостное впечатление на душе. Наоборот, был какой-то прилив энергии, наверное, похожий на тот, что рождается при совершении какого-нибудь грандиозного открытия. Глубина проникновения во внутренний мир человека действительно стала откровением, сильно повлияла на собственное становление. Сразу захотелось прочитать всего Достоевского. Приступив к ранним произведениям, «Бедным людям», «Двойнику», «Неточке Незвановой», «Униженным и оскорбленным», «проглотил» их довольно быстро, на одном дыхании, и перешел к большим романам, знаменитому «пятакнижию» Достоевского, вновь перечитав и знакомый по школьной программе роман «Преступление и наказание». С тех пор Достоевский невольно стал своего рода точкой отсчета в мире литературы.

Б. Н.: Упомянутое ночное чтение романов Достоевского происходило в суворовском училище. Майор Фе-

дор Степанович Алесь, преподававший литературу, вел специальные занятия для пишущих юношей, где особое место отводилось и обсуждению произведений Достоевского, в том числе и в долгих личных беседах, переключившихся с чтением.

— Федор, в последние годы вы все больше времени и сил отдаете своей новой — вокальной — профессии. Как вам дался этот переход от науки к сценической деятельности? Как вы, Борис Николаевич, отнеслись к такой сыновьей «измене» филологии?

Ф.: Переход был внешне довольно неожиданным, внезапным. После защиты кандидатской диссертации я принял приглашение Института мировой литературы РАН стать его сотрудником, и, проработав несколько лет, поступил в докторантуру института, намереваясь с большей энергией взяться за уже начатую работу над докторской диссертацией. Однако не прошло и четырех месяцев, как я, неожиданно даже для себя самого, поступил на вокальный факультет Московской консерватории, вновь став студентом! Но хотя поступление в консерваторию было импровизацией, в которой было даже немножко от задорной игры, закончившейся, слава богу, успехом, поворот в жизни подспудно назревал не один год. Еще будучи студентом филфака, я на фольклорной практике, окруженный песенной стихией, начал открывать в себе постепенно пробуждающийся низкий и довольно сильный голос. Были и песни под гитару в студенческой компании; был огромный интерес к церковному пению, приведший на церковный клирос, — очень значимый для меня этап в формировании голоса и эстетических вкусов; было и участие в любительском фестивале искусств, завершившееся первым в жизни лауреатством. И, безусловно, занятия с частными педагогами по вокалу, бесконечные поиски правильного звучания голоса, походы на концерты, прослушивания по сто раз записей выдающихся певцов, басов прежде всего, поскольку у меня самого басовый тембр голоса. Наконец, первые сольные выступления и даже целые концерты — еще до поступления в консерваторию! Одним словом, предыстория столь крутого поворота в моей биографии достаточно богатая на события, и ее итог — вокальный факультет Московской консерватории — вполне логичный.

Тем не менее снова стать студентом, на взлете филологической карьеры и уже отнюдь не в юношеском возрасте, — психологически довольно непростой шаг. Пришлось полностью переиначить сформировавшийся жизненный уклад и начать абсолютно с нуля совершенно другую жизнь. Честно сказать, в первые несколько месяцев моего «повторного» студенчества периодически накатывали сомнения: не прекратить ли уже затянувшийся эксперимент и не вернуться ли к привычной деятельности, прерванной «на полуслове»? В те непростые моменты мощной опорой

для меня стала решительная поддержка моих родителей, удивительно своевременная и благотворная.

Б. Н.: Предыстория, о которой говорит Федор, разворачивалась на глазах нашей семьи. С самого рождения детей жена уделяла огромное внимание их музыкальным впечатлениям и воспитанию, постоянно ставила пластинки с классическими произведениями. Позднее Федор с удовольствием занимался в музыкальной школе. И когда у него наметился новый профессиональный поворот, ни у кого из нас не было ни малейших сомнений, поскольку мы видели, насколько естественно и глубоко певческое искусство захватывает его, отвечает его душевным и духовным потребностям. К тому же «измена» не была прямой и полной. Ведь, например, поэзия, соединенная с музыкой, обретает новую действенную форму.

— Хотели бы вы, чтобы филологическая династия Тарасовых продолжилась?

Ф.: В самом вопросе звучит справедливая констатация факта, что таковая династия, по крайней мере, обозначилась. Не только по тому формальному признаку, что и я, и мой старший брат вслед за нашим отцом, Борисом Николаевичем, стали докторами филологических наук. Но и по самому содержанию наших научных изысканий: мы с братом последовали тому направлению, которое стало магистральным в исследованиях отца — постижению духовных основ, религиозно-философских истоков русской литературы и культуры в целом.

Однако сейчас уже видно, что, в отличие от отца, всего себя посвятившего филологической науке и работе в Литературном институте, и мои собственные профессиональные интересы, и деятельность моего брата все больше уводят нас на стык научных дисциплин и даже сфер деятельности. Мой брат успел испытать себя и в администрировании науки, и в руководстве вузом, и в СМИ. Я стал профессиональным певцом, по окончании консерватории постоянно выступаю с сольными программами, гастролирую по всему миру, солировал в Большом театре России. Поэтому сделать так много для филологии и русской литературы, как Борис Николаевич, нам уже вряд ли удастся. Да и цели такой, скорее всего, уже не возникнет.

Тем не менее лично у меня ощущение династии никуда не уходит, живет внутри меня. Но оно приобретает более широкий, точнее сказать, более глубокий смысл, не специфически профессиональный, филологический, а фамилно-бытийный, если можно так выразиться. Я прекрасно вижу, что для отца профессиональная деятельность, которая у него всегда отличалась высочайшим уровнем мастерства, связана прежде всего со служением тем святыням, что не теряют своей ценности ни при каких обстоятельствах, даже перед лицом смерти, и составляют его духовный фундамент. В этом смысле я от

всего сердца желаю продолжения династии Тарасовых. Мечтаю, чтобы и мои дети могли так же гордиться своей фамилией, глядя на меня, как я горжусь ею, глядя на своих родителей, и чтобы как для меня сейчас, для них в будущем, спустя годы взросления, их фамилия твердо ассоциировалась с нравственной незапятнанностью и честью в сочетании с высоким профессионализмом.

Б. Н.: Конечно, хотелось бы иметь продолжателей своего дела, но только при условии его сообразности их природным способностям, увлечениям и профессиональным интересам. Еще в XIX веке Федор Глинка отмечал тенденцию, к сожалению, не теряющую своей актуальности. Он писал о том, что все колеса прыгнуты с осей, и каждому колесу хочется на чужом колесе повертеться. Т. е. подразумевается, что люди не умеют или не желают определять природу своего призвания и способностей, а следуют в жизни выгоде, моде, престижу и т. д. Отсюда много противоречий внутри личности и общества, столько пирожников, тачающих сапоги, сапожников, пекущих пироги в самых разных сферах, что невидимо ведет к разрушению судеб людей, к различного рода нестроениям вокруг них. Будем, разумеется, рады, если гармония между «творчеством» и «жизнью» у наших детей будет осознана и достигнута.

— Что у вас в новом году в планах — научных, певческих, других?

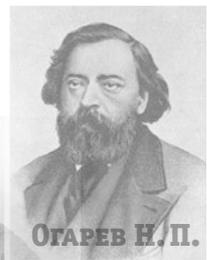
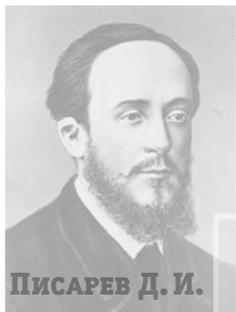
Ф.: Планов, как всегда, громадье. И у меня они в новом году связаны в первую очередь с певческими проектами. Есть замысел большой новой сольной программы, посвященной русской песне от истоков до современности, задача которой, если говорить кратко, одной фразой, — представить духовный облик России. В процессе работы над этой программой постараемся с моими единомышленниками и постоянными соратниками по концертной деятельности записать альбом, в основу которого войдет тот же материал. Надеюсь продолжить уже подарившее массу новых впечатлений и стимулов для саморазвития сотрудничество с Большим театром. И, конечно же, сольные концерты и гастроли — своим чередом: с самого дебюта, состоявшегося десять лет назад, они стали важнейшей и неотъемлемой частью моего певческого труда.

Но, как известно, мы предполагаем, а Бог располагает. Наверняка жизнь внесет свои коррективы, этим она и интересна. Надеюсь, что если будут сюрпризы, то радостные.

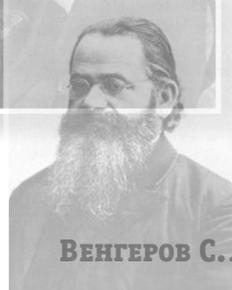
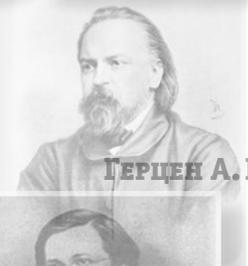
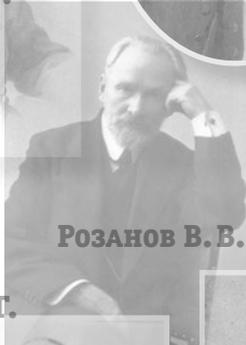
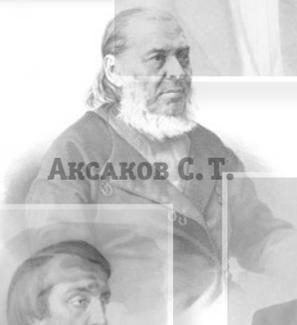
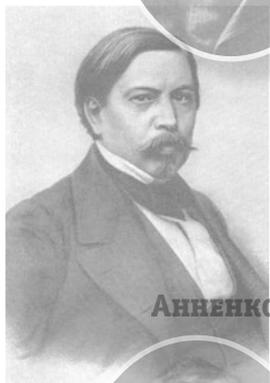
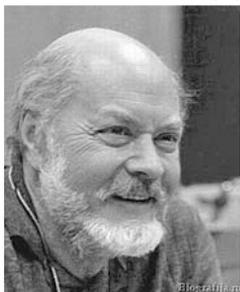
Б. Н.: В планах — реставрация зданий, проектирование которой сейчас завершается, создание кафедры переводов с языков стран Восточной Европы, СНГ и народов России, а также издание трехтомника своих сочинений.

Беседу вела Ольга Рычкова

Страницы Льва Аннинского

АННИНСКИЙ Л. А.

Продолжение. Начало в № 1–12 за 2013 г., в № 1 за 2014 г.

Синявское дело. Письмо в защиту

Письмо в защиту Синявского и Даниэля скрытно ходило по рукам. Я чувствовал, что мне предложат подписать. Я не просто был на это согласен, я этого хотел. Но — с одним условием: никакого сокрытия! Никаких секретных телодвижений! Когда будет разбирательство и меня спросят, кто дал письмо, — я назову. О чем заранее предупреждаю. Я не хочу состоять в тайном обществе.

Условие было принято. Письмо мне привезли. Я подписал. И стал ждать... нет, не славы борца с властью. А — разбирательства.

Явного разбирательства вроде бы и не было. Но при разговоре в ЦК партии (куда меня, беспартийного, вскоре пригласили для беседы, что было даже и естественно, ибо я, беспартийный, иногда делал по просьбе работников ЦК литературные разработки, никак, кстати, не

смягчая своих оценок и мыслей), так вот, в ходе вполне душевного разговора в ЦК у меня спросили (вскользь и между прочим), кто дал мне подписать письмо. И я (так же вскользь) ответил, кто, внутренне возблагодарив судьбу, что оговорил это право.

Больше по указанному «оргвопросу» ко мне не подступали ни тогда, ни впоследствии. К моему душевному облегчению. Но был еще один «оргвопрос», касающийся моей подписи: дело в том, что мы с женой заранее обсудили ситуацию и согласно решили, что я *подпишу*.

К моему изумлению, этот второй «оргвопрос» (совершенно, как я думал, личный) возымел при разборках дела несколько больший резонанс.

Но, пожалуй, я эти разборки опишу последовательно в других этюдах.

Продолжение следует.

ПОЧЕМУ МЫ ЖАЛЕЕМ О НЕМ?

«Игра в джин» — задание для виртуозов. И пьеса американца Дональда Кобурна, и спектакль Галины Волчек в московском «Современнике».

Два виртуоза сцены — Лия Ахеджакова и Валентин Гафт — держат действие диалогом три часа сценического времени. Две старческие души спасаются от одиночества в доме престарелых и пытаются сдружиться. Намечаются характеры: в нем — шутивая задиристость, в ней — обаятельная вежливость... Но комедия положений вдруг срывается в какую-то жуткую злобу. Заводится он — она заражается. Из-за чего? Из-за карт. «Игра в джин» — что-то сатанинское: так и хочется удвоить последнюю согласную... В отчаянии спрашивают друг у друга: «Мы слишком долго живем?» Пытаются сдержаться и, словно опомнившись, после каждого оскорбления просят друг у друга прощения... и вновь срываются, и готовы убить друг друга.

Опоминается и автор — начинает объяснять эту злобу прошлыми биографиями: у него — какие-то финансовые просчеты, у нее — развод с мужем, ссора с сыном... но я не хочу слушать этих объяснений: их сминает и сметает не знающая удержки, из подсознания прущая агрессия. В ней суть!

Какую же злобу вынес человек из проклятого Двадцатого века!

После оваций спрашиваю соседку, Нинель Лисогурскую, что она думает об этой трагедии, которая прикидывается комедией.

Она отвечает чуть слышно — стихами:

— Как жесток этот мир! Сколько странностей в нем, сколько ран он наносит и лечит потом! Но в житейских страданиях есть загадка в одном: почему уходя, мы жалеем о нем?

Варвара ЮШМАНОВА

Варвара Юшманова — поэт, журналист, редактор. Родилась в Братске. Жила в разных городах России. Сейчас — в Москве. Студентка Литературного института имени А. М. Горького (семинар поэзии Игоря Волгина). Публиковалась в нескольких сборниках, в журналах «Волга — XXI век», «День и ночь», «Новая реальность» и «Русская жизнь». Финалист Международного литературного Волошинского конкурса 2013 года.

ПЬЕСА-БУБЛИК

Когда Михаил Булгаков задумал писать пьесу «Александр Пушкин», не включив в список персонажей самого Пушкина, его близкие сначала были ошеломлены. Но в итоге замысел автора воплотился в жизнь. Произведение получилось интересное, важное. Долгие годы, правда, уже после смерти Булгакова, пьеса (названная постановщиками «Последние дни») шла во МХАТе с большим успехом. И все же, когда читаешь это произведение, да и наверняка когда смотришь на сцене театра тоже, невольно возникает чувство, что не хватает

самого главного. Все персонажи, слова, действия — все крутится вокруг Пушкина, которого нет. Получилась такая пьеса-бублик. С большой дырой в центре.

Такое же ощущение у меня вызывают рассуждения о том, что такое поэзия. Ведь людям, которым она близка, не нужно ничего объяснять (как не нужно объяснять суть Пушкина тому, кто читал его). А тем, кто далек от поэзии, ответом на вопрос о ней может быть, пожалуй, лишь *молчание*:

...Не поделиться с ними вздохом вод
И поцелуем жгучим, словно йод,
Укусом чайника, вскипевшего от злости,

Своей печалью, свернутой в клубок,
Слезами крыш, распутностью дорог
И тиканьем, как будто жизнь идет со стуком трости...

Варвара Юшманова

СЧАСТЬЕ

Скоро ли ты обрушишься на меня
 Штормом средиземноморским,
 Судном лихим пиратским?
 Сердце мое осталось лежать под Братском.
 Боль моя — подмерзшая полынья.

Скоро ли ты набросишься на меня
 Мягкой, шурша, взлетающей птичьей стаей,
 Песнями колокольными, звуком бубна?
 Я словно ненастоящая, я как будто.
 Я мать-и-мачеха, не собирай меня.

Скоро ли ты приблизишься, как прибой,
 Как угрожающие грозовые тучи?
 Скоро ли, счастье, ты придешь и измучишь?
 Или же мы не встретимся вновь с тобой?

* * *

Я знаю, что когда-нибудь солгу.
 Куда-то неуверенно шагая,
 Я встречу человека-попугая,
 И он за мной неправду повторит.

Я знаю, что когда-нибудь паду.
 И, чувствуя души своей изъяны,
 Я встречу человека-обезьяну,
 Он, как и я, бесстрастно согрешит.

Я знаю, что когда-нибудь уйду
 Кричать в лесах неведомых без толка,
 И там я встречу человека-волка.
 Он в долгой песне душу обнажит.

Я знаю, что когда-то люблю,
 Над болью возвышаясь, как калека.
 Я встречу человека-человека.
 И он меня не примет, но простит.

Молчание

Иные собеседники пусты:
Для них сознание — голые кусты,
Их сновиденья сухи и помяты.

А мне в окне погнутая луна
Являет вдруг купание слона
И ветер, полный хризантем и мяты.

Не поделиться с ними вздохом вод
И поцелуем жгучим, словно йод,
Укусом чайника, вскипевшего от злости,

Своей печалью, свернутой в клубок,
Слезами крыш, распутностью дорог
И тиканьем, как будто жизнь идет со стуком трости.

Молчит земля, дождем иссечена,
И солнце цвета легкого вина
Разочарованно глядится в лужу.

Молчит вода, обнявши южный склон,
И в ней застигнутый, молчит мой слон,
И я молчу, не в силах показать слепому душу.

Жизнь около

I.
Ежишься кактусом, думаешь, что пора
Так зацвести, чтоб сирень за окном поникла.
Выпустить бы бутон,
сбросить бы иглы
В час, когда ночь разляжется во дворах

Мягким котом с окошками вместо глаз.
Желтый его зрачок затуманен тюлем.
Время стоит решетками тысяч тюрем
И не пускает в чье-то грядущее нас.

Там для других моторы машин поют,
Там на рассвете кто-то выходит в поле,
И поворотом руки
и своею волей
Кто-то корабль военный ведет на юг.

Около нас оркестры играют джаз,
 Около нас моржи побеждают холод,
 Сильные люди снова возводят город,
 Кто-то рождает мальчиков около нас.

Небо велением Бога меняет цвет.
 Зверь желтоглазый прячется, как от грома.
 На подоконнике неродного дома
 Время цветенья ждать еще пару лет.

II.

Не может сердце жить покоем...

А. Блок

Твой шелкопряд затих. Собирай наряд.
 Штопай сукно, разбросанное по полкам.
 Утром недолгим будишь себя без толку
 Тысячу раз подряд.

Август тебя испытывает на блажь.
 Три твои рыбы в трепете и задоре.
 Ты, словно в зеркало, смотришься в это море,
 Лихо внесенное на седьмой этаж.

Жизнь не отрепетировала балет.
 Сердце твое и тело твое в покое.
 И отражение ждущее и скупое
 Скажет, что ты прекрасна, что спору нет...

О ЦВЕТАХ-ЛЮДОЕДАХ

Да, пусть не советуют мне замужние друженько.
 Лучше вашего знаю я о любви.
 Падала в эту скважинку,
 Пила из нее, захлебывалась.

Любовь — она как цветок-людоед.
 Приманит тебя горячими лепестками
 Малиново-безысходными,
 Сводящим с ума ароматом,
 Сирены криком.
 Разявит зубастую пасть —
 Не успеешь пискнуть —
 И с сердцем тебя, и с пятками поглотит.

И вот ты внутри: из стебля ее тугого
 Твой стан выпирает ужином анаконды.
 Ты намертво схвачен,
 Выпуклый и живой.

Кому-то дано немного, кому-то годы.
Но время иссякнет,
Будет твой дух обглодан.
Огромный цветок тебя изрыгнет наружу,
Остатки тебя,
Потроха души.

Ты встанешь неровно. Перед тобой без края
Раскинется поле таких же цветов-людоедов,
Прекрасных,
Поющих песни о самом главном.
И ты направишься к ним или от них.

Улов

в рыбьих глазах русалок густые дали,
плакательные соли и корабли.
у моряка на мостике две медали.
греют его признание и шабли.

время и соль потеряли его, поели.
но, свой рассудок опытом подперев,
он бесподобен в море или в постели,
в покере, а в сражениях просто лев.

слава о нем несется в раскате грома,
тянутся сказы длинные, словно нить.
каждой русалке имя его знакомо,
каждая жаждет к себе его заманить.

путают волосы, ветры, сгоняют тучи,
поодиночке колдуют и заодно,
тащат в свои пучины корабль летучий,
но лишь матросики прыгают к ним на дно.

зов сладострастный тонет в промозглой бездне,
но равнодушен взгляд моряка и прост.
есть посильнее чары, чем эти песни.
холоден и беспомощен рыбий хвост.

нет в нем коленок, чашечек и вначале
розовой кожи бедер, прямых углов.
женщина длинноногая на причале —
самый желанный и самый земной улов.

Ильдар АБУЗЯРОВ

Ильдар Абузьяров — российский литератор. Автор книг «Мутабор», «Агробление по-олбански», «ХУШ». Лауреат Пушкинской премии и премии имени Валентина Катаева.

ФИНСКОЕ СОЛНЦЕ

РОМАН В ДЕВЯТИ ИСТОРИЯХ*

ВМЕСТО СЛАВОСЛОВИЯ

С автором этой книги, писателем Оверьмне, я познакомился совершенно случайно. Однажды обстоятельства закинули меня в малонаселенный край Финляндии — где-то между Пори и Оулу. Любуясь пожухлыми, сухими травами, темным лесом со мхом на стволах деревьев и гранитных глыбах, я часами гулял и вдыхал осенний бодрящий воздух, а потом подолгу отмокал в сауне, накинув на плечи папоротник махрового полотенца.

Мне нравилось это уединение. Я наслаждался им сполна, пока однажды ко мне в окно не постучал местный дворник Оверьмне, который расчищал дорожки к гостевому домику. Своей большой припорошенной снегом бородой-лопатой, что закрывала пол-лица — вторую половину скрывал капюшон пуховика, — он напомнил мне скорее бородатого йети, чем добропорядочного финна.

— Здравствуйте, — пытался докричаться через стекло Оверьмне, — а я у вас инструмент забыл, когда трансформатор проверял.

Заматавшись в полотенце, я пропустил дворника в подсобные помещения — к стиральным машинам и пультам управления уличным фонарным освещением всего кампуса. Дворник взял свою похожую на раскрытый но-

утбук лопату и собрался было уходить, но, увидев испианные от руки листы блокнота, задержался. Он поинтересовался, что я пишу.

— Стихи об осени, — сказал я, — пишу, но никому не показываю.

— О, я тоже никому не показываю то, что пишу, — признался дворник, — а можно я вам как-нибудь принесу свою писанину?

Через неделю он принес мне несколько тетрадей, исписанных крупным, неровным, даже корявым почерком.

— Да это ведь проза, не стихи, — отметил я, открыв первую тетрадь.

— Разве? — удивился дворник Оверьмне. — Я могу прислать еще много проз, если вам понравится.

Как выяснилось за чашкой чая, Оверьмне приехал сюда, в Нярпис, из Саари, что под Турку. До этого он жил в некогда процветающем Нижнем Хуторе. Как человека, особо не обремененного правами, без своего жилья, его не только приняли на работу, предоставив комнату в домике, но и загрузили обязанностями. Оказалось, что дворник должен отвечать и за освещение кампуса, и за отопление, и за стирку белья.

— Это, видимо, вместо сантехника Каакко, электрика Искри и банщицы Сиркки, — заметил к чему-то дворник Оверьмне, заметно погрузнев. Может быть, в это мгновение ему вспомнились родные пенаты и близкие его сердцу люди.

* Короткий отрывок из нового романа Ильдара Абузьярова «Финское солнце» был напечатан в журнале «Октябрь» в 2013 году. Полностью роман для публикации автор любезно предоставил журналу «Юность».

Вскоре я вернулся в Москву. Признаться, пораженный тем, что писатель Оверьмне не знает, что такое проза, я со скепсисом начал читать его рассказы. Но на удивление, они мне понравились, и в благодарность человеку, что следил за сауной, расчищал дорожки и освещал мой путь от бани до домика в крошечной финской полярной ночи, я постарался опубликовать его рассказы в одном столичном журнале.

Не прошло и нескольких месяцев — ох уж эти горячие финские парни, — как писатель Оверьмне прислал мне «еще немного проз со славословием», как он это обозначил. Покопавшись в текстах, я выяснил: то, что казалось мне рассказами, на самом деле было частями полноценного романа в девяти историях, две из которых, «Зимний садик» и «На трамвае за голубикой и водяниккой», отвечали за время и пространство особого финского мира Оверьмне.

Всего писатель Оверьмне прислал мне две книги. А то, что он назвал славословием, было то ли предисловием, то ли послесловием. К какой именно из книг, я так и не понял.

Не разобравшись в славословии, я решил заменить его своим редакторским предисловием. А славословие Оверьмне дать, когда он мне разъяснит некоторые его аспекты. Возможно, писатель Оверьмне ответит на мое письмо через пару месяцев, а может, и через пару лет. Как бы то ни было, я подробно объяснил писателю Оверьмне, что славословие следует за послесловием, которое идет после многословия, которое, в свою очередь, начинается после предисловия. И что всему свой черед.

Что касается названия, то оно мне сразу напомнило о долгих полярных ночах и о темном небе, которое озаряли то ли северное сияние, то ли круглосуточно освещенные теплицы. В них трудолюбивые финны выращивают красные томаты и огненный перец. А еще я вспомнил просторные библиотеки с таким ярким искусственным светом, что казалось, он создан специально для того, чтобы бороться с депрессивным настроением и очень распространенными среди финнов случаями суицида. Публикуя «Финское солнце», я так и представляю, как однажды дворник Оверьмне придет в библиотеку Нярпи-са и возьмет с полки книжку со своим романом, и на лице его, пробиваясь из-за тучной бороды и усов, сверкнет мимолетно-довольная улыбка.

Наверное, вам интересно, что мне так понравилось в книге писателя Оверьмне и почему я решил ее опубликовать, а некоторые главы даже опубликовать повторно? Охотно поделюсь. Во-первых, ирония и самоирония писателя Оверьмне. А во-вторых, равномерность монотонного повествования. Словно закономерные круги от брошенного в воду камешка-монолита из стены дома, книга разворачивается, раскрывается, расходится во все стороны от отдельных семей и квартир к обществу всего Нижнего Хутора с его историей и проблемами.

Книга «Финское солнце», конечно, очень занудная, как и сами северные лесорубы, и порой мне даже казалось, что в ней собрано все самое мерзкое и отвратительное, что может быть в человеческой природе. Но в то же время я успел проникнуться атмосферой Нижнего Хутора и духом финнов с их самоуничижающим и самопринижающим — как бы чего не вышло, от греха подальше — менталитетом. Вдруг мне стали понятны и печально известная занудность финнов, и их магическое восприятие мира. Иными словами, я проникся обыкновенной финской магией.

Дорогому же читателю я посоветую набраться терпения и дочитать книгу до конца, проходя от одного круга к другому, прорываясь сквозь земное пространство к сакральному по расчищенной писателем Оверьмне дорожке. Писателем, который ради общего дела временно вынужден подрабатывать дворником Оверьмне, замещая собой Каакко, Исккри, Сиркку, Конди с Холди... да мало ли кого еще.

ИСТОРИЯ 1

ЗИМНИЙ САДИК

I

Ну как вам рассказать о Ювенале? Рассказать о Ювенале так, чтобы не исказить ее образ. Не спутать ее волосы и тем самым ненароком не запутать ваши мысли о ней. Рассказать о Ювенале, не размыв представлений о ее прекрасной улыбке и не сгустив краски и тени на ее ресницах и веках. Как, скажите, не обидеть Ювенале, не наругать вульгарным макияжем и не задеть карикатурным образом?

А может быть, следует начать с того, что Ювенале разводит цветы? Цветы у Ювенале повсюду: на подоконниках и подлокотниках, на сарафанах и занавесках, на обоях и скатертях. Красные, желтые, нежно-голубые. Ирис, календула, орхидея. Очень много цветов на всевозможных полках и подставках. В горшочках и кашпо. Она их лелеет и бережет. Цветы ее тоже любят. Как не любить такие добрые и заботливые руки? Ведь даже мужчины любят нежные и умелые руки Ювенале.

Они приходят к Ювенале, как животные к лечебному дереву. Припадают к ее шершавым от забот рукам и гладким коленкам. Да, в руках Ювенале мужчины становятся мягкими и послушными. А у ее колен — пушистыми, словно расслабленные ежи. Потому что Ювенале как никто умеет гладить по волосам.

К тому же Ювенале лечит их раны и разглаживает все сомнения, словно душевная врачевательница. Мужчины прячутся в цветочно-лечебном саду Ювенале, как затравленные, уставшие животные в густой траве. И инфантильный лось, и шустрый лосось, и хитрый

лис — все рано или поздно приходят к Ювенале за утешением.

2

Деревянный домик Ювенале выкрашен в розовый цвет, словно соцветие иван-чая на восходе солнца. Воздух вокруг пропитан насыщенным букетом сада, разбавленным влажным дыханием речного ветра.

Приютившись на склоне верхней части Нижнего Хутора, в сторонке от главного почтамта, он будто прячется от яростных ожогов в ложине-овраге. К дому прилегают небольшой яблоневый сад с розовым наливом, маленький розарий чайных роз, оранжереи с фрезиями рыжими и клумбы с бегониями клубневыми...

Цветы у Ювенале растут на любой вкус, цвет и запах. Фиалка узамбарская, пуансетия, золотоус... Цветы счастья, вдохновения, надежды и здоровья: бегония, гиацинт, лаванда и алоэ...

И даже по бревенчатым стенам ее дома свисают вьющиеся древесные и травянистые растения: древогубец плетевидный и лазающий, жимолость сизая, хмель обыкновенный. А еще луносемянник даурский, виноград амурский и кирказон маньчжурский.

А в комнате у нее помимо подвешенных кашпо и навесных стеллажей с цветами красуется на стене плакат, изображающий дерево мира. То ли разлапистую липу из «Липовой аллеи», то ли могучий дуб из «парка Дубки», а возможно, и мохнатую ель из «Елового сквера». В ветвях, корнях и листьях которого ведут хоровод добрые духи и злые дэвы. Глядя на это родовое дерево, Ювенале и выращивала свои цветы: хризантемы девичьи, эрики румяные, виноград пятилисточковый и актинидии многобрачные.

3

Однажды я заинтересовался у Ювенале, откуда такая любовь ко всему живому, к человеку и природе. И она ответила, что все дело в растениях, которые она разводит.

— В своем садике, среди цветов я ощущаю себя всемогущей феей, которая может дать жизнь или смерть, может позаботиться, а может погубить.

— Если относиться к магии как к игре в детском саду с самим собой, — объясняла она, — то мир вокруг становится как стол с пластилином и красками. Бери и делай, что хочешь, и разукрашивай в любой цвет. Играя, я ощущаю, как сила природы, что вокруг меня — под руками в растениях, под босыми ногами в твердой почве, — соединяется с моими собственными силами. Я ощущаю, что могу сделать все, что мне только вздумается и заблагорассудится.

Здесь надо сказать, что по дому и зимнему саду Ювенале все время ходила босиком в просторном уютном платье-колокольчике на тоненьких стебельках-бретельках. Или в халате с крупными яркими цветами. Умеет Ювенале простотой в обиходе и общении расположить к себе гостя и разговорить собеседника. Ну скажите, разве это не обыкновенная магия?

Дом Ювенале двухэтажный, с широким, длинным балконом. Весь второй этаж отведен под домашних — под цветы и другие растения. На обширном застекленном балконе, соединенном с маленькой комнатой, располагался миниатюрный зимний садик. Стоило кому-либо переступить порог дома Ювенале, как он тут же подпадал под цветочное обаяние и в конце концов был зачарован нежными силами Ювенале.

Магический сад не есть что-то эфемерное. Но его назначение и не приземисто-утилитарно, поясняла Ювенале, своими ароматами он наполняет нуждающегося новыми силами, а страждущего отвлекает от его страданий. А еще он обеспечивает постоянное пополнение запасов свежих и сухих трав, сборов пряностей и лекарств: мяты перечной, любистока обыкновенного, зверобоя продырявленного. А еще Melissa и базилика, чабреца и чистотела, ажгона и жмыха, ясенника душистого и лепехи.

4

Думаю, каждый путник встречал такую, как Ювенале, и хотел остаться в зеленом уголке, побыть наедине со своими мыслями-растениями, пообщаться с цветами или прекрасной Ювенале. Все в этом доме пело и дышало нежностью. Нюхотки пестрые, бархатцы отклоненные, циннии изящные и еще эшшольции калиф.

Приходили к Ювенале рыбак Вялле с охотником Ласле, когда они еще охотились не только на рыб и зверей, но и на женщин. Приходил и Вессо Хаппонен, сомневающийся, а не любят ли его женщины лишь за деньги, и клерк Суло — просить антистрессовый цветок яппи. А начальник Суло Суммо Хаппонен — цветок богатства, чтобы стать точно таким же могущественным, как его старший брат Хаппонен-старший, или хотя бы таким же удачливым, как Хаппонен-средний. Подсидеть, но не поседеть. Приходил и Кистти, чтобы рисовать Ювенале в ее «итальянском целебном садике», но на самом деле — за цветком вдохновения. И даже садовод Кустаа приходил к Ювенале будто бы за рассадой слабоглянцевого белых баклажанов, но на самом деле свататься.

И каждый старался прийти в дом-сад не с пустыми руками, а с тем, что способен был принести из съестного. Ювенале ставила большой самовар, и где-то ближе к вечеру она сама выносила его в зимний сад, и все принимались пить чай с булочками с маком, с роголиками с кунжутом и коврижками с корицей.

Ювенале. Рисунок Елизаветы Горяченковой

Но Кустаа в отличие от Пекки коврижки и плюшки не интересовали. Кустаа давно мечтал объединить зимний сад Ювенале со своим летним палисадником и огородом. И чтобы Ювенале ухаживала за кустиками и грядками его томатов, огурцов и лука-порей. Мол, она с ее талантами будет выращивать самые большие помидоры и самый ранний виноград. Наивный. Что с него возьмешь, с увальня деревенского?

И всем Ювенале давала еще и цветок любви. Кроме Кустаа, конечно. И у всех спрашивала, мол, как там Рокси? Чем сейчас занят, что делает? И почему не заходит?

С Рокси Ювенале познакомилась в одном из учреждений, работающих с несовершеннолетними преступниками. В работу этого учреждения входило определять неблагополучных подростков и изымать их из семьи для лучшей доли. С тех пор Ювенале не спускала с Рокси глаз.

5

— А что Ювенале делает в нашем городе? — спрашивал себя и своих собутыльников Алкко Залпоннен, когда они собирались в «Спасательной шляпке» по вечерам. — Чего она здесь забыла?

— Ясно же чего. Приехала работать социальным работником в центре «Обиженные дети» и вести работу в неполных несчастных семьях.

— А почему она выбрала именно наш город? — скрипел зубами Цикариес.

— Потому что в нашем городе творится что-то неладное, что-то нечистое, — напоминал, закашлявшись, прописную истину Осмо.

— Вот именно, что-то нечистое, — смотрел в свой мутный стакан местный писатель Оверьмне, — дело ясное, что дело мутное. Хотя с другой стороны, дети — цветы нашей жизни.

— А вот Отто Вейнингер, — вставил непонятно зачем философскую сентенцию в пику Оверьмне местный философ Аско, — утверждал, что женщина как биологический вид гораздо ближе к цветам, чем к людям.

— А чем она зарабатывает себе на жизнь? — вопрошал Суло. — На сушки и пряники? Ведь в реабилитационном центре «Обиженные дети» так мало платят. И это не говоря про неполные семьи.

— Она продает цветы через фирму «Роза мира» и доставляет их через цветочную почту, — ответил за Ювенале Маркку, — цветы, которые выращивает у себя в саду.

— Что-то мне не нравится эта Ювенале! — возмущался студент-нигилист Антти. — Вместо того чтобы вести настоящую борьбу, она пудрит всем мозги и пытается сделать мир лучше с помощью цветов!

— Да, не буду я к ней больше ходить на вечера, — соглашался Пентти, — слишком много чести для цветочницы.

Но и Анти, и Пентти, как и другие, продолжали ходить в воскресный кружок Ювенале. Они, как и все в послед-

нее время, предпочитали вместо кафе «Спасательная шляпка» и клуба «Олимп блаженства» посещать тихий альпинарий Ювенале.

Я тоже порой заходил к Ювенале на домашний кружок, и каждый раз мне наливали полную кружку чая с лимоном, вишней или смородиной, и каждый раз меня поражала атмосфера тепла и доброжелательности, царившая вокруг. Будто цветы в этом доме источали не обыкновенный, а магический аромат и околдовывали всех. Позже я стал понимать, что все, кто приходил к Ювенале, тайно влюблены в нее.

Мужчины влюблены в Ювенале как в женщину, женщины — как в подругу.

6

Помимо зимнего сада у Ювенале были еще зимние флорариумы и летние альпинарии.

— Флорариум — это аквариум без воды и рыб, но с орхидеями болотными, например, — презрительно пояснял рыбак Вялле охотнику Ласле.

— С кусочками мха и папоротниками для маскировки, с ветками и корнями для закрепления вьюнков, с камнями и раковинами, — догадался Ласле.

— Но зачем и кому это нужно, не пойму, — пожимал плечами Сеппо.

— А альпинарии — это такой «художественный беспорядок» трав, цветов, кустарников и камней, — тоже презрительно говорил флорист-любитель и троюродный брат Ювенале Алпи Сакори.

Видимо, любовь к цветам была у них семейной наследственностью.

Он и не догадывался, что получить естественного вида альпийскую горку можно, только тщательно ее спроектировав. И это ничуть не менее тяжкий труд, чем составление японского сада камней.

А еще в саду у Ювенале был маленький прудик с синхронно плавающими растениями — водяным гиацинтом, или эйхорнией, нимфеями и лилиями.

Что уж говорить про самый редкий в мире цветок — миддлемист красный. Этот чудо-цветок привез из Китая в Британию путешественник Джон Миддлемист. С тех пор в Поднебесной его больше не могли найти, а вот в Туманном Альбионе подоблачном он как раз появился. Говорят, сейчас в мире есть только три экземпляра этого растения. Один — в саду в Новой Зеландии, другой — в теплице в Великобритании. А третий — в чудо-садике у Ювенале. И если первые два долгое время оставались бесплодными, то у Ювенале он сразу зацвел ярко-розовыми цветами.

7

Нет, это очень тонкая техника — рассказывать о Ювенале. Например, когда писатель Оверьмне попробовал за это взяться, у него мало что получилось. А если по правде, то совсем не получилось. И тогда писатель Оверьмне пришел и попросил у Ювенале какой-нибудь совершенно особенный цветок. Например, цветок вдохновенного уединения.

— Понимаешь, Ювенале, — говорил Оверьмне, — я пишу роман, а окружающие мне мешают. Все спуют под ногами да гадят по-мелкому.

— Пойми же, — отвечала Ювенале, — твой первый роман как раз и был о том, как все мешают тебе писать, но если бы тебе не мешали, то тебе не о чем было бы писать.

— Но теперь-то я пишу свой второй роман, — страстно спорил Оверьмне, — и у меня такое чувство, что все за мной следят. Все те, кого я изобразил в первом романе, будто глаз с меня не сводят, да еще ведут себя так осторожно, чтобы я больше не писал о них ничего. Они из кожи вон лезут, чтобы помешать мне написать второй роман. Избавь меня, Ювенале, пожалуйста, от их хитроумных козней.

— Вот-вот, — улыбалась Ювенале, — если я дам тебе цветок уединения, ты не напишешь свой второй роман, в котором за тобой будто все следят, а тебе это будто так надоело, что ты хочешь провалиться сквозь землю и от всех спрятаться.

— Почему мои стихи получаются слишком длинными и размушенными, слишком по-женски наивными и слезливыми, а не жесткими и короткими, как проза Оверьмне? — спрашивал Папайя.

— Раскрывай свое сердце перед людьми не спеша и незаметно. Не ходи по миру обнаженный, пытаясь прикрыться лишь лепестками своих стихов. Это привлекает к твоему телу и душе внимание всяких проходимцев и прощелыг. И отталкивает от тебя добропорядочных жителей Нижнего Хутора.

Поэта Авокадо, который с ревностью подслушивал разговор Папайи и Ювенале, мало волновала правдоподобность и наивность. Ему хотелось, чтобы им все восхищались и все его любили.

— Хорошо, я дам тебе цветок, который принесет тебе как поэту любовь еще одного непонятого и непризнанного поэта. Вместе, помогая друг другу и уступая друг дружке, вы сможете создать нечто очень хорошее и полезное для Нижнего Хутора. А может быть, даже не создать, а родить.

— Ну, это уже слишком! — заводился Авокадо. — Не могу же я писать о другом поэте, помогать другому поэту, спать с другим поэтом, а потом и еще жениться на этом другом поэте?

— Ты не хочешь жениться даже на той, с которой ты сейчас дружишь и которая известна тебе под именем Папайя? — интересовалась Ювенале.

— Да разве это поэт? — расплывался в довольной слаженной улыбке Авокадо. — Так, начинающая поэтесска.

— А может, ты не хочешь давать мне цветок «живого классика», потому что ты поберегла его для своего ненаглядного Рокси Аутти? — снова и снова спрашивал у Ювенале Гуафа Йоханович.

— Нет у меня, к сожалению, цветка для Рокси, — вздыхала Ювенале, — и мне очень грустно от этого. Потому что Рокси слышит, как мои цветы общаются со звездами. Слышит, как они поют и перешептываются. Он чувствует то, чего не могу услышать даже я. А еще в его душе живет огромная рана-воронка, рана размером с город. С наш город — Нижний Хутор. И он единственный, кто не хочет идти лечиться к моим цветам. Не хочет найти успокоения. Хотя от его уравновешенности зависим мы все.

8

В общем, Рокси и его сила серьезно волновали Ювенале.

— Какая еще сила? — не понимал клерк Суло, разглядывая подаренный ему антистрессовый цветок с плодом-коробочкой, полным маковых семян и семечек.

— Его бог поцеловал в темечко, дав такие силы, с которыми он сам не может справиться.

— Какая еще пропасть-рана? — просил уточнить Каако, которого сильно волновала его собственная канализационная рана-воронка.

— Он очень подсаживается на все блага жизни. На наркотики, алкоголь, женщин и их медные губы трубочкой. И рано или поздно его погубит какая-нибудь совершенно незначительная мелочь, сущая безделица, совершенно пустая малость, ну, например, Кайса! И то, что он еще не сорвался в пропасть, — продолжала Ювенале, — лишний раз свидетельствует о том, что бог его любит. Хотя и дьявол там, где бог.

— Кайса? — удивлялся Суммо Хаппонен. — При чем здесь Кайса?

— Кайса для того и создана, чтобы заставлять сомневаться, ломаться и каяться таких самоуверенных в своей силе типов, как Рокси. Но вы ему передайте, чтобы он не обращал внимания на Кайсу. Скажите ему, что главное для художника — гармония. Гармония мелодии и слов. Гармония внешнего и внутреннего. И не надо стремиться к совершенству каждого по отдельности.

— За что ты полюбила Рокси? — спрашивали у Ювенале самовлюбленные юноши Карри и Топпи.

— За то, что его полюбил бог, — отвечала Ювенале, — но его может погубить женщина, которую бог не полюбил, так и передайте Рокси.

— Неужели? — ухмылялся Вессо Хаппонен, который считал, что боги-хозяева Нижнего Хутора любят только его.

— Все чего-то хотят, чего-то ждут. А он ничего не хочет. Он единственный, кто не просит ни цветка любви, ни цветка богатства, ни цветка вдохновения. Потому что Рокси ковыряет рану внутри себя. И даже глубоко раненый, он предпочитает сражение собственными силами.

9

Что касается гармонии, о которой говорила Ювенале, то как раз ради этой пресловутой гармонии к Ювенале заходили высокопоставленные чиновники и даже сам мэр Нижнего Хутора Мерве.

— Ювенале, — предлагал сделку, от которой нельзя отказаться, Мерве, — ты ведь уже знаешь, зачем я пришел. Мне нужен от тебя цветок всеобъемлющего всемогущества, и на меньшее я не согласен. Без этого цветка жизнь моя кажется мне ущербной и неполной.

— Жизнь человека становится полнее и волшебнее, когда он ощущает свою тесную связь с природой, — говорила Ювенале. — И зимние сады — одна из ступенек к природе и к ощущению себя ее частью. Зимний сад никогда не надоедает. Недаром раненые звери ищут в лесу лечебные растения. Наши желания — это и есть раненые звери. А ласка и понимание — лечебные растения.

— Посмотрите, — объясняла Ювенале разочарованному ответом Мерве, — уже много лет я ращу цветы, ухаживаю за ними, поливаю их, холю и лелею, но я никогда не видела, как распускается бутон хоть одного цветка в моем саду. Хотя потом я наслаждаюсь красотой и ароматом каждого из них. Поэтому я не могу остановить время и дать вам стабильность. Я честно не знаю, что может с вами случиться. Не знаю, когда и какой бутон распухнет, и поэтому у меня нет для вас цветка вечной власти.

— Но что мне тогда делать? — вопрошал Мерве. — Как остановить время, чтобы все не вернулось на круги своя, как удержать власть?

— Будьте осторожны. Почаще смотрите, кто окружает вас и кто отражается в зеркале.

— А бунтарь Рокси? — спрашивал Мерве. — Почему он ничего не боится и не ведет себя осторожно?

— Метафизически он совершенно самодостаточен, а вот как человек — необычайно слаб. И рано или поздно он тоже неминуемо погибнет.

10

— В каждой части леса, луга, поля содержится часть нашей души. Потому что она в прохладе и ароматах, — любила повторять Ювенале собравшимся в ее

саду друзьям. — В листьях, цветах, травах. В мире, мирте, имбире...

Даже женщины приходили к Ювенале лечить свои женские болячки разговорами. Ляйне и Майне, Лийса и Кюллики, Сюльви и Пяйви, Сирка и Нюнники — все приходили к Ювенале поплакаться.

А еще выбрать цветок-аксессуар к вечернему наряду или утреннему коктейлю, к платью на очередной романтический вечер, званый ужин или костюму для очередного делового свидания.

— Цветок должен не только очаровывать и соблазнять, но и подходить человеку. Отражать его внутренний мир и быть гармоничным с его внешностью, — так объясняла Ювенале, подбирая цветы для Ориокки, имя которой в переводе с финского означает «фиалка».

— Существуют цветотипы людей: весна, лето, зима, осень, каждому идут определенные цвета, — делилась она с Вуоккой, имя которой переводится как «подснежник».

— Тебе, Вуокка, надо встречаться с весенним типом мужчины, и забудь, пожалуйста, про своего осеннего Тайсто и обрати внимание на росток Тайми, — помогала Ювенале определиться с выбором Вуокке. — Ведь любой женщине, чтобы расти и развиваться, нужен воздух и простор вокруг.

А ты, Ориокки, не принимай порывистых решений, не растрчивай себя сгоряча, чтобы потом еще больше не жалеть и терзаться. Присмотрись сначала к мужчинам. Дай им возможность проявить себя и поухаживать, а сама смотри, кто из них поливает цветы, а кто обрывает лепестки и топчет ростки.

— Главное для людей и растений — термоклимат, — поясняла Ювенале девушкам. — Слишком холодная вода, как и холодное слово, может лишь ошпарить морозом корни или пройти, не коснувшись сути. Обильное возлияние, наоборот, привести к закисанию почвы и загниванию корней, так как в почву с застоявшейся водой воздух не проникает.

Все должно быть в меру. Лучше поливать по чуть-чуть, маленькими капельками, словно дождевой водой. И так же помогать людям.

Для всех у Ювенале было припасено либо доброе словечко, либо лекарство от болячки. Если у кого-то из хуторянок было подавленное настроение, Ювенале давала ей плоды красивого дерева кофе; если, наоборот, кто-то был чересчур возбужден от любви, то предлагала плоды сиреневого валериана и желтого лимона.

— Вот ты, Кайса, — объясняла Ювенале подруге, которая гостила у нее чаще других, — вернувшись с работы, пытаешься скинуть напряжение, сидя у телевизора, и другим то же советуешь. А я тебе рекомендую расслабляться в зимнем саду. Вот увидишь — тебя будет ждать совсем другой результат.

Ведь в саду тебя ждут беркея пурпурная и дицентра великолепная, орхидея белой цапли и неопалимая купина, такка шантрье и стрелиция с лантаной...

11

Тут, пожалуй, настало время обмолвиться и о второй очаровавшей всех мужчин Нижнего Хутора девушке — о Кайсе. И для начала сказать, что Кайса заставляла всех без исключения мужчин Нижнего Хутора каяться. Каяться тех, кто увидел ее красоту и влюбился, а значит, в итоге, растратил свой энергетический запас впустую или вхолостую. И каяться тех, кто ее полюбить не мог, а значит, не мог любить вовсе и жил с такой красотой рядом тоже впустую.

Каяться женатых и холостых, старых и молодых. Каяться даже женщин и девушек, что они не так красивы и еще что они поверили своим падким на чужие прелести мужьям и женихам.

Вот такая она была эффектная женщина — хотя это всем известно. Красивая и абсолютно пустая, как вселенная до появления гор и лесов, океана, омывающего землю, и неба, омывающего океан. Как мир до сотворения луны и звезд, травы и цветов, мир до сотворения Ювенале.

Но главное, что в глазах Кайсы жила вселенская грусть. Такая грусть, что аж мурашки по коже. Грусть бескрайнего океана, скучающего по клочку суши. Грусть бездонного космоса, изнывающего по одинокой звезде. Грусть норки, что, прячась в своей бездонной норе, умирает от безответной любви к дураку-бурундуку. И от этой грусти каждый мужчина рядом с Кайсой чувствовал себя, словно байбак, не в своей тарелке.

12

Да, в ее глазах была такая грусть, а в облике такая красота, что долго рядом не выдерживал ни один парень. Хотя и ни один не мог долго выдержать, находясь в стороне, потому что каждый из юношей и мужей считал своим долгом помочь красавице Кайсе и развеселить ее.

И все потому, что ее глаза, такие равнодушные и спокойные, ясные и холодные, глубокие и даже бездонные, завораживали безоглядно. Казалось, можно окунуться в них целиком и утонуть, не достигнув дна. Но прежде, чем задохнуться от равнодушия, — замерзнуть от холода.

А с другой стороны, в глубине ее глаз иногда проскальзывали маленькие искорки радости и веселья, некая безуминка-изюминка, что внушали надежду: есть дно и есть тепло. Есть виноградники счастья на зеленых холмах и цветущих склонах у спрятавшегося одинокого домика.

Многие надеялись, без остатка окунувшись в ее бездонные глаза, достичь самых глубин грусти и достать со

дна маленькие искорки, словно спрятанные там жемчужины звезд. Многие надеялись, но никому это пока не удалось.

Бездонная тоска и грусть была не только в глазах, но и во всем облике Кайсы. Печать безысходности, разрушений и болезней словно поселилась на ее лице. И каждый день проживания в Нижнем Хуторе Кайса становилась все грустней и грустней.

13

Я же, глядя на Кайсу, тоже не мог остаться в стороне и все время думал: какая, интересно, печать лежит на ее сердце — печать ли это несчастной любви или печаль счастливой смерти?

Я так думал про недоступную звезду Кайсу и когда видел ее вживую в подъезде Дома-корабля, и когда она появлялась на экране телевизора. Кайса работала ведущей криминальной программы «Вечер трудного дня» на телеканале «Северо-запад TV». И каждый вечер она приходила в дома хуторян вместе с вестями об убийствах, ограблениях, пожарах и катастрофах.

Обо всех этих ужасах и преступлениях Кайса рассказывала с таким холодным, равнодушным видом и безучастными взглядом — мол, подумаешь, — словно побуждала мужчин действовать смелее, быть еще активнее и ярче.

Ее белое, бледное лицо, словно экран, отражало северное сияние ее улыбки и мерцание уже почти потухших полумертвых скучающих глаз. Порой даже закрадывалось подозрение: не признаки ли это мировой стервозности там, в глубине ее очей? Подозрения и страхи, тошнота и плохие предчувствия накатывали на город после ее передач. Ведь, как известно, во время северного сияния выходить из дома людям не рекомендуется. Но выключить его вместе с телевизором ни у кого не хватало сил.

14

Одевалась Кайса очень стильно, но во все натуральное. В меха норки и выдры и в темную кожу ящерич и броненосцев-не-потемкиных. Вела передачи в строгих костюмах и шарфиках, в общем, была очень стильной и интересной. Но главное, грудь и грусть.

Жила Кайса одиноко в большой квартире в доменеприступной-башне, доме-высоченном-шпиле — как его называл Рокси. В возвышающемся над городом столбообразном небоскребе — Утыге или Пароходе.

Ходили слухи, что у Кайсы сорокакомнатная квартира в стиле скай-хай-тек, занимающая два верхних этажа. Некий пентхаус в виде яйца с номером квартиры 999. И что будто в ее квартире нет межкомнатных стен, а лишь бетонные столбы, поддерживающие потолок. А на столбах большие лампы-лепестки дневного освещения. Окна же

в хоромах Кайсы были даже в потолке — окна-дыры, окна-люки, направленные, как в обсерватории, к Полярной звезде.

А еще говорили, что в квартире у нее все из стеклопластика и пластмассы, и даже рамы окон под дерево из деревозамениителя.

Сама же Кайса не любила сидеть в своем огромном и пустом доме. Уходила рано утром, еще затемно, и возвращалась поздно ночью, обязательно посетив после работы какой-нибудь ночной клуб. Иногда заходила Кайса и в демократичную «Спасательную шляпку» Артти Шуллера, чтобы послушать Рокси Аутти. Но чаще любила посещать клуб «Олимп блаженства», потому что предпочитала живой электронную музыку.

15

Те из знакомых, кто бывал в доме у Кайсы, рассказывали, что у нее не сорок комнат, а всего одна, но очень большая пустая комната. Будто Кайса снесла все перегородки-стены и устроила из своей квартиры студию. В самом центре квартиры Кайсы, словно подиум, возвышалось огромное джакузи с извергающимися из-под мрамора фонтанами, а вокруг были тысячи тюбиков и флаконов с духами, кремами, мазями и шампунями. И все из натуральных ингредиентов.

Кайса предпочитала присваивать эманацию всего живого, прибирать к рукам и шее душу цветов и животных, чтобы чувствовать себя и выглядеть на все сто, чтобы пахнуть, как розовый сад, и хоть немного походить на Ювенале. Ведь даже собака, сталкиваясь перед свиданием с дохлой крысой, предпочитает извозиться в ее останках, чтобы привлечь свою партнершу.

Запах разложения напоминает, что мы смертные, и снимает всякое ограничение. С другой стороны, он вызывает дикое возбуждение, отгоняя вон дурные мысли и страх смерти. Не этими ли ароматами Кайса подсознательно вызывала у мужчин бурю эмоций, тем самым заставляя их вскоре по себе сохнуть? А может, наоборот, она питалась эманацией мужчин, переваривая их, как кошек и собак, в ароматное мыло?

16

А еще в Кайсе жила сумасшедшая алчность. Алчность — как трещина в выжженной земле, в пустыне, в которую тут же устремлялись все осадки. Алчность, подобная алчности пустыни до воды. И от этой алчности пересыхал весь город. Все мужчины в городе сохли по Кайсе. И всех их Кайсе было все равно мало и мало.

И когда ее друзья спрашивали: что в тебе не так, Кайса, какой изъян живет в твоей красоте, в твоих бездонных карих глазах, — она прямо так и отвечала:

— Наверное, всепожирающая алчность. Потому что мне всегда мало. Мне мало целого мира.

Казалось, грусть в глазах у Кайсы была от осознания пустоты и тщетности всех устремлений. Да, Кайсе всегда было мало. И ни один мужчина не мог дать Кайсе того, что она хотела. Разве что все мужчины Нижнего Хутора, вместе взятые...

И то, надо посмотреть: а не поехать ли ей в какую мировую столицу? В Барселону или Мадрид! Потому что хотела Кайса ни много ни мало — все сразу. Все или ничего. Весь мир без остатка.

17

К Кайсе, как и к Ювенале, устремлялись все животные: скорпионы и саламандры, пауки и мокрицы, стоило ей обнажиться и начать намазывать свою кожу и мослы благоухающими салфетками и маслами. Но твари земные и морские спешили к Кайсе не ради успокоения, а ради похоти.

Но первое желание у тех, кто побывал в доме Кайсы, было броситься с головокружительной высоты вниз головой, стоило подойти к стеклянному витражу от пола до потолка и посмотреть вниз.

Из окон Кайсы открывался прекрасный вид на все стороны света и тьмы, на стадион и на мэрию, на головной офис империи Хаппоненов и на розовый чайный домик Ювенале, на центральную площадь и мост, соединяющий две — верхнюю и нижнюю — части города. В общем, на все чего-то стоящие здания и проспекты Нижнего. Сама Кайса раньше Гидрометцентра определяла погоду на день, потому что ее окна были ближе других к верхнему небу. Затем по линиям пробок на дорогах выбирала путь, чтобы на своем «ягуаре» домчаться побыстрее до работы. В воскресенье и в выкроенное в будни время она приводила себя в порядок. Ходила в спа-салоны и солярии. Делала педикюры и маникюры.

Но даже в женских клубах Кайса была замкнутым и недоверчивым человеком. Ее нужно было разговорить, развеселить, чтобы выманить эмоцию. Она мало кому открывалась. Лишь Ювенале в последнее время удавалось расшевелить Кайсу. Она уважала Ювенале за гармонию в душе и самодостаточность. К Ювенале она частенько приходила за отдушиной. За цветами душицы и руты душистой, из которой паровой перегонкой Ювенале готовила эфирное масло. Казалось, порой Кайса даже пыталась подражать Ювенале, душая цветочными ароматами.

18

В тот день, когда Тарья, словно тот атлант, устал держать на своих плечах груз неба, а Рокси Аутти стало совсем плохо, Ювенале и Кайса сидели на диване в лу-

Оверьмне. Рисунок Елизаветы Горяченковой

чезарном домике Ювенале под висячими цветами и пили можжевельно-малиновый и бузиново-брусничный чай, а еще чай со смородиновыми листьями и отваром шиповника.

И попивая чай среди орхидей белой цапли и тюльпанов розовых фламинго — на столе еще красовались розетки с красной кислой клюквой и сладкой синей черникой, — Ювенале в своей обычной манере, как бы невзначай, заговорила с Кайсой о Рокси и его таланте, будто почувствовала, что Рокси именно сейчас нуждается в ее поддержке.

— Нет, конечно, сам по себе он гораздо хуже своего таланта, — невозмутимо говорила Ювенале. — Ведь человек всегда хуже своего таланта. Ибо талант от неба, а человек от земли. Он хуже еще и потому, что не может совладать с силой, которая ему дана. И эта сила крутит-вертит им, как волчком. И постоянно толкает его в пропасть.

— Ты это на меня намекаешь? — глядя на остывающий чай, ухмыльнулась Кайса. — Говори прямо, не стесняйся! Мы ведь давно друг друга знаем, и нам нечего скрывать.

— Есть такое растение — росянка, — согласилась говорить прямо Ювенале, — которое действует, как ты. С виду красивое и ароматное. Но стоит какой-нибудь твари из насекомых очароваться им и подползти на сладкий запах, чтобы полакомиться росой из цветка или погреться на солнце, как шипы-лепестки сжимаются, и росянка хватает свою жертву мертвой хваткой.

— Допустим, но все-таки я тебя не понимаю, — равнодушно на выпад Ювенале пожимала плечами Кайса, — не понимаю, что ты в нем нашла. Мне от этой жизни нужны еще и деньги. А значит, и мужчина мне нужен с деньгами. Потому что деньги — ключи к обладанию всего.

— Не понимаешь, потому что ты, Кайса, из семейства бромелиевых. Тебе не нужна почва и земля. Тебе мало пищи и воды. У тебя корни либо отсутствуют, либо предназначены для временного прикрепления. В воронковидных розетках твоей души скапливаются дождевая вода, органические остатки и даже развитые флора с фауной. Ты питаешься жертвами влюбленных в тебя, их энергией.

Внешне твоя душа и манеры мягки, как лузианский мох, чьи безлистные нитевидные стебли протянуты ко всему живому. Но лузианским мхом можно лишь набивать матрасы и подушки для мечтаний и снов о тебе. Особая водоносная ткань внутри тебя впитывает воду и питательные вещества этих снов и бесполезных мечтаний. Ты, Кайса, ярче и прекраснее вриезии великолепной, нидуляриума блестящего, бильбергии неотразимой. И даже самой тилландсии. Но ты, Кайса, растешь и процветаешь на мусоре.

— Тебе легко говорить, Ювенале, у тебя есть твой сад и его гармония. А я, что есть у меня?

— Это потому, что я привязана к земле и воде, солнцу и цветам, а тебе, Кайса, мало такой гармонии. Ты хочешь

всего. Ты как перекасти-поле, или борода, что катится себе, не укрепляясь и не задерживаясь ни на одном месте. Ты, Кайса, не останавливаясь ни на одном мужчине, хочешь поглотить их всех.

— Но я тоже хочу быть любимой и любить, хочу тепла и уюта, хочу быть нужной, — вдруг расплакалась Кайса, выслушав отповедь Ювенале. — Хочу гармонии и счастья, такого же, как у тебя. Почему я не могу во всем быть на тебя похожей?

19

Тронутая слезами подруги Ювенале положила руку на плечо Кайсе.

— Если хочешь, я помогу тебе избавиться от твоих душевных терзаний, — улыбаясь и разливая чай по чашкам, шепнула Ювенале, — но при одном условии.

— При каком? — вздрогнула Кайса.

Она сидела на диване, закинув ногу на ногу. Как всегда, расслабленная и разнеженная в доме Ювенале. Но в возникшей паузе, пока Ювенале собиралась с мыслями, Кайсе стало как-то не по себе, словно внутри подул пустой ветер. Впервые Ювенале что-то просила взамен своей помощи.

— Отдай мне Рокси, — резко повернулась к Кайсе Ювенале, — освободи его от своих чар!

— Что? — удивилась Кайса.

— Освободи Рокси от своих чар.

— Это невозможно, — грустно выдохнула она. — Ты же не хуже меня знаешь, что это невозможно!

— Нет ничего невозможного! — многозначительно улыбнулась Ювенале.

— Но ты не можешь так грубо вмешиваться в жизнь нижних миров. Ты же знаешь, это против установленных правил. Я из своего низшего мира могу вмешиваться в дела среднего мира, а ты из верхней части — нет.

— Но он тебе совсем ни к чему! — отчаянно воскликнула Ювенале.

— Ну не скажи. Рокси был такой милый и наивный, принаваюсь мне в любви, словно мальчик из детского садика. Он меня заинтриговал и впечатлил, когда упал передо мной на колени, обнажившись до последнего чувства и не ведая стыда.

— Ты же знаешь, это потому, что сила женской магии не сравнится ни с какой иной силой, — намекнула на запрещенный прием Ювенале.

— Вот поэтому ты не можешь использовать свою магию. Ты же знаешь, Ювенале, это против правил. Ты не можешь влиять на средние и низшие миры. И потом, ты знаешь, что не можешь выделять кого-то из поволжских финнов, как бы тяжело им ни было, как бы ни был несовершенен средний мир с его сложными внутренними отношениями, ты не можешь забирать и спасать его чад. Ведь все финны Поволжья стараются не выпячивать себя,

стараются жить скромно, не привлекая гнева богов, не перетягивая злых духов. И ты тоже не можешь выделять Рокси, чтобы не навредить ему и всем нам. Чтобы не навредить всем поволжским финнам, ты не можешь своей любовью выделить и спасти кого-то одного.

20

— Но и тебе хорошо известно, Кайса, что вы с Рокси никогда не будете счастливы, не сможете жить светло и гармонично, — спокойно убеждала Ювенале. — Ты поступаешь с Рокси нечестно. С тобой он будет только мучиться.

— Но с тобой он тоже не будет счастлив, — тихо ответила Кайса, — ты тоже обманываешь его. Заманиваешь его лаской и уютом и сытным вкусным обедом. Успокаиваешь. Даешь ложную надежду на то, что все будет хорошо. Но ты же не хуже меня знаешь: вечно хорошо ему быть не может. И Рокси не будет счастлив с тобой, потому что душой и телом он уже полностью принадлежит нижнему миру.

— Но со мной он будет по крайней мере спокоен и не сойдет с ума, к краю которого ты его подвела.

— С тобой, — огрызнулась Кайса, — он будет жить с тоской по миру Нижнего Хутора. Отняв его у его родины, у его странных маленьких людей с их маленькими страстями и слабостями, ты не сделаешь его счастливым. А вынудишь его еще больше мучиться и тосковать.

— Но ты ведь и есть эта тоска! — возмутилась Ювенале. — Ты не дашь ему спокойствия. А он из среднего мира, он слаб. Ему нужно творить, нужно петь песни для людей и тем самым утешать их. А для этого необходимы силы. А ты высасываешь из него последние силы.

— И ты тоже часть его тоски, — парировала Кайса, — пусть он из серединного мира, но он еще и из Нижнего Хутора, и его сердце скачет то вверх, то вниз. И к сожалению, это неизбежно. Так устроен серединный сердечный мир. Его медиумы пытаются удержать равновесие, балансируя между черной дырой и белой вершиной. Недостаток так же вреден, как и переизбыток.

21

— Мир устроен так, как устраиваем его мы, — напомнила Ювенале, при этом в глазах ее зажглись искорки борьбы. — Оставь его в покое, прошу тебя по-хорошему. А иначе кислота клюквы и чернота черники, которую

ты только что съела, сожрут тебя изнутри без сахара. И, поверь мне, тоска, которая живет внутри тебя сейчас, покажется тебе сладким вареньем.

— Хорошо, я его отпущу, раз ты на этом настаиваешь, — согласившись, отступила Кайса, — я оставлю его в покое, но только в том случае, если и ты его оставишь. Если ты не пойдешь против установленных богами правил, чтобы не навлечь на всех нас их гнев.

— Прекрасно, Кайса, — вновь улыбнулась своей прежней кроткой улыбкой Ювенале, все-таки ее призванием было утешать всех страждущих, — считай, что мы договорились. Мы обе оставляем в покое Рокси Аутти, чтобы больше никогда не тревожить его мятежную душу.

— Единственное, — обернулась у дверей Кайса, заглядывая Ювенале в глаза, — я не смогу гарантировать, что Рокси забудет все, что было с ним в прошлом. Ибо часть времени его любви уже прошла, и мы над ним не властны, как не властны над людской памятью.

И только Ювенале и Кайса раскланялись и расцеловались на прощание, только Кайса открыла дверь домика Ювенале, как порывом ветра снесло с полки горшок с миддлемистом красным, и тот, брякнувшись о пол, разлетелся на мелкие осколки, и тут же мелодичным колокольчиком зазвонил мобильник Ювенале.

— Привет, — прохрипел в трубку Рокси. — Ювенале, я хочу тебя о чем-то попросить.

— Слушаю тебя, Рокси, что ты хотел?

— Ювенале, мне что-то в последнее время совсем плохо, — хрипел жалкий и измученный Рокси, — у меня сердце разваливается на куски, будто оно луковица тюльпана.

— Рокси, это бывает, — отвечала Ювенале, — но я сейчас ничем не могу тебе помочь. У меня много других дел. Мне еще надо цветы доставить «В розу мира», а потом еще отправить проданное по цветочной почте, и я не могу отвлекаться на тебя, Рокси. Терпи, если сможешь, как можно дольше. И попытайся справиться сам.

После этих слов Ювенале положила трубку.

— Бедный Рокси Аутти, — вздохнула Кайса, положив руку на ладонь Ювенале, — если бы ты знала, как мне его жаль и как мне грустно сейчас.

— Да, бедный Рокси, — смахнула росинку с розового лепестка щеки Ювенале. — В эти дни ему придется совсем не сладко. И как он только справится? Как только мы все переживем эти тяжелые времена?

Продолжение следует.

Елена САЗАНОВИЧ

Елена Сазанович — писатель, драматург, сценарист, член Союза писателей России, член Высшего творческого совета Московской городской организации Союза писателей России, главный редактор международного аналитического журнала «Геополитика».

Лауреат литературных премий: журнала «Юность» имени Бориса Полевого; имени Михаила Ломоносова; имени Н. В. Гоголя в конкурсе Московской городской организации Союза писателей России и Союза писателей-переводчиков «Лучшая книга 2008—2010 годов»; Союза писателей России «Светить всегда» имени В. В. Маяковского; международного литературного журнала TRAFIKA (Прага — Нью-Йорк).

Наряду с другими известными писателями и деятелями культуры в 2006 и 2007 годах была представлена в альбоме-ежегоднике «Женщины Москвы».

«Юность» продолжает развивать новую рубрику — «100 книг, которые потрясли мир». Не только потому, что продолжают споры вокруг предложения Владимира Путина о списке 100 книг, которые должен прочитать каждый выпускник школы. Не только потому, чтобы выявить свои вкусы или чье-то безвкусие. И не потому, что в мире существует всего 100 книг, которые почитать еще как стоит. Конечно, их гораздо, гораздо больше. Но на эту сотню книг обратить внимание стоит — чтобы отблагодарить и время, и планету, которые породили великих писателей.

Уважаемые читатели! Редакция предлагает всем вместе составить список 100 книг, которые потрясли мир и которые необходимо прочитать каждому выпускнику. Ждем ваших писем! Всем спасибо за первые отклики.

НИКОЛАЙ ОСТРОВСКИЙ. КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое, чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества. И надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-нибудь трагическая случайность могут прервать ее...»

Еще лет двадцать пять назад эта цитата из романа «Как закалялась сталь» была настолько заученной, настолько замученной, что, казалось, утратила свой абсолютно сокровенный, абсолютно вымученный смысл. Сегодня она выглядит настолько нежданной, настолько негаданной, что вызывает недоумение и абсолютное непонимание этого смысла. И, тем не менее, она оста-

ется абсолютно правильной — и вчера, и сегодня, и завтра. Ведь от перемены места человека во времени и пространстве смысл жизни его не меняется. Желает он этого или нет.

Островский не мог не написать этот роман. Потому что вся его такая короткая долгая жизнь была романом. Таким художественным и таким сложным. Таким смелым и таким светлым. Таким лиричным и таким драматичным. Вся его жизнь была героическим романом. Роман-эпопея, роман-баталия, роман-история, роман-трагедия. Впрочем, для кого-то сегодня это роман-приключение. А для некоторых просто фантастика. Впрочем, невероятную правду можно назвать фантастикой. И все же она остается правдой.

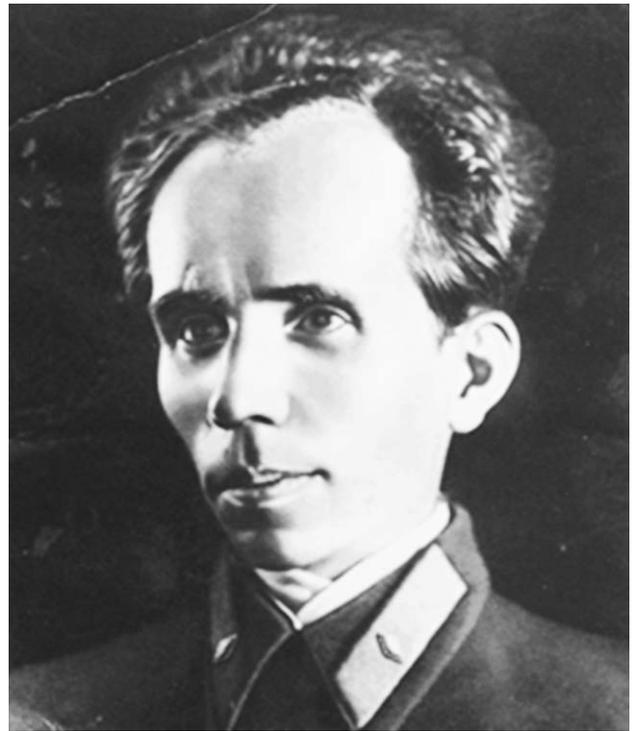
Островский прожил всего тридцать два года. Но сколько всего за тридцать два года... прожито! Из них че-

тырнадцать лет тяжело болел. Последние семь лет был слепым. А «вместо радостной юности, радостного детства нас ждал изнурительный капиталистический труд от утра до поздней ночи буквально за кусок хлеба». С пятнадцати лет будущий писатель в буре Гражданской войны. Он и его товарищи, «Рожденные бурей». И они в этой буре выстояли. Когда погибали в гражданскую, когда строили узкоколейку и умирали от тифа, когда их смертельно ранили бандитские пули. И они все равно победили. Чтобы уже никогда не проиграть. Они никогда и не проиграли. Мы проиграли за них.

После тяжелого ранения, слепой, прикованный к постели, Островский пишет знаменитый роман о становлении советской власти и героической жизни комсомольца Павла Корчагина — «Как закалялась сталь», ставший одним из лучших образцов социалистического реализма. По жизни боец, он находит для своей борьбы новое оружие — слово. Он, всю жизнь сражавшийся на передовой, теперь воюет с новыми врагами — своими физическими недугами. Как всю жизнь он их презирал! И они, как назло, словно зная об этом презрении, с новой силой, все чаще и чаще атакуют его со всех сторон. Испытывая и испытывая его снова и снова. На мужество. Как-то в интервью корреспонденту английской газеты «Ньюс кроникл» писатель сказал: «Я не герой на час. Я победил все трагедии своей жизни: слепоту, неподвижность, безумную боль. Я очень счастливый человек, несмотря на все...»

Николай Островский из жизни дерзко ворвался на страницы своего произведения «Как закалялась сталь» и стал героем романа Павкой Корчагиным. Павка Корчагин дерзко вырвался из романа в жизнь и стал героем. И не только Островским. Он стал Алексеем Маресьевым, Зинаидой Тусноловой, Николаем Рыбалко, Николаем Бирюковым, Эдуардом Асадовым, Василием Смысловым... Как жаль, что всех не перечислишь... Они смогли не просто выжить и пережить свои болезни и боли. Они смогли гораздо большее. Полюбить от всей души жизнь. И от всей души по-прежнему служить ей. Не только им нужна была жизнь. Они ей были нужны не меньше, а возможно, гораздо, гораздо больше. Потому что жизнь уже знала, на что эти люди способны. На фантастичную правду. Которая оставалась правдой. Они невозможное сделали возможным. Нереальное — реальным. Непреодолимое — преодолимым. Незрячие, неподвижные, испытывающие безумную боль, они видели больше, чем многие. В них энергии было больше, чем у многих. Они чувствовали себя здоровее, чем многие. И главное — они были счастливее многих. И все они говорили приблизительно одно: мы выжили и победили только благодаря Островскому и Корчагину.

Группа гвардейцев — Героев Советского Союза как-то написала в московский дом-музей Н. А. Островского: «И когда мы вернемся домой после победы, мы

принесем вам не один томик «Как закалялась сталь» с простреленными и обожженными страницами, чтобы могли видеть, как вместе с нами на всех фронтах сражался за Родину ее бессмертный сын, наш друг и брат Корчагин-Островский...» И еще: «Жаль, что нет обычая награждать книги...» Без преувеличения, «Как закалялась сталь» достойна самой высокой боевой награды.

Кстати, для этого и повод есть. В этом году исполняется 80 лет, как в 1934 году журнал «Молодая гвардия» опубликовал этот роман, а в сентябре мы будем отмечать 110 лет со дня рождения самого Николая Алексеевича Островского.

Однажды Горький изрек: «Есть только две формы жизни: гниение и горение...» Не нужно быть мудрецом, чтобы понять, какая жизнь была у Николая Островского. И не нужно быть слишком умным, чтобы понять, кто до сих пор смеет бросать камни в личность писателя Островского и комсомольца Корчагина. И они смеют! Еще как! Те, кто так и не понял смысл единственной своей жизни и кому нисколько не больно за бесцельно прожитые годы. И кого не сжигает позор. Это те, кто выбрал не горение, а гниение. По-прежнему зная, что жизнь дается один только раз.

Советский режиссер, народный артист РСФСР В. Мейерхольд вспоминал: «Я имел однодневную беседу со Львом Толстым, много беседовал с Антоном Чеховым — и Николая Островского я ставлю третьим. Такая необычная культура, такое необычное проникновение в правду жизни, такая способность понимать, что такое искусство».

Василий Лановой в роли Павла Корчагина

«Дорогой друг Николай Островский! — писал французский писатель, лауреат Нобелевской премии Ромен Роллан. — Ваше имя для меня синоним редчайшего и чистейшего нравственного мужества. Ваша жизнь есть и будет светочем для многих тысяч людей. Вы останетесь для мира благотворным, возвышающим примером победы духа над предательством индивидуальной судьбы. Вы стали единым целым с Вашим великим освобожденным и воскресшим народом». Посетивший в 1936 году Союз другой знаменитый француз Андре Жид, будущий лауреат Нобелевской премии, также встречался с Николаем Островским. В своем «Возвращении из СССР» он написал об этой встрече: «Я не могу говорить об Островском, не испытывая чувства глубочайшего уважения. Если бы мы были не в СССР, я бы сказал: "Это святой". Религия

не создала более прекрасного лица. Вот наглядное доказательство того, что святых рождает не только религия. Достаточно горячего убеждения, без надежды на будущее вознаграждение. Ничего, кроме удовлетворения от сознания выполненного сурового долга...» Еще один французский писатель, лауреат Гонкуровской премии Анри Барбюс назвал Николая Алексеевича «советским Иисусом Христом».

Именем Николая Островского названа планета Солнечной системы. А может, он и впрямь был человеком с другой планеты? На которую нам уже никогда, никогда не попасть. Впрочем, как знать... Если звезда Островского по-прежнему светит, горит, пылает. Как и звезды еще 99 писателей, которые потрясли мир.

Лера ТИХОНОВА

Продолжение. Начало в № 1 за 2014 г.

ХОТЕЛ

РОМАН-ПУНКТИР

Рисунок Юлии Спасовской

II.

— По отелю ползут слухи! Этому надо положить конец! — Гренадерша обвела всех грозным взглядом. — Нина Дьякова трагически погибла этой ночью. Как это случилось — разберется следствие. В связи с этим никаких... — она вдруг запнулась, взгляд ее заблудился, она тяжело опустилась на стул. — Нина Алексеевна... Наша Нина...

Помолчав несколько минут, Гренадерша пришла в себя, вскинула голову и продолжила густым низким голосом, будто объявляла воздушную тревогу:

— Никаких разговоров. Прошу воздержаться от обсуждений. А также от заявлений прессе. Все очень серьезно. Любая утечка информации негативно скажется на репутации отеля.

Горничные, как на подбор тщедушные, в черных платьях и белых передниках, стояли и сидели в тесном кабинете, угрюмо глядя на свою предводительницу. Та устало добавила:

— Тамара, раздай номера на сегодня.

Мелкая, суетливая Тамара подхватила и быстро рассовала в руки горничным листки. Тишина оживила, завозилась, зашуршала бумагой. Послышались недовольные возгласы:

— Тамара Степановна, а почему мне тринадцать выездных?! Это же надорваться!

— Ничего себе, а мне вообще четырнадцать!

— А у меня хоть и жилье, но семнадцать! Подохну, и лифт не потребуетя!

Гренадерша яростно хлопнула по столу:

— Чтобы больше про лифт я не слышала!.. Девочки, вы работаете в команде! У нас одна — на больничном, три — в отпуске. Кого-то надо поставить в ночные вместо... э-э-э... Сегодня заезжают две большие группы. К семи должно быть готово двести пятьдесят номеров. Придется чуть потерпеть, напрячься... — Она вдруг ласково улыбнулась. — Ну милые, ну я вас прошу... Не подведите.

Гренадерша кивнула, давая понять, что утренняя пятиминутка завершена. Горничные потянулись вон из кабинета, недовольно переглядываясь. Тамара торопливо прокричала им вслед:

— Первым делом чистим твины¹! Надо еще раздвинуть штук двадцать даблов²! Мы подготовим односпальные матрасы!

Худая женщина с раскосыми глазами и плоским лицом шепнула соседке:

— Еще и с матрасами катавасия начнется. Раздвигашь эти чертовы кровати, потом сдвигаешь. Тяжести неподъемные ворочашь. Напродают, сволочи, а мы мучайся.

— Ты на каком сегодня?

— На шестом... Пятнадцать номеров, представляешь? И это при норме в одиннадцать!

— Работаем в команде идохнем в команде! Слушай, у меня все пододеяльники потаскали с тележки.

¹ От англ. «twin» — номера с двумя отдельными кроватями.

² От англ. «double» — номера с большой кроватью, составленной из двух.

— С Иркиной возьми. Она в ночную, слышала? Бедная Нина...

— Жуть! Парень остался... Тамара сказала, надо денег собрать.

— Соберем... Завтра обещали зарплату. Сразу же и соберем... Галь, а руки и ноги не видела где?

— Руки — на пятом этаже, в том бельевом, который справа. А ноги у меня есть. — Галя отсчитала восемь ножных полотенец. — На, возьми!

— Спасибо. Ну, давай... На обед смотри не опаздывай. Сегодня утром в Селигерском группа какая-то завтракала. Наверняка к обеду вывезут в столовую то, что осталось.

Тамара закрыла за горничными дверь, достала платочек и всхлипнула:

— Господи, страшно-то как, Ольга Владимировна!

— Она не терпела эти лифты, — понурилась Гренадерша. — Все время просила меня поставить на них кого-нибудь другого... Но кого другого, если она ночная горничная?! И вообще, Тамара, подсудное это дело. Несоблюдение правил безопасности. Ведь должны специальные люди их мыть. Но что я могла поделать?! Не вызывать же их каждую неделю! Где на это бюджет-то взять?! Этот хер разве подпишет?!

— Отмажут. Генеральный сам сказал, что бюджета нет, и что он грязь не потерпит, и чтобы мы сами крутились, как могли. Вот мы и крутились...

— Сказать-то сказал... И отмажут наверняка. Добрый день не зря штаны протирает в кабинете... Но только теперь это на моей совести... Бедная Нина...

Тамара промокнула глаза платочком:

— Страшная смерть, Ольга Владимировна. Очень страшная... Ой, чуть не забыла. — Она отняла от лица платочек. — Вольф просит отбелить ресторанные ска-терти.

Гренадерша удивленно подняла брови:

— Мы ведь только вчера свежие постелили!

— Говорит, недостаточно белые.

— Козел! Приперся из Берлина и ходит тут звездой Мишлен! Мой муж таких уродов за шкуру и трясет, пока дурь вся не высыплется!

— Что будем делать? Снова стирать?

— Соберем, поддержим у себя немножко, а потом обратно постелем.

Хитро улыбнувшись, Тамара кивнула.

Гренадерша вдруг почувствовала, как струя холодного воздуха ударила ей в затылок, окатив с головы до ног холодным душем. Она резко обернулась. Но окно было плотно закрыто.

— Откуда дует? — недоуменно спросила она, зябко поведя плечами и стянув со стула кофту. — Ничего не понимаю.

* * *

— Любая утечка информации негативно скажется на репутации отеля! На вас лежит ответственность! Никаких пересудов, обсуждений, домыслов! — Инна, директор отдела продаж, оглядела своих сотрудников, кратко именуемых в отеле «продажниками». Строгая, с гладко зачесанными волосами и скупой линией рта, она умудрялась одним только взглядом призвать отдел к сознательности. Тасе всегда казалось, что кто-то намотал собранные в хвост волосы Инны на кулак и держит ее лицо в постоянном напряжении. И она догадывалась, кто. Генеральный гонял директрису как сидорову козу.

«Решились обнародовать, — подумала Тася. — Боятся, что кто-нибудь сольет журналистам...»

Слухи распространялись с невероятной скоростью. В столовой на завтрак даже воздух загустел от всеобщего напряжения. Народ перешептывался:

— Как говорите, ее звали?

— Передайте хлеб, пожалуйста...

— Нина Алексеевна...

— Не припомню ее... Жуть... Просто кошмар...

— Да в ночные она работала...

— Аж мурашки по коже, как представляю...

— Опять наши горе-повара кашу пересолили...

— Убей бог, не помню ее...

Тася не стала есть, ушла. Ее мутило от досужих разговоров. Но она сама никак не могла вспомнить лица этой маленькой неприметной женщины. В памяти плыли, покачиваясь, лишь неясные картиночки...

Вот Тася, сильно задержавшись на вечернем мероприятии, пулей выскакивает из служебного лифта, торопясь в раздевалку, а ночная горничная от неожиданности роняет ведро, и вода разливается по полу, растекается озером, и та, склонившись, лихорадочно ее вытирает. Согбенная спина в черном форменном платье, и зеркало во весь пол, в котором лицо женщины отражается лишь белесым пятном...

В другой раз Тася едет с ней в лифте и от нечего делать рассматривает значок с именем Нина. Она мысленно поднимала глаза выше, но перед глазами стояла мутная пелена. И не прорваться сквозь нее...

А оживить Нину в памяти хотелось. С ее размытым обликом было связано что-то непонятное, ускользающее. Какая-то туманная, но настойчивая мысль крутилась в голове, не давала покоя. Нет, не смерть ее. Смерть пугала, и Тася запретила себе об этом думать — пресекала, обрубала мысль на взлете. Хватит и тех страхов, что есть... Нет, это было другое чувство. Загадочное «другое» имело роковой росчерк, тайную походку...

Расправившись с неприятной темой, Инна принялась монотонно зачитывать статистику продаж за вчерашний день.

«С беднягой покончено раз и навсегда. Больше в этом тухлом заведении о ней не скажут ни слова. — Тася скривилась. — Повесят еще на три дня возле столовой портрет с траурной лентой и гвоздичкой из скромного отельного бюджета. И конец».

Директриса перешла к обычному занудству о плохой загрузке. Каких бы результатов отдел ни добивался, Инна всегда требовала их улучшить. Можно было выключиться на середине речи, не боясь потерять нить рассуждений.

Спрятавшись за экран компьютера, Тася рассеянно уставилась в окно. По старшинству ей достался лучший стол в отделе продаж. Тут она чувствовала себя защищенной: экран компьютера был не виден входящим — можно спокойно пошарить в Интернете. Сюда не доставал кондиционер, зимой испепеляющий жаром, а летом обдувающий смертельным холодом. И самое главное — вид из окна на свободное небо. «Продажники» сидели на последнем этаже отеля, и Тася часто смотрела вверх и почти никогда — вниз, на Андроньевский переулок — маленький, кривой, забитый машинами аппендикс.

Несколько дней назад Нос принес ей букет из трех куриц, завернутых в нарядный целлофан: «Цветы все равно выкинешь, а куриц можно сварить!» Она чуть не отхлестала его противными куриными головами по роже. С трудом удержалась... А ведь виною всему страх. Страх намертво отшибает чувство юмора. Дурацкий, бабий страх быть брошенной. А у Носа нет страхов. Он никогда ничего не боится: ни банкротства, ни импотенции. И тем более не боится ее потерять. Может, потому она так к нему привязана?

— Тася!

Она вздрогнула и повернула голову. Инна смотрела в упор, как заряженная двустволка:

— Ты с нами?! Твои группы заезжают сегодня?!

— Да, мои. «Пежо» в семь. И «Рено» следом. На час позже.

— Генеральный просит, чтобы его позвали поприветствовать гостей на заезде. Викентий сегодня в смене, но тебе самой тоже хорошо бы остаться и проследить, чтоб все прошло гладко.

— Хорошо, — покорилась Тася. Под ружейным дулом ничего другого и не оставалось. — Прослежу.

— Выпам поставили что-нибудь в номера?

— Да, вино и фрукты. Президентам «Рено» и «Пежо» — халаты с инициалами и шкатулки палех. Они просто лопнут от счастья.

Сделав вид, что не услышала дерзкого комментария, Инна обвела всех взглядом:

— Так. Давайте по кругу. Света, начнем с тебя...

Похожая на хорька блондинка с прозрачной кожей и редкими волосами ответила с готовностью отличницы:

— Пришел хороший запрос на группу из Омана, но им нужны комнаты для моления. Посмотрим с банкетным

отделом, есть ли свободные залы на каждый день. Я сделаю все, чтобы получить эту группу.

«Не приедут, — мстительно сказала про себя Тася. Отличница раздражала ее постоянным желанием выслушаться. — Бесплезный труд, красотуля».

— С Оманом аккуратнее. Проверь, не будут ли жить в это время израильские группы... — Инна повела шариковой ручкой, держа ее, словно мундштук, двумя пальцами в сторону Кати, скуластой брюнеточки, крупом напоминающей пони. — Катя?

Та громко затараторила:

— В двенадцать приедет компания «Самсунг». Выбирают отель под юбилей. В тендере — отель «Бритц Карлтон».

«Надо же. А эти приедут, — удивилась Тася. — Жирная группка. Пони отхватит себе приличный бонус».

Игра в «приедут, не приедут» доставляла Тасе удовольствие. В девяти случаях из десяти она оказывалась права. Могла мимоходом бросить коллеге, бьющейся над сложным ценовым предложением на группу: «Да забей. Все равно отменятся», и те и правда меняли планы. Девчонки удивлялись ее прозорливости и часто с ней советовались, списывая «чудо» на многолетний опыт работы. Тася и сама на него списывала, не задумываясь над привычным свечением, теплом, идущим от всего «жизненного» и перспективного. Такое же свечение шло от новых сотрудников, которым предстояла долгая работа, а пустота и холод — от тех, кому не удавалось пройти испытательный срок. Она даже имен не запоминала, будто видела их уволенными в первый же день работы в «Апельсине».

— Надо сделать все, чтобы юбилей был у нас, а не в «Бритце»! — Инна строго сдвинула брови. — Без подписанного контракта не возвращайся!

Пони поспешно кивнула:

— Конечно!

Зевнув, Тася уставилась в окно. На улице шел снег.

Группы, контракты, доходы отеля ее не волнуют. Пусть Инна дрожит перед генеральным. У нее же другие страхи. Часто, лежа ночью, она перебирает их, как четки. Они множатся, принимают уродливые формы, не дают заснуть. Страх одиночества, ненужности, нелюбви... Когда Нос обнял ее в первый раз, она вдруг испугалась, что сейчас, через секунду, он отстранится, и больше никогда-никогда... Испугалась так, что оттолкнула его руки, отвернула лицо. Он тогда очень удивился и еще больше заинтересовался... А на следующий день после «куриной» ссоры она так сильно ждала его звонка, что с самого утра выключила телефон...

С ним игра в «приедут, не приедут» не работает. Стоит ей привязаться к человеку, замкнуться с ним в эмоциональной цепи, как пронизательность ослабевает. С Носом же ее способность угадывать еще не случившиеся события полностью парализуется. И во всем, что каса-

ется ее самой, она сплнет, сплнет совершенно, будто кто-то завязывает глаза платком...

— Тася, ты слышишь?! Что с тобой сегодня?!

— Простите, Инна. Я размышляла, как перевыполнить бюджет... В двенадцать у меня очередная инспекция японского консула. Забодали уже... В смысле, придут смотреть отель в третий раз...

— Без японцев бюджет не выполним! Делай что хочешь, но они должны быть у нас!

Кивнув, Инна хлопнула в ладоши:

— Всем хорошего рабочего дня!

Ежеутренний хлопок был стартовым сигналом для забега длиною в девять часов. Девочки расселись каждая перед своим компьютером и, расставив локти, застучали по клавишам. Пробились первые, еще робкие, телефонные звонки. Миролюбиво загудел факс-труженик. Вкрадчиво запело радио. Кто-то поставил чайник, и его нарастающий гул влился в стройный хор офисных звуков.

Тася открыла электронный ящик. За вечер и ночь напало около двух десятков писем. Она хотела открыть первое, но передумала. Встала, бросила в чашку чайный пакетик, залила кипятком и достала бутерброд из сумки. Если не позавтракать, то на ближайшие пару часов затынет в водоворот чтения писем и ответов на них. Потом выбросит, как из затычного обморока, с пересохшим горлом и бурчанием в животе. Она любила эти последние утренние минуты перед бешеной гонкой рабочего дня. Усевшись на подоконник, сделала глоток и подумала, что надо бы позвонить Алексу. Он улетал ночью и мог оказаться свидетелем происшествия. Может, поэтому и прислал сообщение?

На столе вдруг ожил телефон. Кто-то легонько подтолкнул снежный ком, он покачнулся и пустился с горы. Служба началась.

— Доброе утро. Отдел продаж. Тася, — ответила она по форме, доведенной до автоматизма, так что даже на домашние звонки иногда отвечала точно так же.

— Тася, — защебетал женский голос, — привет. Я тебе отправила запрос на сто индусов.

— Привет, Леночка. — Она вздохнула. — Я вот думаю, что лучше — сто индусов или японцы в сотый раз?

— Что?

— Да так, ничего.

— Они просят еще ужин. Индийскую кухню.

— Хорошо. Узнаю у шеф-повара.

— Жду, Тасечка!

Она положила трубку. Запрос был мертвый. От него шел обычный тусклый свет монитора. Над таким сколько ни бейся, все впустую. Но что толку от ее чутья, если отвечать по корпоративной этике она должна всем? Да еще и Вольфа упрашивать «нарисовать» индийское меню.

Она набрала номер шеф-повара:

— Доброе утро!

— Тася, детка! О, мне так приятно!

— Извини, я по срочному делу. Мне нужен ужин-буфет для индусов. Придумай меню, пожалуйста.

— О, нет! Индусов я не хочу!

— Хотеть их не надо. Просто сочини индийское меню.

— Прости, детка! Индийскую кухню я не готовлю!

— Ок. Я поняла. Отвечу, что у нашего шеф-повара на карри аллергия. Ауфидерзейн.

— Подожди, у меня к тебе большой вопрос. Очень большой.

— Большой? — Она усмехнулась.

— Да, очень большой и важный... У тебя есть кошка?

— Что?

— Кошка. Такое животное.

— Нет. А что?

— О да, детка! Мне нравится это!

Тася недоуменно пожала плечами. Дурацкие заигрывания и это фамильярное обращение «детка»... Симпатии она к Вольфу не испытывала, скорее, он ее отталкивал. Лощеный, брюнетистый красавец, он, как ни странно, напоминал ей соседа-пьяницу из детства. Увидев нового шеф-повара в первый раз, она поразилась сходству и внимательно рассматривала Вольфа, мучительно пытаясь понять, в чем же оно. Пока наконец не сообразила — он глядел по сторонам тем же самым взглядом, с каким Василий Маркович обшаривал каждый уголок подъезда в поисках пустых бутылок. К тому же Тася улавливала легкий запах чеснока. Да, конечно, шеф-повара работают с едой, и это естественно, но чеснок категорически перебивал любовные феромоны.

Инна выглянула из кабинета и замахала ей руками. Такая бурная жестикуляция означала, что у той крайне срочное дело. Тася попрощалась с Вольфом и поспешила в «аквариум».

* * *

— ...А также от заявлений прессе. Все очень серьезно. Любая утечка информации негативно скажется на репутации отеля. На вас лежит ответственность... — Начальник службы размещения, худой парень с беспокойными глазами, именуемый здесь не Кеша, а исключительно солидно для своих двадцати трех лет — Викентий, откинул волосы со лба и выдохнул. «С жуткой темой покончено. Можно переходить к ежедневной рутине».

Утренняя смена службы приема и размещения была сегодня в полном составе. Пять пар глаз пристально за ним наблюдали. Никто толком не знал о ночном происшествии, но в воздухе носилось возбуждение — ужас, замешанный на любопытстве.

Викентий перевел дух и продолжил:

— Сегодня у нас сложный день. Заезжают две автомобильные группы. «Рено» селим на третий и четвертый

этажи. «Пежо» — на шестой и седьмой. Сирота, номера уже приписаны?

Сирота, яркая блондинка с хищным ртом, оторвала взгляд от маникюра и флегматично кивнула:

— Ну да.

Она была должительницей «деска» — спокойным, полным собственного достоинства и равнодушным ко всему «дедом». Почему-то все обращались к ней по фамилии, а новички даже не знали имени. Правда, она строго следила, чтобы ударение ставили исключительно на второй слог — Сирота. Видимо, ей чудилось в этом нечто изысканное, итальянское.

— Не забудь, что президент «Рено» отказался от «сосиски», — напомнил ей Викентий. («Сосиской» называли президентский люкс, самый дорогой, но бестолковый номер, имеющий вытянутую, чуть загибающуюся дугой форму.)

— Ну да. — Сирота достала маленькую пилочку из кармана и прошлась по указательному пальцу левой руки.

— И несколько гостей просили строго некурящий этаж...

Продолжая говорить, Викентий взглянул в окно. Снег падал хлопьями.

«Второй день метет... Отец вернулся со смены сам не свой. Сказал, что на работу пока не пойдет. Ничего не захотел объяснить... Что же случилось с лифтом? Он, дежурный инженер, должен быть в курсе... С отцом вообще в последнее время творится что-то неладное. Даже есть уходит в свою комнату. И Гарик почему-то не перезванивает, хотя я три раза уже набирал».

Викентий вытащил мобильный из нагрудного кармана — пропущенных звонков и сообщений не было. Сунув телефон обратно, он пробормотал утреннюю корпоративную мантру:

— Все свободны. Хорошего дня.

Каждый раз произнося эти набившие оскомину слова, он ловил себя на мысли, что уже ждет окончания смены. Самым приятным было снять рабочий костюм, накопивший всякого за день, и еще несколько минут посидеть на скамейке в раздевалке, мысленно опустошая и проветривая голову. Переложить пачку сигарет с зажигалкой из форменного пиджака в куртку, запереть служебные заботы в шкафчике до следующего утра и, вставив наушники, легкой походкой направиться к выходу.

Сегодня особенно не терпелось свалить отсюда. Его беспокоил пропавший Гарик. Но до конца смены оставалось еще долгих девять часов.

* * *

Вольф положил трубку и откинулся в кресле, закинув ногу на ногу. С индусами возиться он не станет, даже

если Тася придет сейчас к нему в кабинет с умоляющим лицом, снимет трусики и, повернувшись тощим задиком, наклонится.

«Фуд кост»¹ был важнее любой бабы.

«Продажники» молились на загрузку, инженеры со своей капризной системой кондиционирования — на погоду, генеральный — на сетевых проверяющих, а Вольф молился на «фуд кост». Придя в «Апельсин», он первым делом взялся за ресторанное меню. Его бесила американская манера составлять блюдо из гигантского куска мяса или рыбы, обрамленных примитивной картошкой фри и какой-нибудь случайной морковкой. И все это высилось на тарелке незстетичной горой, доводя гостей до обжорства, а шеф-поваров — до разорения.

Прежде всего Вольф в два раза урезал стейки и филе, картошку заменил благородной и вместе с тем дешевой полентой, увеличив количество гарнира пропорционально урезанным мясу и рыбе, а вокруг островка еды нарисовал изящные завитушки из соусов, чтобы клиентский глаз не заметил неожиданных пустот. Тарелки на шведских столах немедленно заменили более мелкими, чтобы прожорливый гость меньше утаскивал в лапах еды. И проходя по кухне, Вольф шарил цепким взглядом по мусорным корзинам и не дай бог замечал выброшенные половинку яблока или подгнивший только с одной стороны помидорчик. «Фуд кост» на бумагах не замедлил отреагировать и заулыбался ему квартальной премией.

Больше всего Вольф уважал фуршеты по окончании больших конференций. Бизнесмены оставались, чтобы поговорить друг с другом, выпить глоток шампанского и закусить канапе. Их мало волновало, что они закидывают в рот. Для «фуд кост» это был идеальный вариант. Завтраки «шведский стол» и бизнес-ланчи Вольф тоже одобрял. Сильнее всего его раздражали юбилеи и свадьбы, когда требовались индивидуальный подход и «ресурсозатраты». Обязательно находился какой-нибудь неугомонный папа невесты, пчеловод-любитель, требовавший для приготовления торта использовать мед исключительно желтой акации. Или супруга юбиляра, крупный специалист по пирогам, норовившая сунуть длинный нос на кухню. Подобную бесполезную возню Вольф просто ненавидел.

А уж индусы! Он прекрасно помнил официальный визит индийского премьер-министра. Вольф тогда работал в лучшем отеле Берлина, где разместилась вся свита. Платили они щедро, но после недельного пребывания все три этажа провоняли карри. Они умудрялись готовить свою пахучую жратву прямо в номерах. Плиты, что ли, в чемоданах привозили? И это помимо ежевечерних пышных банкетов, когда он чуть не рехнулся. Все эти непременно блюда с трехэтажными названиями ва-ти-ла-па-пам и га-рам-ма-са-ла, продукты для кото-

¹ Себестоимость (англ.).

рых доставляли из самого Дели. Вольфу пришлось дать добро на индийского шеф-повара, носатого низенького человека, руководившего готовкой этих трам-пам-пам и усыпавшего кухню специями. При всей помпезности визита после отъезда пришлось поменять ковры в номере, служившем индусам офисом. Между отправлением государственных телеграмм на родину работники писали в углы, даже не затрудняясь пройти несколько шагов до туалета.

Еще немного пофантазировав, как Тася снимает трусики, переступает через них тонкими ножками и идет к нему в объятия, Вольф бросил взгляд на тапочки. Что произошло с его старой и очень удобной обувью? И почему он уже несколько раз упал на ровном месте? При этом ему слышались странные звуки: будто открытая форточка билась о раму от сквозняка, тихие осторожные шаги, позвякивание ведра и покашливание. К тому же за секунду до падения перед ним расстиралась, словно скатанный в трубочку ковер, влажная поблескивающая полоса.

Несмотря на ощущение чьего-то присутствия, рядом никого, слава богу, не оказалось, когда сегодня с утра он рухнул, как стреноженный конь, и проехался еще пару метров по мокрому полу. Чертыхаясь и оглядываясь по сторонам, Вольф встал и бережно понес свой незапятнанный образ шеф-повара и красивого мужчины на кухню, где прямо на пороге чуть не шлепнулся еще раз, лишь чудом в последнее мгновение ухватившись за косяк. Завалиться на глазах у поварят и стюардов! Что может быть унижительней для человека его статуса?

Больше всего Вольф боялся уронить свое достоинство. Став шеф-поваром одного из лидирующих отелей Москвы, он еще выше поднял этот хрустальный сосуд, и ни слуховые галлюцинации, ни странности с обувью так не беспокоили, как вероятность разбить его вдребезги.

Он потрогал еще раз пальцем подошву, но не обнаружил никакой вразумительной причины падений. Встал из-за стола и, глядя себе под ноги, вышел из кабинета. «Может, пол чем-то натерли, что тапки разъезжаются?» Но пол выглядел как обычно: когда-то белоснежная, но уже давно «убитая» плитка тускло поблескивала. Он даже наклонился и провел по ней пальцем. Щербатая, матовая поверхность и к тому же совершенно сухая. Спohватившись, что может выглядеть странно, Вольф резко выпрямился, поправил колпак, расстегнул верхнюю пуговичку поварской куртки, чтобы было видно многообещающее начало мощного торса, и медленно пошел по направлению к горячему цеху, держась рукой за стенку.

* * *

Прозрачный «аквариум» давал прекрасную возможность наблюдать за сотрудниками. Но Инна никогда это-

го не делала. Папки, отчеты, ежедневники, увенчанные пепельницами и пустыми чашками из-под кофе, высились шаткими пирамидами на столе и полностью закрывали обзор. К тому же всегда крайне занятая директорша, погребенная до самой макушки под макулатурой, имела дурную привычку разговаривать с сотрудниками, отвечать на телефонные звонки, пить кофе и стряхивать пепел, не отрывая глаз от монитора.

— Я тут, — сообщила Тася хвосту Инны, поймав себя на желании за него дернуть. Что ж, ей вполне понятны движения души генерального...

Не оборачиваясь, Инна качнула хвостом, нашарила слепой рукой чашку, сделала глоток и сказала:

— У нас скандал. Владелец компании «Торнефть» увидел себя в ролике отеля, который мы сняли. Причем поймали его в тот момент, когда он заходил в лобби в обнимку с любовницей.

— Мамедова засняли?! Да ладно! — Тася зашла сбоку и попыталась заглянуть Инне в лицо. — Он же крутой дядька и всегда шифруется! Что будем делать?

— Срочно свяжись с головным офисом. Надо приостановить трансляцию ролика. Его вчера запустили по всем «Апельсином».

— Господи, надеюсь, Мамедов не отправился вчера с женой в кругосветное?!

— Вот и выяснишь. — Инна прикурила сигарету. — В любом случае надо сделать все, чтобы его удержать. Мы не должны потерять жирного клиента, который бронирует по сто пятьдесят ночей в год и ни разу не заикнулся о скидке. Я уж не говорю о переделке ролика. Столько денег вбухали, и еще придется. Генеральный будет в ярости.

— Вряд ли удержим. Мамедов такого не простит.

— А ты постарайся. Не забывай про наш годовой бюджет!

— Я про него вспоминаю даже чаще, чем дышу. Мне вот только интересно, оператор совсем кретин? Он не знает, что гостей нельзя снимать?

— Маркетинговый отдел прошляпил. Им еще достанется... — Инна наконец соизволила обернуться: — Да, чуть не забыла. Приготовь статистику по всем туроператорам за прошлый год.

— У меня еще запросов штук пятнадцать.

— Генеральный просит. Сделай срочно. — Она затянулась, положила сигарету на край пепельницы и увлеченно застучала по клавиатуре, подразумевая, что разговор окончен.

Тася вышла из «аквариума» и нос к носу столкнулась с Викентием. Волосы его, обычно аккуратно причесанные, сейчас удивленно вихрились на макушке, вторя растерянному выражению глаз.

— Слышала, что ночью произошло?!

Тася мотнула головой в сторону «аквариума»:

— У нас обет молчания, в курсе? Пойдем курить, там и поговорим.

¹ Стюард — должность мойщика посуды в отеле.

— Обет не сильно помогает. Шепчутся на каждом углу. Журналиюгу какого-то с утра в шею вытолкали. Удивительно, как они все быстро пронюхивают... Давай в три в курилке?

— Посмотрим. Похоже, буду сегодня плясать джигу до позднего вечера.

— Слушай, проблема с твоим гостем. Вип из «Экзетер», маленький такой еврейчик. Приехал последним, под утро. И уже некуда было его селить. Он так орал, будто ему делали еще одно обрезание.

— Боже. Обрезание теперь сделают мне. Головы.

— Прости. Выхода не было.

— Куда вы его отправили?

— В соседний отель.

— Понятно.

— Морда у него больно подлая. Боюсь, будет жаловаться.

— Что ни день, то цирковое представление. Не зря, кстати, и в цирке, и у нас — номера.

— Точно. Чувствую себя цирковой лошастью.

Тася хихикнула:

— А я — конем... Слушай, ты помнишь, что президент «Рено» у нас отказался от «сосиски» и будет жить в польском люксе?

Викентий кивнул:

— Да. Надеюсь, они будут довольны.

— Положись на меня. Я так это обставлю, что они будут целовать нам ноги.

— Думаешь? Может, тогда не отдавать ботинки чистильщику?

Тася засмеялась:

— В три идем курим!

Она прошла к своему столу и села. Плохо — маятник раскачивался вовсю. Мелкие, но досадные неприятности с самого утра. У нее были свои тайные знаки, подсказывающие дальнейшее развитие событий. Обычно плохое цепляло на себя плохое и складывалось вереницей неудач до вечера. Соскочить было трудно. Приходилось либо терпеливо ждать окончания дня, либо усилием воли переключать волну. Сегодня предчувствие ничего хорошего не сулило. И фоном — странное ощущение причастности к ночному происшествию.

«Ты слышишь меня?.. Слышишь?» — раздался вдруг над ухом тихий голос. Она обернулась. Никого. Кто мог ее звать? Коллега Катя что-то писала, постукивая тупенькой ножкой пони по столу. Отличница почти стелилась по столу, льстиво сюсюкая в телефонную трубку. Секретарша отдела продаж Ирочка, похожая на располневшую Мальвину с перекрашенными из голубого в желтый цвет волосами, задумчиво сосала карамельку. Дверь «аквариума» была плотно закрыта.

Показалось...

Телефон, притихший в раздумьях вместе с хозяйкой, вдруг встрепенулся. Тася подняла трубку.

— Доброе утро. Отдел продаж. Тася.

— Босс хочет тебя видеть. Прямо сейчас.

— Что? Кто это?

— Это я. Он ждет тебя внизу. Иди быстрее, — хрипло произнес знакомый голос.

Тася вдруг узнала охранника господина Мамедова. Обычно бронируя люкс для босса, охранник называл ее лапочкой и заигрывал, будто мысленно кувырчался с ней на кровати шефа, но сейчас ему явно было не до флирта.

— Иду.

Тася мелкой рысцой понеслась по коридору к лифту, нарушив одно из правил — «продажникам» было запрещено бегать, громко разговаривать, сморкаться и выражать негативные эмоции в гостевых зонах. Они должны были всегда плыть, как павы, и общаться с гостями елейными голосами, будто те — зажавшие чеку бомбы террористы. Остановившись перед лифтом, Тася нажала на кнопку и подняла голову. Кабина лифта тронулась и медленно поплыла, поблескивая железным полом. Она вдруг подумала, что именно так, страшно и неотвратимо лифт надвигался на Нину, и некуда бежать, и никак не спастись. Тошнотворная волна прокатилась от желудка к горлу. Она глотнула и с тоской прикрыла глаза. Тяжеленная балка тут же полетела ей на голову. Ночной кошмар вернулся дневным наваждением. Подробности сна вдруг всплыли в памяти.

Кабина подъехала, двери открылись. Секунду поколебавшись, Тася вошла внутрь и сжалась от отвратительного ощущения, будто собиралась упасть кому-то на голову.

Мамедов сидел за крайним столиком лобби-бара. Вообще-то никто не знал, что он Мамедов и глава крупной нефтяной компании. Селился он в отель инкогнито, к ресепшен никогда не подходил, а паспорт для регистрации давал его охранник.

Пересекая лобби, Тася внутренне собралась. Для начала надо сделать вид, что она ничего не знает. А потом... Есть в запасе пара проверенных ходов.

— Доброе утро, господин Мамедов. — Подойдя к нему, Тася остановилась, почтительно склонив голову и прямо-таки излучая корпоративную любовь. — Чем могу вам помочь, господин Мамедов?

Подобным примитивным приемчикам их обучили еще на первом тренинге: повторять имя гостя, не забывать про язык тела и контакт глазами. Кстати, язык тела имел здесь, в московском «Апельсине», свою российскую специфику. Таким типам, как Мамедов, руку подавать точно не стоило. Но Инна, выращенная на американских тренингах, этого не понимала. Она постоянно твердила слоган сети: «Джентльмены обслуживают джентльменов!» и жила в своем иллюзорном мире. Хотя мужиков в индустрии гостеприимства — раз, два и обчелся. Одни

леди, обслуживающие джентльменов. И джентльменов ли?

Тяжелые веки поднялись, и на Тасю уставились холодные глаза цвета нефти.

— Суки, вы что творите? Вам нравится дробить судьбу, что ли?

Маятник качнулся, как бетонная плита на тросе, и чуть не сбил ее с ног.

— Нет, господин Мамедов, — вежливо ответила Тася и широко улыбнулась джентльмену перед собой.

Инна любила повторять: «Всегда улыбайтесь! Даже если гость вылил вам на голову плохо сваренный кофе! Улыбайтесь так, будто уголки рта зацепились за сережки в ваших ушах!» Видимо, поэтому мужиков в отельном бизнесе и маловато — им не за что цеплять уголки рта.

— Короче, але-мале! Чтобы через десять минут этого не было! — наманикюренный палец ткнул за ее спину.

Тася обернулась. На большом плазменном телевизоре прокручивался новый рекламный ролик гостиницы... Кремль, президентский люкс, набриолиненный генеральный, панорамный вид лобби, крутящаяся входная вертушка, гость заходит внутрь с девушкой... Да, оператор — мастер! Заснял не только фигуры, но даже и довольные лица!

— Я ведь женатый человек, лапочка! — добавил Мамедов, нехорошо оскалившись.

Хорошо, он еще не знает, что вчера ролик запустили по всему миру. Иначе, наверное, достал бы «перо» из кармана элегантного пиджака и сунул ей в ребра.

— Мы сейчас все решим, господин Мамедов! — Тася опять лучезарно улыбнулась. — А в качестве компенсации позвольте подарить вам ваучер на бесплатное проживание в президентском люксе. Вы можете использовать его в любой момент. И даже сегодня.

«Схавал президентский, как миленький!» Довольная Тася поспешила назад в офис. Инна, конечно, не оценит. Скажет, что надо было заодно ему цену поднять, раз уж так поперло.

Она подошла к лифту, нажала на кнопку вызова. Лифт загудел и через несколько секунд открылся. У задней стенки лифта, повернувшись к Тасе спиной, стояла горничная. Ее руки были прижаты к телу, и вся поза сохраняла странную неподвижность. «Ты меня слышишь? — вновь возник тот же голос. — Слышишь?» Немного помедлив, двери лифта закрылись.

Тася застыла, не в силах пошевелиться. Со свистом втянула воздух. Огляделась. «Нет. Исключено. Призраки бывают только в мистических романах... — Она криво улыбнулась. — Это же просто горничная. Моет лифт. Может, следы какие-то остались».

На тяжелых, будто одетых в колодки ногах она пошла к лестнице. «Слишком сильное впечатление произвела на меня ночная история. С моей-то фантазией... Ничего удивительного». Потрогала лоб — немного горячий, на

пару градусов выше обычного. Попыталась рассмеяться. Смех вышел неестественным, хриплым, но стало легче. «Да-а... Приехали... Шарахаюсь уже от горничных, как черт от ладана. Голоса какие-то слышу... Ромашку надо пить вместо кофе...»

Телефон на столе бился в агонии. Секретарша Ирочка с двумя трубками у правого и левого уха состроила ей извиняющуюся гримаску. В час пик она не успевала перехватывать все звонки.

— Детка, я тут подумал...

— Да, Вольф, — еще задыхаясь от быстрого подъема, сказала Тася.

— Та группа индусов... Она большая?

— Большая. — Она хмыкнула. — Двести пахучих индусов берут все три этажа, куча люксов, конференц-залы... Все, и даже лифты, будет источать аромат карри...

— Ок. Я сделаю это! Только для тебя, детка!

— Большое спасибо, Вольф. Очень большое.

— Слушай, а как насчет ужина...

— Прости. Мне сейчас некогда. Потом поговорим.

Она положила трубку и усмехнулась: «Готов индусам меню рисовать, лишь бы затащить в постель. Пусть индусы, детка, и расплачиваются, а я-то при чем? — Тася задумчиво уставилась в окно. — Что-то со мной происходит. Похоже, я переутомилась...»

Она зашла в почту и открыла верхнее в ящике письмо. Столько лет она делала одно и то же, что пальцы не включали в процесс голову. Она могла думать о совершенно посторонних вещах, пока отвечала на однообразные письма. Или не думать вовсе.

В отличие от Вольфа Нос никогда не подкатывал так глупо. Через десять минут после их знакомства на клиентской вечеринке, когда она с увлечением рассказывала о новом проекте в отделе продаж, он вдруг прервал ее на полуслове: «Простите, а можно вас спросить?» Она кивнула. «Скажите, а находятся храбрецы, которые занимаются с вами любовью?» Залившись краской, она оторопело произнесла: «А почему вы об этом спрашиваете?» Нос улыбнулся: «Ну, вы такая яркая, активная, уверенная в себе женщина... Знаете, непросто набраться смелости». Он ее набрался. В тот же вечер.

Ирочка подошла к столу и мило улыбнулась:

— Звонили с ресепшен. К тебе пришел на инспекцию японский консул.

— Как?! Уже двенадцать?!

— И еще подошли два немца. Хотят посмотреть отель и обсудить цепочку групп на следующее лето. Они не назначали встречу.

— Класс! А бразильцев с пакистанцами сегодня нет?

— Пока нет.

— Ладно, перезвони, скажи, чтобы немцы подождали. Пусть присядут в баре.

— И еще тебя разъяренная дама из компании «Экзетер» спрашивает. Соединить?

— Ой, это, наверное, по поводу того еврея... Скажи, что я на встрече. Потом ей перезвоню.

Простучав лихорадочную мелодию на клавиатуре, Тася наконец отправила последнее письмо, вскочила из-за стола, сунула в карман несколько визиток, причесалась одним взмахом расчески и выбежала из офиса. Никаких лифтов! Ни за что! Только пешком! Добежав до четвертого этажа, чертыхнулась и поскакала обратно на восьмой: фирменный пакет с брошюрой и рекламным диском для немцев остался в офисе.

* * *

«Может, позвать ее в номер, чтобы обсудить меню для индусов? — Вольф задумчиво почесал макушку. — Хотя в номер она вряд ли пойдет... Тогда в ресторан, а потом увлечь в яичную комнату — она как раз изнутри закрывается».

Вольф толкнул дверь в горячий цех. Там, как всегда, буйствовал тропический циклон. Красные лица поваров парили над огромными сковородами. Огрызаясь на кухонную ругань, официанты проворно уносили горячие тарелки в ресторан. Готовые блюда для вечернего банкета с грохотом загружали в тепловой шкаф. Су-шеф так и не появился. Вольф со злобой подумал, что лишит его к чертям премии, и отправился в кондитерку.

Пучков резал розмарин для миндальных тьюлес¹ и шевелил кустистыми бровями. Щедро обрубаемые розмариновые хвосты летели в мусорную корзину. Вольф вырос из-за плеча, выхватил очередную порцию хвостов и злобно стегнул ими Пучкова по руке.

— Шайзе! «Фуд кост»!

Испуганный Пучков принялся мелко их рубить, бормоча себе под нос: «Избави мя, Господи, от богомерзкого и злохитрого антихриста, близгрядущего, и укрой мя от сетей его в сокровенной пустыне Твоего спасения...»

«Если за этими идиотами не следить, то бюджет раздует, как брюхатую бабу, — ворчал в унисон Вольф, направляющийся в ресторан. — Да, с яичной комнатой — хорошая идея. Сегодня точно затащу туда эту недотрогу».

Мимо пробежала Тася с пакетами в руках и встревоженным выражением лица. Вольф хотел остановить ее, но та торопливо отмахнулась. Глядя ей вслед, он вновь с вождением отметил узкие бедра и тощие ножки олененка, вставленные в корпус словно на некотором расстоянии. Распахивать такие ножки и находиться между ними, должно быть, невероятное удовольствие. Он представил, как кладет ладонь под выпирающий копчик и плотно вжимается, заполняя собой ее сладкие пустоты. Анорексичная Тася напоминала ему Иветту, воспомина-

ния о которой до сих пор мучительной судорогой отзывались в паху. Оглянувшись, он незаметно оттянул ширинку вместе с трусами, поправив врезающиеся швы и пошел дальше.

Иветта была худенькой, даже тощей. Откуда только у нее брались силы таскать по четыре пивные кружки за раз? Она клялась, что перетаскала уже пол-Рейна этим проклятым пьяницам. Однажды Вольф в числе проклятых пьяниц отмечал с друзьями выпуск из кулинарного училища, изредка поглядывая на смешную пигалицу с сердитым выражением лица, грохочущую кружки перед посетителями. После разочарования с Гретхен он приглядывался ко всему хрупкому и небольшому, будто размер мог гарантировать успех. Приятель шепнул ему на ухо, что девчонка непростая — папаша, большая шишка в «Фольксвагене», заставляет дочку самой пробиваться в жизни — и Вольф еще больше заинтересовался.

Отхлебывая пиво, он размышлял, что бы такое неординарное у нее спросить, дабы привлечь к себе внимание. Почесал голову, высморкался, незаметным движением пригладил волосы. Дождался, когда она двинется в его сторону, и решительно встал.

— Э-э-э, прости, — начал Вольфганг, и она недоуменно уставилась снизу вверх, сжимая четыре пол-литровые кружки, по две в каждой руке. — Детка, не подскажешь, где туалет?

Девчонка мотнула головой в сторону бара, потеснила Вольфганга и, недовольно дернув плечом, двинулась дальше.

«Вроде ненавязчиво получилось. И при этом она меня отметила», — с удовлетворением размышлял он, поливая унитаза бодрой струей.

Через час они с дружками раскачивались из стороны в сторону и громко пели «Auf Wiedersehen, meine Liebe Klara». Вольф отбивал ритм башмаками и залихватски грохал кулаком по столу, так что подскакивали кружки. Пока официантка собирала пустую посуду, он два раза ущипнул ее за задницу. Попка — размером с кулачок, и не ухватиться толком. Но малышка разъярилась и полоснула его по морде мокрой тряпкой. Когда потом, бывало, он клал на ее тощий зад ручищу и нежно сжимал, то обязательно припоминал эту тряпку, ознаменовавшую их романтическое знакомство.

Иветта любила орешки и фильмы ужасов, потешно щелкала скорлупки и тарасилась на экран, напоминая испуганную белку. Еще она почему-то говорила «моторка» вместо «мопед» и «ходик» вместо «часы». Вольф удивлялся, что богатый папаша пустил на самотек и образование тоже. Но на осторожные вопросы о родителях Иветта молчала.

Каждый вечер он забирал ее на «моторке» с работы. Она выходила из бара с гордым видом, садилась позади него и вцеплялась тонкими слабыми ручонками. Он думал, что рвани он с места посильнее, она слетит, как

¹ Французское печенье.

перышко, и приземлится костистым задиком на асфальт. Конечно, таких шуток он никогда не шутил, просто думал про себя, и его охватывало умиление к этому трогательному в своей слабости существу. Вольф сжимал до хруста ее плечи и ласково шептал на ушко: «Столовая котлетка и та мясистее». Она морщила лобик и бросала на него игривые взгляды. «Ребрышки мои свиные, — приговаривал он, заваливая ее на кровать, — крылышки куринные».

Их отношения были приправлены кухонными затеями. Он любил готовить и откармливал Иветту разными вкусностями. Та с удовольствием ела, пропуская мимо ушей информацию о выходах, бланшировании и пассеровке. Однажды только спросила, чуть приоткрыв комичный ротик, что такое «бланманже». И приподняв вместе со стулом и тарелкой в руках, Вольф понес ее в спальню, нежно приговаривая: «Бланманже — это ты, моя сладкая».

Расстались они довольно печально. Иветта отравилась, и ее несло три дня. «Все твои волованы!» — ругалась она. «Это же изделия из пресного теста, дура! — сердился он. — Ими нельзя отравиться!» «Сам ты дурак! — Иветта некрасиво приоткрывала острые зубки. — Поваришка хренов! Мой папа, стюард, и тот лучше готовит!» «Стюард? — Вольф не мог поверить собственным ушам. — Твой папа — мойщик посуды?!» Из наследной принцессы она вдруг разом превратилась в тощую курицу. Он молча собрал ее вещички, разбросанные по квартире, и выставлял за порог.

К кому она побежала?» — Вольф двинулся за Тасей следом. Пробрался сквозь толпу участников конференции, вышедших на кофе-брейк из душевого зала, и подошел к мраморной лестнице, ведущей в лобби. «Я должен видеть в лицо своих конкурентов». Он свесился с перил, но Таси нигде не было. Тогда он поспешил вниз, высматривая ее среди толпы.

Воздух вдруг словно загустел, послышался шум ветра, ледяной поток хлынул ему под ноги, оставляя влажный след на ступенях. Одна нога неожиданно подвернулась. Нелепо выставив вперед другую, Вольф стремительно и даже с каким-то залихватским свистом пронесся по длинной лестнице у всех на глазах. Тень женщины скользнула вверх и растаяла в воздухе незамеченной.

* * *

С консулом Тася билась уже второй месяц. Визит японского премьер-министра был намечен на начало весны. И иногда ей казалось, что до весны она не дотянет. Консул со свитой приходил на инспекцию отеля почти каждую неделю. Обшаривали, обнюхивали, чуть ли не облизывали каждый угол с японской дотошностью. Целометрические, в строгих пиджаках, лица бесстрастные, как

маски. Таким не то что руки подать, вообще непонятно, каким боком повернуться, чтобы ненароком не нанести оскорбление международного масштаба. Инна напряженно следила за Тасиными телодвижениями под консулом и ждала победного финала. Все-таки двести номеров и пять люксов, уж не говоря о статусе мероприятия!

Консул утверждал, что решение в пользу «Апельсинов» уже почти принято. Смущали их только «гейши» в лобби-баре по вечерам. «Москва — хуже Киото, — уверяла его Тася. — Гейши есть в каждом отеле».

И вообще, в «Апельсине» были неплохие девочки. Ежемесячно приносили Конюшкову мзду, завернутую в справку о половом здоровье. Тася была уверена, премьер-министру они бы понравились. Она бы, правда, их еще через Инну пропустила, чтобы довести «язык тела» до совершенства. Но консул уверял, что если хоть одна попадется на глаза во время проживания делегации, скандала не избежать.

Что Тася только не придумывала! Даже говорила, что лично будет нести вахту в лобби по вечерам. Консул оглядел ее с ног до головы и хмыкнул. Она тогда очень обиделась. Но по корпоративным стандартам любые обиды от клиентов следует, деликатно выражаясь, складывать в карман. Тасины карманы уже отвисли до колен за годы работы. Инна так и говорила: «Если клиент вас оскорбил, радуйтесь! Это могло ему понравиться. И, значит, он вернется!» И «продажники» верили ее словам, как десяти заповедям.

Консул со свитой стояли истуканами в лобби. После церемонных кивков группа выстроилась свиньей и двинулась. Тася шла не впереди, а слева и немножко сбоку. Даже в передвижении японцам было важно соблюдать иерархию.

— Господа, начнем, как всегда, со стандартной категории.

Она повела их по лестнице. Специально взяла ключи от номеров на втором этаже, чтобы избежать лифта. Японцы семенили по коридору мелкими шажками, будто были одеты не в современные костюмы, а в кимоно. Смотрели номера, как всегда, молча, не комментируя, и это усугубляло ее привычный стыд.

Стыд был ее основным чувством на работе. Инна говорила, что сотрудники должны испытывать гордость за свой продукт. Но Тася не могла не краснеть, вспоминая давно требующие реновации клетушки по пятьсот баксов за штуку. Каждый раз во время показа номеров старалась встать на ковровые проплешины и прикрыть собой треснутые биде. «Гейшам живется лучше, чем нам, продажникам, — размышляла она. — Они хотя бы сами определяют ценовую политику».

В кармане завибрировал мобильный.

— Генеральный еще просит добавить в статистику прогноз на следующий год.

— Инна, я на встрече с консулом.

— Вернешься — первым делом.

Тася нажала отбой и вежливо улыбнулась японцам:

— Господа, осталось посмотреть президентский. И надеюсь, сегодня я услышу от вас хорошие новости.

Президентский люкс располагался на восьмом этаже. Японцы набились в лифт, как сельди. Тася немного подумала и, улыбаясь, сказала:

— Я на другом. Чтобы вас не теснить.

Двери закрылись. Лифтовой механизм загудел и с натугой повез всю компанию наверх. Тася помчалась по лестнице, перескакивая через две ступени. Как хорошо, что она носит туфли на низком каблучке и предпочитает брючные костюмы! Сколько еще раз она сегодня совершит марш бросок с первого на восьмой?

Прибыли к президентскому почти одновременно. Тяжело дыша, Тася привычным жестом провела магнитной карточкой сверху вниз. Но проклятый ключ не сработал. Еще раз, и опять нечего. Стоя перед дверью номера, она водила карточкой туда-сюда, но лампочка упрямо не загоралась. Спиной она чувствовала раздражение японцев. Примерив бодрое, оптимистичное выражение лица, обернулась и тут же наткнулась на ледяное недоумение. И мобильный опять как назло!

— Добрый день. Отдел продаж. — Тася умильно подморгнула айсбергам напротив и провела еще раз карточкой, но снова впустую.

— Это беспредел! Я буду жаловаться! — пронзительный голос впился ей острым жалом в ухо.

— Простите, кто говорит?

— Анна из компании «Экзетер». Вы вчера не поселили очень важного гостя из Израиля! Вы понимаете, что это скандал?!

— Анна, извините, но у нас не было выбора.

— Он наш ВИП-клиент! Я требую сатисфакции от отеля!

— Хорошо, Анна. Все сделаем. Я вам перезвоню. Простите... Спасибо...

Тася нажала отбой, не дожидаясь ответной реплики. Изобразив всю мировую индустрию гостеприимства в одном лице, обратилась к японцам:

— Извините. Наверное, положила ключ с мобильным телефоном, и он размагнитился. Побудьте тут минутку. Я мигом.

Перепрыгивая через три ступеньки, она поспешила вниз. «Черта с два, размагнитился! Дали не тот ключ! Олухи!»

Магнитная карточка хлопнулась о стойку ресепшен.

— Не открывает!

Белокурая молоденькая девочка лучезарно ей улыбнулась:

— Добрый день! Чем я могу вам помочь?

Тася взглянула на нее исподлобья:

— Новенькая? Где Викентий? Мне срочно!

— Викентий обедает. Чем я могу вам помочь?

— Есть кто-то еще в бэк-офисе?

— Никого, — радостно сообщила блондинка. — Я за старшую.

— Что за день такой проклятуший?! Мне нужен ключ от президентского. Этот почему-то не работает.

Девушка медленно взяла в руку ключ и изучающе на него уставилась.

Тася вздохнула и принялась объяснять:

— Так, вставляй ключ вон туда. Теперь пиши: восемьсот пятнадцатый. Нажимай «ок». Готово. Давай быстрее.

— Пожалуйста. Всегда рада помочь.

Телефон снова ожил.

— Тебя ждут немцы. И уже сердятся.

— Боже, Ирочка! Я совсем про них забыла! Попроси еще подождать. Может, чаем их угостишь в лобби-баре? Короче, придумай что-нибудь!

Нажав на сброс, Тася рванула к лестнице.

Распахнув президентский люкс царственным жестом, будто и не прыгала взмыленная по ступеням, она пригласила японцев внутрь. Закрыв дверь, вошла следом.

На диванчике в гостиной сидел господин Мамедов с расстегнутыми штанами. А между его ног на полу уютно примостилась одна из «гейш». Обернувшись на вошедших, она открыла рот от удивления, и выглядело это так, будто она хочет спеть в микрофон. Глаза господина Мамедова полезли из орбит. Консул со свитой повернули к Тасе побелевшие лица, напоминая актеров театра кабуки.

Тася застыла, не зная, что делать. Но тут Инна, как всегда, мысленно пришла ей на помощь: «Улыбайтесь, девочки! Всегда улыбайтесь!»

Тася сделала шаг вперед и широко им всем улыбнулась.

Продолжение следует.

Нина ЦЮРУПА

О себе

Родилась в 1983 году в Москве в семье врачей. Училась в Литературном институте имени Горького (семинар Олеси Николаевой). Работала журналистом, аналитиком, секретарем, учителем, воспитателем, редактором, рецензентом...

Пишу стихи и прозу.

В 2011 году вышел первый роман — «Человек человеку». С тех пор опубликовано уже десять романов, некоторое количество рассказов и повестей — в основном под псевдонимом и в соавторстве. Сейчас работаю писателем, если можно так выразиться.

В 2012 году переехала из Москвы в Киев, а оттуда — в Житомир, где и живу с семьей, котами и собаками. Из хобби — рукопашный бой и стрельба.

А стихи пишу давно. Нигде их не публиковала.

ДО ХРИПОВ, ДО ССОР СЦЕПЛЯЮТСЯ ПОЭТЫ

Я не знаю, что такое поэзия. С двенадцати лет пишу — и с каждым годом незнание крепче. Пожалуй, если задуматься всерьез, ускользнут определения и художественного текста, и литературы, и искусства вообще.

Так исстивает красота, если пристально вглядываться. Так исчезает искренность — в легкой неловкости утреннего похмелья.

Я не знаю, кто нашептал первые строки первому безымянному поэту: ветер, потревоживший листву, потрекивание углей, тяжелая поступь неведомого или собственная совесть. Не знаю, почему слова царапали ему горло, требуя свободы, пытаюсь дотянуться до чужой, другой, души.

О поэзии сложно говорить сухим языком словарных определений. Определения ничего не проясняют и ничего не дают. Симметрия, паузы, фразовые отрывки... Разве из них состоят стихи? До хрипов, до ссор сцепляются

поэты: что было раньше, смысл или форма? Этого я не знаю тоже.

Попытка организовать хаос, подчинить неведомое, дать точку пересечения параллельным мирам, заставить почувствовать то же, что и ты, почувствовать вместе с тобой.

Поэзия — бегство из ледяных застенков одиночества. Вот он — мой мир, возьми его, послушай его, посмотри моими глазами!

Говорят, что поэт — для других. И это правда. Говорят, что поэт — должник вселенной, и это — тоже правда.

Стихи должны звучать — голосом автора или актера, со сцены или на кухне — не важно. Немые стихи умирают, задыхаясь от невысказанного.

Есть стихи безупречные, где каждый звук — выверенное движение хирургического скальпеля, а каждая строка — выстрел точно в цель. Есть стихи неидеальные, разболтанные и расхлябанные, как подросток, идущий весенней улицей. Объективные критерии разбора, анали-

за текста — ерунда перед внутренней музыкой, доступной каждому. Мы все знаем, что «идеально» — не всегда хорошо, что использование всех возможных приемов не обязательно зацепит, а вот здесь вроде и глагольная рифма, и ритм припадает на обе ноги, но строки впиваются в сердце, заставляют смеяться и плакать.

Но наивный примитивизм хорош в первых детских строках. Организованное, осознанное зрелое творчество дает поэту не ограничение — свободу.

Наверное, я испорчена прозой и тащу в поэзию наработки из романов и рассказов. Для меня в хорошем

стихотворении должен быть сюжет и должен быть герой. Должна быть идея. И — подчиненная им форма — ритм и слово. Этого недостаточно, но это должно быть.

И никак не поймать за хвост самое главное: послевкусие отдрожавших звуков, соприкосновение душ, захлебывающийся восторг понимания.

Поэзия — мост через бездны жизни. Диалог с миром — и с собою. Поэзия — форма истины, отголосок магии.

Я не знаю, что это на самом деле. И мне не важно знать.

Нина Цюрупа

* * *

Ребенок рисует лошадь, бредущую к морю.
Ребенок, может, никогда не увидит более
ни моря этого, ни лошади, ни песка.
Ребенок трогает кончиком языка
сухие губы.

Лошадь тянется мордой к прибоя кромке.
Ей невдомек, что вода соленая, горькая
и вообще — наштрихована по белому синим.
Вязнут копыта, лошадь устала сильно
за переход.

Ребенок заканчивает и умирает счастливым.
Взрослая женщина сминает свою картину,
смазывая песок и кромку прибоя.
И получается лошадь на водопое.
И все довольны.

* * *

Здравствуй.
Из чего ты сделала своего мужа?
Он получился дивно хорош — как раз, что нужно:
красивый, умный, и глаза у него — зеленые.
Тебе, должно быть, завидуют друзья и знакомые.

Одинокие женщины внаглую провожают его жадными взглядами.

Поделись:
что ты ела, когда образом его была беременна?
О чем мечтала, внося последние изменения?
Принимала ли рыцарские романы
или читала мантры?

И как зачала? Наверное, переспала с томиком Блока? И глоком?

Знаешь,
иногда он смотрит на тебя искоса.
Будто догадывается, что он — только вымысел,
обретшие плоть фантазии, помесь сказки и мифа,
такой настоящий, но как-то, наверное, где-то...

Откуда я знаю? Мы понимаем друг друга.
Потому что меня точно так же придумали.

* * *

Просыпалась от хохота: тараканы
щекотали ее усиками по ночам.
Их не видно обычно в полумраке спальни,
за придуманным ужином при свечах.

Тараканы толклись на ее предплечьях,
забирались в волосы, лезли в нос.
Стоит только трезвой в постель улечься —
выползают, суки, и понеслось.

Их давил терапевт Фрейдом, Юнгом, Фроммом,
их топтали ноги родных и друзей.
Тараканы спешили на свет убогий
заполночных страданий, больных идей.

Тараканий бал: караоке, пляски,
фейерверки, хлопушки, коктейли — рекой.
Тараканий Царь взирает на царство,
умудренный опытом и тоской.

Ей не так одиноко, когда они рядом,
не пугает жадная темнота —
если вдруг кошмар, придут тараканы,
и разбудят, и даже дадут вина.

О стакан стучат кариозные зубы,
пусто в доме, но если принять сто грамм,
Тараканий Царь, брутальный и грубый,
навестит ее девичий будуар.

* * *

Ночные звонки, непонятные эсэмэски,
шебуршание на пороге — а дверь закрыта
и соседи в отъезде. Бесогонка гоняла бесов:
то святой водой окропит — извела корыто,
то свечой посолонь обнесет и брачное ложе,
и кровать сына, и даже дочери спальню.
Бесогонка ходила к бабкам, как на работу.
Брали деньги, кивали вдумчиво, привечали.

Бесогонка искала шаманов, магов, психологов,
но потом прекратила — уж очень вставало дорого.

Полтергейст продолжался: рога, хвосты и копыта,
молоко прям в грудях створожилось, а бисквиты
оппадают, стоит вытащить из духовки.
И уже к психиатру собралась пойти Бесогонка.
Муж вернулся за полночь, пах селедкой и водкой,
говорить не хотел, дочь слушала музыку громко,
Бесогонка поплакала в кухне, пришла под бок:
муж как будто спал или смотрел в потолок.

А в бороде у него
появились
седые
волосы.

* * *

Кодируем от любви:
быстро, качественно, недорого.
Гарантия — девять жизней,
как кошка гуляет сама по себе,
так будете вы.
Посетите доктора-нелюболога!
Избавим от лишней ответственности —
раз навсегда!
К чему вам чужие проблемы,
вы выше этого!
Зайдите к нам в клинику,
ручаемся, господа,
люди вам станут
сиреневы и фиолетовы.
Купируем совесть.
Кастрируем чувство вины.
Все операции — исключительно под наркозом.
Устали жить?
Скорее спешите к нам!
Скидки, акции,
помните:
мы — поможем!

* * *

пластиковая бутылка, мед, сахар, борная кислота.
еще нам нужны будут ножницы и немного воды.
пара нехитрых движений, и — оп-па! —
оса протолкнулась в горлышко и не денется ни-ку-да.
Кушай, рыжая.
Вот он — твой идеальный мир.

вокруг — нектар, амброзия, чистый дзен,
спокойствие вязкой смерти — все для тебя!
крылья облеплены медом и нету сил?
пльви же, рыжая, теперь все равно — куда,
и все равно, можешь плыть или нет.
Ведь жизнь у тебя — одна. Сдаваться не смей!
Все липкое время мира — твое, оса,
а там, за пластиком, — умные лица людей.

Забавный опыт, не правда ли, господа?

* * *

Вдруг становится ясно:
Бог врал тебе,
делая вид, что любит,
и раздавая удачу.
Ты — не сын ему,
тебе не ходить по воде,
не висеть на кресте,
а только в субботу — на дачу.
Может быть, по грибы.
И в отпуск — недели две —
если раньше не сдохнешь,
даже вырвешься к морю.

Что ж, бывает.
Ты вел себя плохо.
Был не как все.
Ты не верил в Него —
и Бог полюбил другого.

* * *

Жрица тупыми ногтями раздирает свое лицо,
ногти короткие — плохо срывают кожу,
Жрица в припадке: на кого ты оставил меня,
боже?
почему ты ушел сейчас, на моем веку?

А вокруг
с грохотом рушатся города,
Родина-мать, преломившись в поясе, падает в Днепр,
Жрица знает: скоро хаос поглотит планету,
Жрица воет: на кого
ты
покинул
меня?!

Ее бьет ладонью последний закат —
 по щекам,
 слезы катятся градом каменным
 из распахнутых глаз Вселенной,
 Жрица корчится в судорогах, грызет костяшки, колени,
 раз за разом твердит: почему
                   ты
                           бросил
                                   меня?!

Безмятежно тепло ранней осени. Зрелый каштан
 С влажным стуком падает на мостовую...
 Но для Жрицы нет этого мира, и жирный чад
 от костра над любовью поглотит ее, слепую.

* * *

Нет-нет, прошу, остановите время,
 здесь, на углу, за светофором — счастье —
 высотка, в ней открыты настежь двери,
 прядущих нити тонкие запястья
 мелькают в ярко освещенных окнах,
 и можно попросить о жизни долгой.

А можно попросить о передышке,
 зайти, испить из родника при входе,
 подняться на десятый или выше,
 чтобы ловить на близком небосводе
 сачком неоппадающие звезды.
 И больше не свершится «слишком поздно».

Не будет ни разлуки, ни отсчета
 до встречи дней и дней до расставанья,
 я в колпаке безумца-звездочета
 на крыше сяду и сплету преданье
 про то, что время — желтые маршрутки.
 И можно попросить об остановке.

Марианна ТАРАСЕНКО

Марианна Тарасенко родилась в Новосибирске. Окончила филологический факультет Тартуского университета (специальность «филолог-русист, преподаватель»). Работала учителем в школе, затем на кафедре русского языка Таллинского политехнического института. После ликвидации кафедры еще пять лет проработала в школе. В настоящее время работает редактором (в том числе и литературным) выходящего в Эстонии на русском языке еженедельника «День за днем».

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КРОССОВКА И ТУФЕЛИ

Наш прошлый выпуск закончился размышлениями о чулках и носках, а теперь самое время поговорить об обуви. Слова, обозначающие практически всё, что мы носим на ногах, обречены на ошибки при склонении: мы чаще употребляем их во множественном числе и даже не задумываемся, как они звучат и к какому роду относятся в единственном. А из-за этого ошибаемся и в родительном падеже множественного числа — вот такой получается замкнутый круг.

Что мы носим? На протяжении долгого времени, начиная с отмены лаптей и до тех пор, пока в повседневность не ворвалась спортивная обувь, это были в основном сапоги, ботинки и туфли, дома — тапки. При этом всем известна начальная форма первых двух слов — «ботинок» (устаревшая форма для обозначения преимущественно женской обуви — «ботинка») и «сапог». Им повезло: редко кто скажет «у меня нет сапогов и ботинок», в основном форму родительного падежа множественного числа от этих слов образуют правильно — «нет сапог и ботинок».

А дальше начинаются чудеса: и «туфли», и «тапки» предоставляют широченное поле для формотворчества. Мы не задумываемся над тем, к какому роду относятся эти слова, нам это вроде бы и не надо. И в результате творим нечто несусветное. Помните, в фильме «Операция «Ы!» герой Вицина, Трус, говорит: «Чей туфля? Моё...»

Многие этому герою уподобляются и даже если не говорят «туфля», то уж точно произносят «туфель», что

как просторечную форму приводят некоторые словари. И если кто-то любит просторечие, пусть хотя бы запомнит, что в таком виде это слово относится к мужскому роду, потом что если относить его к женскому, то форма творительного падежа будет выглядеть как «туфелью», а это вообще за гранью добра и зла. Литературная же норма — «туфля», слово является существительным женского рода, а «туфель» — форма родительного падежа множественного числа.

Неправильное определение рода ведет к неправильному образованию падежных форм. А кроме того, трагедия слова «туфля» заключается в том, что мы мудрим не только с его падежными окончаниями и родом, но и с ударением. Не стоит говорить «две туфли», «два туфля», «к туфлям», «нет туфлей» и «нет туфель», правильно — «две туфли», «туфлям» и «нет туфель».

Стоит забыть и об образованиях «тапок» и «тапочек», хотя они нам уже почти родные. Но все же правильно — «тапка» и «тапочка», «нет тапок и тапочек». А «тапков и тапочков» — неправильно.

И если мы ошибаемся в таких привычных и родных словах, то что уж тут говорить об относительно новых. Абсолютно феноменальный уродец — слово «босоножек». Почему? Ведь обувь «босоножки» получила свое название именно от слова «босоножка», то есть босая женщина! А «босоножек» — это форма родительного падежа множественного числа. Хорошо, я согласна, большинство это знает, но дело в том, что коварный «бо-

соножек» заразил другое слово, появившееся в нашей активной речи позже — «кроссовки».

Ну что может быть проще: кроссовки — это туфли для кросса, то есть для бега. Еще до того, как они перестали выполнять свое прямое назначение и вошли в уличную моду, нам были известны спортивные туфли с шипами, которые называются шиповками. И никому не приходило в голову говорить «шиповок» — только «шиповка» (то есть шипованная туфля), а уже если их нет, то нет «шиповок». Но почему-то — причем не сразу, а с течением времени — вместо «кроссовка» образовалось слово «кроссовок»: так теперь и в некоторых книжках из разряда «бестселлер в мягкой обложке» пишут, сама читала.

Еще один камень преткновения — слово «кеды». Как правильно в именительном падеже — «кед» или «кеда», он это или она? А в родительном множественного числа — «нет кедев» или «нет кед»? Еще недавно считались легитимными только «кед» и, соответственно, «нет кедев», теперь все больше словарей действуют по принципу «говорите, как хотите». Это же касается и слова

«унты»: если вы произносите его с ударением на последний слог, то формой единственного числа будет «унт» («нет унтов»), если с ударением на первый — то «унта» («нет унт»).

Как уже было сказано выше, при образовании формы родительного падежа множественного числа масса неприятностей происходит именно из-за того, что мы не знаем начальной формы слова. А если знаем — то, казалось бы, все должно быть просто: если слово относится к первому склонению, то окончание его множественного числа в родительном падеже должно быть нулевым. Сравните: мама — мамы — нет мам, значит, туфля — туфли — нет туфель. Если же слово относится ко второму склонению, то проверяем, допустим, при помощи «быка»: бык — быки — быков, то есть окончание «ов».

Но в случае обуви и второго склонения — все это именно что «казалось бы»: ведь по логике вещей тогда должно быть «нет сапогов и ботинков». А мы с чего начали? Вот то-то же. Мало того: надо говорить «нет бот, нет валенок, нет мокасин»... Почему? А так сложилось. Что делать? Запоминать.

Маргарита СОСНИЦКАЯ

Маргарита Сосницкая — автор книг, очерков, статей. Ее Константиново — село Рудовка Луганской области. В 1985 году окончила Литинститут. В самиздате вышли два поэтических сборника «Опиум отечества» и просто «Поэзия». Дебют прозы произошел в Италии: в издательстве «Фелтринелли» в переводе вышла повесть «Званный обед». В Москве в «АСТ-Астрель» изданы роман «София и жизнь» (2003) и сборник прозы «Четки фортуны» (2008), в издательстве «Совпис» — сборник рассказов «Записки на обочине» (2002), публицистических работ «Трава под снегом» (2004) и «Книга Притч» (2008). Участвовала в сборнике «Русские в Италии». Многочисленные статьи, эссе, рассказы, поэтические подборки появлялись на страницах различных газет, журналов и в сети Рунета. Сборник поэзии хайку «Стихи на веере», «Книга Притч» и роман «Битва розы» опубликованы на сайте <http://software.xoom.it>. Член Союза писателей России. Маргарита Сосницкая — последняя аспирантка доктора филологических наук, главного сотрудника Института мировой литературы Олега Николаевича Михайлова.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ ОБ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ НА ФОНЕ РУССКОГО

*Кто не знает иностранного языка, тот
ничего не знает о своем собственном.*

Гете

То, что в романских языках нет глаголов движения, отмечено во всех учебниках русского языка для иностранцев. Мы же себе не отдаем отчета, что владеем этим богатством — глаголами движения вроде *идти* — *ходить*, *ехать* — *ездить*, *везти* — *возить*, *вести* — *водить* и т. п. Разницы между *идти* и *ехать* в тех языках вообще нет. Чтобы сказать: «Я поеду, я полечу», непременно нужны уточнители, и в буквальном переводе на русский это будет звучать: «Я пойду на машине, я пойду на самолете». Сам по себе, скажем, глагол *летать* есть, но применение его более ограничено, чем в русском.

А вот про то, что, например, в итальянском языке нет глаголов света, не сказано нигде. А также глаголов воды (жидкости) и звуков (звукоподражательных). Точнее, они есть, но их мало. Из русских глаголов света: *блестеть*, *блистать*, *сверкать*, *сиять*, *искриться*, *лучиться*, *светить*, *светиться*, *излучать*, *пламенеть*, *огниться*, *меркнуть*, *мерцать* (плюс однокоренные вроде *отсвечивать* или *поблескивать*) — только некоторые найдут себе перевод: *brillare* — *блестеть*, *scintillare* — *искриться*, *luciscare* — *сверкать*, да еще *emanare la luce* — *излучать*, но это уже целый дом с башней, а не слово.

Глаголы света *отливать*, *переливаться* переходят в глагол воды *лить*, *литься*. А уж если учесть приставку, этот воистину волшебный ключик русского языка и в то же время его заветный ларчик с самоцветными камнями, то всего один глагол разольется в целое море: *пролить*, *вылить*, *долить*, *залить*, *подлить*, *налить*, *прилить*, *влиять*, *недолить*, *перелить*, *слить*. Итого — одиннадцать. Это прикинув с разбегу, на первый взгляд. Итальянцы же обходятся одним глаголом *versare*, что еще значит и *лить*, и *сыпать*, и *класть деньги на счет*, и *проливать кровь* — в зависимости от контекста и дополнения.

Следующий глагол воды — *течь*. На итальянский он переводится как *scorrere*, что значит *бежать*. У нас и время, и вода могут как *течь*, так и *бежать*. У них только *scorrere* (кстати, наш курьер), и даже форма *scorrere* корня не изменяет.

Глагол *хлюпать* стоит на перекрестке между глаголами воды и звуков.

Повернем в сторону глаголов звуков, начиная со звона бокалов, колоколов, колокольчиков — *звонить*, *звенеть* и кончая *испортить воздух*, у которого по-русски, посчитайте сами, по меньше мере три эквивалента. В промежутке между этими крайностями и самыми простыми случаями, без которых уж никак нельзя обойтись (*шуметь*, *стучать*, *кричать*), стоят *громыхать*, *топать*, *гремять*, *гудеть*, *вопить* (не *орать*), *завывать*, *скулить*, *журчать*, *сипеть* (*осипнуть*), *хрипеть* (*охрипнуть*), *лязгать*, *бряцать*, *гундосить*, *шушукаться*: не знаю, относить ли сюда *шамкать* — все-таки процесс со звуковым сопровождением.

Еще итальянскому языку (а по аналогии с ним и всем романским) неведомы глаголы с оценочной окраской: *жрать*, *лопать*, *дрыхнуть*, *кочевряжиться*, *ржать* (в смысле хохотать), *балдеть*, *ухмыляться*, *шамкать*, *прозябать*, *дубасить*, *кипятиться* и т. д.: в том числе неведомы с оценочной окраской и глаголы движения: *шляться*, *шататься*, *околачиваться*, *болтаться*.

Этих слов просто нет. На нет и суда нет.

Но в русском-то языке они есть. Мы-то с вами, двести миллионов человек плюс эмиграция, знаем.

Иностранному студенту приходится туго, чтобы постичь глаголы преизбытка действия: *напиться*, *наговориться*, *разболеться*, *заболтаться* и т. д. Их тоже нет в его языке. Надо ломать свой лингвистический менталитет и приравнивать к чему-то незнакомому, необъятному, как Сибирь. Но и Сибири в Европе нет. Вероятно, именно это сказывается и на широте языка.

Трудно представить, чтобы даже самый блестящий русовед употреблял в разговоре наши «животные» глаголы в их оценочно-характерной функции по отношению к человеку и его действиям. Глаголы эти можно расфасовать на «звериные»: *озвереть*, *вызвериться*, *обезьянничать* — раз; «скотинные»: *набычиться*, *раскорветь*,

ишачить, *скопиться*, *пыжиться-напыжиться*, учитывая, что «пыжик» — теленок, олененок северного оленя и его мех, — два; «свинские»: *раскабанеть*, *насвинячить*, *поросячить* — три; «птичьи»: *петушиться* — *распетушиться*, *накаркать*, *раскаркаться*, *куковать* (долго и/или безрезультатно ждать), *проворонить*, *осоловеть*, *почирикать*, *попугайничать*, *осоветь*, *нахохлиться*, *кобениться* (*выкобениваться*) — творить коби, от слова *кобь* — подражание птичьему полету, — четыре; «собачьи»: *насобачиться* (*наловчиться*, *набить руку*), *рассобачиться* (*рассориться*), *присобачить* — кое-как приделать, *тявкать* (Вася, не *тявкай*), *разгавкаться* (что ты разгавкался?), (*о*)*борзеть*, — пять; «рыбьи» — *щучить*, «конские» — *ржать*, *разоржаться* (смеяться...), да и неологизм *накопытили*, который мы слышим в песне «Любэ» «Позови меня», воспринимается органично, потому что предельно понятен; глаголы «грызунов» — *окрыситься*; *крысятничать* — подличать. А ежик гуляет сам по себе: *ежиться* — *съежиться*, *поежиться*. Да и комар — *выкомаривать* (творить что-либо несусветное) тоже. Но это уже насекомая антропоморфность (уподобление человека насекомому).

Дракон — существо мифическое, но близкое к миру животных, и оно тоже породило глагол (*раз*) *драконить* — сильно (*разо*)*злить*. Другой «рептилоидный» глагол — *пресмыкаться* в антропоморфной функции не имеет точных аналогов, поведение это пытаются передать другими способами.

А однажды переводчик собрания сочинений Гайто Газданова на сербский Душко Паункович спросил, что обозначает слово «крякнуть» в случае вроде «выпив рюмку, Иван смачно крякнул»? Чтобы объяснить, пришлось просто изобразить. Даже в родственном славянском языке нет простого и лаконичного «утино» глагола, столь понятного всем нам. А ведь, кроме названных, есть и другие антропоморфные «птичьи» глаголы, чье действие при переносе на человека приобретает особый смысл: влюбленные воркуют, девица расщепеталась, давай почирикаем, все осоловели (кстати, *осоловеть* — почти синоним нерусского *закайфовать*) или что там мужики *бакланят*.

Владимир Даль в день смерти внес новые слова в свой «Толковый словарь живого великорусского». Сегодня, в 2013 году, время вносит в него еще один глагол из ряда «животных», а точнее, «грызунов»: *хомячить* — *похомячить*. Что значит — полакомиться от души, досыта, набить лакомство за щеки до такой степени, что станешь похож на хомяка или даже ласково — на хомячка.

Помимо этих отдельных групп наша глагольная система, состоящая из трех времен — прошедшего, настоящего и будущего (простого — *пойду* и сложного — *буду идти*) и двух видов — совершенного и несовершенного (*решать* — *решить*), дает гораздо больше широты и полноты для выражения и описания разных ситуаций и протек-

кания действий, чем громоздкая полувымершая система романских языков из четырнадцати времен, но без видов. Их глагольная система весьма церемонна и куртуазна, отражает особую психологию и кодекс человеческих взаимоотношений. Кодекс, а также комплекс, считающийся с комплексами... Это психология выглядывания в окно через слегка отодвинутую штору, между тем как видовая глагольная система — это прямой взгляд в открытое настёжь окно.

Наш вид позволяет каждый иностранный глагол, будь он испанским, французским, итальянским или английским, перевести двумя: прыгать — прыгнуть, писать — написать, возвращаться — вернуться и так далее до бесконечности. Ни в коем случае немногочисленность наших времен нельзя воспринимать как примитивизм: в старославянском языке были и аорист (сохраняется в греческом), и другие времена, существующие в романских поныне, но у нас они претерпели изменения, усовершенствовались и вышли из употребления, т. е. постепенно изжили себя. Ведь никто не станет зажигать плитку кремнем и кресалом, если рядом лежат спички.

А глаголами fare и mettere можно заменить львиную долю нашей лексики. Первый буквально переводится как «делать». Но чтобы сказать, допустим, *завтракать* — *позавтракать*, надо говорить *делать завтрак*. Второй глагол можно перевести как *обувать, надевать, намазывать, класть, вешать, ставить, положить* и прочая, в зависимости от нужды. Казахи тоже говорят русскому гостю: «Поставь пальто». Но они веками жили в юртах, где ни полку не повесишь, ни гвоздя или крючка не вобьешь, и этим все объясняется. А у европейцев всегда были в употреблении и вешалки, и шкафы. Чего же тогда не доставало? Фантазии?

Provare — это и *пробовать, и примерять, и пытаться, и репетировать*. Но мы же понимаем, пиджак не попробуешь. Подобная обстановка в английском и французском. Они не видят разницы между частицами -то, -нибудь, кое-: *кто-то позвонил, кое-кто позвонил и кто-нибудь позвонит* излагается при помощи одного *qualcuno*.

Одним словом в романских языках обозначаются *сознание и совесть, венец, венок и корона, человек и мужчина, держава и государство, хороший и добрый, шпион и разведчик, шуба и мех, пыль и порошок, время и погода, молчание и тишина, предательство и измена, знать (в смысле аристократия) и благородство, скорбь и жалость, просить и молиться, печаль и грусть, число и номер (также в английском: number), где и куда, туда и там, сюда и здесь, почему, потому что и зачем* и т. д.

Правда, случается и наоборот. Но гораздо реже. *Легкий*, например, переводится одним словом (*leggero*, по-французски *leger*), если речь идет о весе, и другим (*facile*, по-французски *facile*), если о поведении, нраве,

положении. *Хитрый* тоже имеет два перевода на итальянский: один для хитрого умного — *astuto*, другой для хитрого проходимца — *furbo*. Но это уже тонкости нам неведомой психики.

Краткое *sbandierare* — у нас становится *размахивать флагами*. Но это еще связано с исторической фигурой *sbandieratore* (у нас не существующей) — не просто знаменосца, а человека, еще и размахивающего флагами во время средневековых, существующих по сегодняшней день, конных соревнований по названию контрада.

А итальянское слово *nipote* найдет у нас четырех родственников: внука, внучку, племянника, племянницу.

Зато сливочное масло *burro* — четко отличается от растительного — *olio* (по-украински *олія*). А по-испански *burro* — осёл, и это тема анекдота. Когда итальянец в Испании приходит в магазин и просит сто грамм *burro*...

С «русским» тоже какая-то свистопляска. Потому что «русский» по-итальянски будет *russo*. *Io russo* — это «я храплю». Что стало объектом стереотипной шутки: «Ночью и я тоже *russo*, а днем ни-ни, ни в коем случае». «Москва» и «муха» тоже омонимы — *mosca*.

Наши 1) правда, 2) правые (взгляды, лидеры), а также 3) в значении наречия места *справа, направо*, а потом еще 4) право в смысле гражданское, юридическое, и 5) право (ты прав или не прав, не говоря уже об однокоренных *правильно, справедливо*) в итальянском языке не имеют ничего общего и обозначаются совершенно разными словами: 1 — *verita`*, 2, 3 — *destra*, а *destra*, 4 — *diritto*, 5 — *ragione, torto*. А это разница не просто в словах, но и в сознании, во взгляде на мир, события и факты.

Вот, кстати, само слово *мир*. Оно включает у нас понятия мироздания, не войны, общества и тем как бы выражает, что все они должны пребывать между собой в любви и согласии, и тогда будет настоящий мир во всех трех значениях, в других же языках для каждого из этих понятий есть отдельное слово, что можно трактовать как невозможность им между собой договориться, — *word, peace, society* (англ.), *monde, paix, societe* (фр.), *mondo, pace, societa* (ит.), *mundo, paz, sociedad* (исп.). Попробуйте с этой точки зрения перевести «Войну и мир» (только название, о содержании умолчим).

В наши задачи не входит проводить подобный сравнительный анализ русского и романских языков, мы хотим лишь привести несколько примеров, определяющих некоторые из направлений неэквивалентности вульгарной, т. е. простонародной латыни (а все романские языки еще иначе называются «вульгарной», а значит, «деградировавшей латынью») и русского языка. Примеры эти схематичны, а схемы могут применяться и в другом направлении; только не всегда можно будет вывести целые группы, как с глаголами света, но можно отметить разрозненные случаи (которые, впрочем, можно объединить в группу и классифицировать как разрозненные случаи).

Без ханжества писал о вульгарной латыни великий испанский философ дон Хосе Ортега-и-Гассет: «Индоевропейская сложность, которую сохраняла речь высших классов, была подавлена плебейским говором с его очень простым механизмом...», в результате чего образовался «язык без света и температуры, без ясности и душевного тепла, грустный язык, который движется на ощупь» и т. п. («Бунт масс», изд. «Ревиста де Оксиденте», Мадрид, 13-е издание, 1969, с. 28-29).

Неадекватность идиоматических выражений (например, *приказал долго жить*) и конкретно-образных определений (*занемевшая рука* — у них *заснувшая*) и названий (*анютины глазки*, *иван-да-марья*) может послужить темой для отдельной статьи. Зверобой, например, называется травой святого Джованни.

Наш «батьюшка» у них становится «маленьким отцом» — *petit pere*, а «матушку» или «юридического», к счастью, не переводят, так и оставляют. Вместо «уметь» они говорят «знать делать». А *сверхчеловека* как ни переводят на английский язык — только *супермен* и получается.

Среднего рода в романской группе, как и в английском, нет. Очень странная эта модель мироздания, привязанная только к женскому и мужскому началу, не допускающая чего-либо, стоящего если не выше этих начал, то хотя бы вне их: озеро, благодородство, отечество.

Набоков в книге «Николай Гоголь» на нескольких страницах сокрушается по поводу отсутствия в европейских языках слов *оскомины* и *пошлость*. Как же так, пошлости хоть отбавляй, и он ее обширно описывает, и список можно продолжать, — а слова нет?! Это что, способ не видеть, что король-то гол? В тщетных поисках найти эквивалент *пошлости* можно использовать громоздкий и очень нерусский заменитель — *вульгарный китч*. Для вульгарной латыни он понятен. Только *китч* — словечко современное. А пошлость была и будет вечно.

«Великий и могучий русский язык!» Эти известные слова И. С. Тургенева, прожившего большую часть жизни во Франции, выстраданы, проверены опытом и написаны, можно сказать, кровью. В один из своих приездов оттуда Иван Сергеевич обедал с друзьями в дорогом ресторане, где официант сыпал названиями изысканных иностранных блюд и специй. Вдруг ни с того ни с сего он стал выкрикивать: «Кобыла! Каша! Телега! Каша!» Потом объяснил удивленным друзьям, что невыносимо слушать этот поток иностранщины, хочется хоть немного проредить его русскими словами. И это самая здоровая реакция русского человека и на иностранщину, и на долгое житье за границей. А ведь там писатель общался не с конюхами — да не обидятся на меня представители этой замечательной, но не гуманитарной профессии — да лавочниками: его друзьями были П. Мериме, Ж. Санд, Флобер, Золя, Доде, Мопассан. Кто-то из них писал, что Тургенев говорил по-французски безукоризненно, только иногда делая маленькие паузы, подбирая точное слово, и точность

эта была поразительна и не каждому французу по плечу. Так что мы полностью можем доверять его словам о языке: «Нам нечего брать у тех, кто беднее нас». Это не просто патриотический пафос и вопль ностальгии. «Что ни говори, — писал он Боткину, — а мне все-таки моя Русь дороже всего на свете — особенно за границей я это чувствую!» Это научно. И так же научно надо объяснять тот факт, что Запад не понял ни одного нашего поэта, начиная с Пушкина. У итальянцев были попытки воссоздать гениальный роман в прозаическом пересказе, несмотря на уже существующие поэтические переводы Витторио Джудичи, Этторе Ло Гато, которых, однако, народ не знает. Почему «Божественная комедия» в переводе М. Лозинского может состязаться с оригиналом, а поэты даже такого ранга, как Ф. Тютчев, просто неизвестны на Западе? Дело не только в загадке русской души, а еще и в неэквивалентности языков. В том, что часто встречаются фразы и слова, которые невозможно перевести, и переводчик либо пропускает их, либо заменяет по своему усмотрению. Конечно, никто не претендует, чтобы рифмы одного языка совпадали с рифмами другого. Но ведь русский язык позволил перевести всего «Дон Жуана» устами Г. Шенгели без потерь и с оборотами, иногда более блестящими, чем у самого автора, а почему же иностранные языки не позволяют сделать того же самого с «Я вас любил...»? Да все из-за этой неэквивалентности языков. И все преимущества на стороне русского языка. Именно это имел в виду И. С. Тургенев, когда говорил, что «нам нечего брать у тех, кто беднее нас». И тот факт, что сейчас попирается «великий, могучий» и богатый и вводятся заморские, да к тому же уродливые в нашем звуковом строе слова, есть духовное варварство и начало иностранной интервенции.

Первичным условием создания великой литературы является великий язык. И коль «лицом к лицу лица не увидеть, большое видится на расстоянии», взглянем на большое издали глазами О. Шпенглера: «На Западе нет никого, кто мог бы хотя бы отдаленно сравниться с искусством автора «Анны Карениной»¹, глазами английского критика М. Мари: «В одной лишь русской литературе можно услышать трубный глас нового времени. Писатели прочих наций всего лишь играют у ног этих титанов Толстого и Достоевского», глазами немецкого литературоведа Ю. Мейера-Грефе: «Любая книга Достоевского имеет большую ценность, чем вся литература европейского романа. Но разве только любая книга? Нет, любая глава, любая страница», индийского писателя Прем Чанда: «Толстой поистине шахиншах всей литературы», и т. д. до бесконечности. Как богиня Афина Паллада родилась в полном боевом убранстве из черепа своего отца Зевса, так русская литература возникла из русского языка. И эта дочь языка является самым неоспоримым доказатель-

¹ В Швеции иногда девочкам давали имя Анна Каренина.

ством его мощи, величия, богатства. Афина — любимая дочь бога богов Зевса.

Наша знать позапрошлого века почитала французский за свой родной язык. К русскому относилась с пренебрежением, так как не знала его. Этим она отреклась от русского Слова. А в начале, как мы знаем, было Слово. Потом пришло остальное: терроризм, либерализм, революция, камера, террор, фашизм, лагерь и прочая проституция, педофилия, лесбиянство, гомосексуализм. Все слова, заметьте, нерусского происхождения. И все честно передают суть явления, достаточно знать их значения: революция, как мы знаем, — эволюция вспять.

Но не будем впадать в уныние.

Не первый раз в силу исторических обстоятельств русский язык претерпевает иностранное влияние. Русский язык надо воспринимать как океан, в который впадают десятки лексических рек и речушек: немецкая, французская, тюркская, японская, латинская, санскритская... Все они растворяются в едином океане, перевариваются в нем и в то же время его подпитывают. Эта же участь ждет и английское влияние — влияние острова на океан; острова, известно, исчезают в океане, а вот чтобы океан исчез в/на острове — пока неизвестно. В будущем, наверняка недалеко, мы будем вспоминать об этом влиянии как о факте из прошлого.

У англичан, кстати, не в почете знание других языков. Они считают, что все, от филиппинца-посудомойщика до ученого из России, должны говорить на их языке, и не только в том случае, если они приехали на заработки в Лондон, но даже тогда, когда англичанин оказался туристом в Москве или Маниле и спрашивает у местного жителя, как пройти.

Во Франции был принят закон, запрещающий употребление английских слов в официальных документах. Такой закон для официальной речи уже поставлен на повестку дня и в России. Владимир Даль тоже был против введения иноязычных слов в русскую речь. Это он называл «чужеречием», предлагая заменять иностранные термины русскими словообразованиями, например, гимнастику называть *ловкосилием*, диалектику — *умословием*, термометр — *тепломером*, атмосферу — *мироколицей*, пьедестал — *стоялом*. Этому принципу следовали также эмигранты первой волны, называвшие *кроссворд крестословицей*. Да и нам сегодня чего стоит говорить, скажем, на *принтер* — *печатник*, на *фейсбук* — *Книга лиц*? Но такое словообразование не прижилось не в силу несостоятельности языка (Даль как раз продемонстрировал обратное), а в силу тяги ко всему иностранному, тяги, идущей от искаженного знания или полного его отсутствия.

Чуток к этому вопросу был Александр Сергеевич. Свой взгляд на него, правда, с другой стороны, стороны коренной лексики, он изложил в примечаниях к «Евгению

Онегину»: «В журналах осуждали слова: *хлоп*, *молвь* и *тол* как неудачное нововведение. Слова сии коренные русские. “Вышел Бова из шатра прохладиться и услышал в чистом поле людскую молвь и конский топ” (“Сказка о Бове Королевиче”). *Хлоп* употребляется в просторечии вместо *хлопание*, как *шип* вместо *шипение*». И далее он делает заключение, действительное для всех аспектов: «Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка».

В свете этой ретроспективы к Далю и Пушкину можно даже поиграть в занятную игру, своего рода обратнословицу (или тут же переименуют в бэкворд?). Заключается она в переводе того, что мы говорим, на русский язык. И речь идет не о таких давно прижившихся, обрусевших словах, как *жюри* или *эпоха*, *сезон*, два последних представляют собой одно и то же в разных языках — в греческом и французском. Даже, например, театральные *сезон* уже иначе и не скажешь по-русски; театральная *пора* уже было бы и непонятно. Как было бы затруднительно сказать по-иному *майонез*, *маникюр* (дословно — уход за руками) или *империя*. А вот новорожденные слова вроде *резюме*, *фейсбук*, *риелтор*, *конфессия*, *суицид*, *принтер*, *инсинуация*¹, что есть по-служной список, *книга лиц*, *посредник по продаже*, *вероисповедание*, *самоубийство*, *печатник*, *измышление* или совсем нововыведенные *сибас*, *обсценный* или *звент* — *морской окунь*, *непристойный*, *охульный* или *событие*. Переведем то, что мы говорим, на русский язык, и это будет совсем другой язык. Будет речь. Переведем на русский язык учебники русского языка, которые в процессе глобальной эсперантизации всех языков ускоряют ее процесс и подготавливают любой язык к безропотному слиянию с мировым эсперанто, очередным птеродактилем будущего, которого всеми силами хотят вывести из роковых яиц дракона. Ведь если этого не сделать, не предаться обратнословице, то в недалеком будущем иностранцам не надо будет учить русский язык: сначала в нем заменят словарный состав, а затем уберут падежи, как это произошло с языком болгарским во времена владычества Османской империи. Впрочем, никому народу не надо будет учить иностранные языки: их умертвят, а на их место возведут одно англообразное эсперанто. Но для того, чтобы понять, что такое эсперантизация, достаточно перевести суть этого термина на русский язык в контексте языкознания: *выхолащивание*. Эсперантизация — это есть *выхолащивание* всех корен-

¹ В этот ряд можно было бы вставить слово *ремейк* — переделывание (тогда что. Переделкино превращается в Ремейкино?) или *рейтинг* — переписывание литературного текста; есть легенда, что У. Эко стал знаменитым (а он им стал сначала в США) именно благодаря этому рейтингу, который сделал американский переводчик «Имени розы» на английский, убрав отсюда все лишнее. Мы же с вами свидетели кинематографического рейтинга «12 стульев» — фильм увлекательный, а роман грузный, неудобочитаемый.

ных языков от их истории, климата, народного творчества (перевод слова *фольклор*), особенностей национальной психологии (душеведения), классического наследия (оно особенно мешает), а также размножение наукообразия, мнимоучености, что все вместе будет и в дальнейшем способствовать выращиванию иванов, не помнящих родства. Ведь уже на сегодняшний день мы не знаем, как звали наших прадедов и прабабок, наших иван-да-марьев, тысячу лет назад. Всех нас зовут иностранными именами, меня, например, греческим. И Пушкина тоже звали греческим. Даля — русским. Да еще имена, закачивающиеся на «слав», — русские.

Однако в английском языке Slav означает *славяне*, slave — *раб*, *рабски* *работать*. Два слова одного корня, одного происхождения, почти одинакового написания, с небольшой разницей в произношении. Славяне в англоязычном подсознании — это рабы. Для русскоязычного подсознания славяне связываются со славой, в том числе прославлением Бога (слава Отцу и Сыну и Святому Духу). Две точки зрения на одно и то же слово, совершенно противоположные и враждебные друг другу. По логике этих однокоренных слов, не только славяне являются рабами и таковыми должны оставаться (язык ведь не меняется), но и слава наша предназначена им для рабского услужения, услаждения. Соответственно и согласно значению слов, враждебны и несовместимы позиции народов — носителей этих языков. После перестройки в Англии запрещалось принимать русских на работу на русские фирмы, открытие которых помогало решить проблему английской безработицы.

Переходя с русского языка на иностранный, вы не переходите с цветного озвученного изображения на черно-белое и немое, а просто выкладываете из вашей палитры, вынимаете из вашего песенника ряд красок и нот и начинаете рисовать и петь, наступая на горло собственной песне. Но это опыт вашей души. В опыте же общественных отношений, общения с окружающим миром, попав за границу, вы начинаете говорить на языке приблизительных понятий, несуществующих слов, концепций, правил, внутреннего неписаного устава иерархии и традиций. Это очень опасно. Вас не так поймут. И вы за это дорого заплатите.

Бог говорит по-русски. Бог говорит по-русски с русскими. Речь идет не только о словарном знании слов и выражений, но и о смысле, который в них вкладывается. А слово, а тем более понятие, возникшее в сознании чужого народа, под влиянием чужой географии, природы и вытекающего из них темперамента, — отнюдь не то, которое у нас, и не то, которое вы думаете. Наш салат оливье в Италии называется русским, а в Польше итальянским. И получится, что вы имели в виду одно, а ваш собеседник понял другое. С этого начинается конфликт. Ваше счастье, если вы от этого собеседника не зависите,

но если он ваш, скажем, работодатель (на деле — работодатель), то вы оказываетесь в проигрышном положении. Потому что прав тот, кто сильнее. А сейчас сильнее тот, кто богаче.

Язык — это геополитический элемент. Он отражает и явления природы. Западная Европа не знает сугроба, поземки, вьюги, метелицы. Прорубь в силу того, что климатические условия в Европе курортно-щадящие, переводят как дыра во льду, а снежки — как снежные шары; европейская цивилизация вообще оранжерейная, пусть у них бывает mareggiata — морское волнение, maremma — заболоченный морской берег и maremoto, по аналогии с землетрясением моретрясение, то есть подводное землетрясение, costeggiare, coast (англ.) — *плыть вдоль берега*, а также политические термины и бытовые понятия. Слова *тройка*, *самовар*, *тулуп*, *большевик*, *гласность*, *погром*, *перестройка* как непереводимые употребляются по-русски; из них составлен словарь. Ну а такое удовольствие, как *коммунизм*¹, которого у себя почему-то устраивать не стали, пришло к нам из латыни. Как, впрочем, *комиссар* и *фашизм*.

Да и многие «плохие» слова русского языка родились за границей: бандит, каналья, дегенерат (по-русски — выродок), паразит, аферист, дебил (т. е. слабый, у нас — умом) и новоявленное слово *мафиози* — с итальянского, а далее кретин (по-французски *христианин*), идиот (по-гречески *мирянин*, *несведущее*, *частное лицо*)², хулиган, а перелистывая страницу эпохи, встречаем *киллер*, *путана*, *рэкет* и т. п.

Любопытно и показательно, что Красная площадь на все языки переведена с политической точки зрения, а не с этимологической. Красная площадь, что девица красна — красива; ее и переводить надо. Красивая площадь — Beautiful, Bella, Sch ne, Belle, а не Red, Rossa, Rote, Rouge — Красная.

Через неадекватность языков иностранцам поступает искаженный образ Руси и русского народа. С одной стороны, этот образ загадочный и непостижимый, с другой — заниженный и неполноценный. А сейчас приниженный до дешевой рабочей силы. В том числе дискредитированных интеллектуальных кадров, но это отдельная тема, началась она еще во времена И. Л. Солоневича, о чем и писал он в «Народной монархии» (первоначальное название «Белая империя»).

В их языке отсутствует ряд слов и понятий, неотъемлемых от нас. Мыслим ли русский человек без похмелья? Этого слова нет в других языках, хотя пьяниц полно,

¹ Comune — в итальянском это общее; comunisti (коммунистами) сегодня, например, называют жителей одной многоэтажки: они совладельцы общей собственности.

² Любопытно, что в этимологической основе *кретин* — *христианин* и *идиот* — *мирянин* частично являются антонимами. А для нас у кретина, как и у идиота, проблемы одного порядка.

правда, на обочинах не валяются. Нет и слов *подвиг* и *закономерность*. Обходятся *героическим поступком* и *логикой*.

Русский человек — синоним совести. Чистой или черной — это другой вопрос, но русский и совесть — понятия неразделимые. В иностранных языках самого по себе слова *совесть* нет. Как же можно толковать о каком-то понимании русских, если нет одного из основных понятий о нас? Или как можно русских подвергать психоанализу, предположим, по Фрейдю?! Это надевание на медвежью лапу Золушкиного башмачка. Сравнение изящное, на грани сказки (иностранной), в действительности же все выглядит уродливее и противнее; а главное, больно! Причем не башмачку, ему ни холодно ни жарко, а медведю! Но все начинается с языка и языком кончается. Язык — свидетель.

Сколько бы языков вы ни знали, сами с собой, да еще в трудную минуту, вы будете говорить на своем. И «Отче наш» будете читать по-русски. А если попадете в русскую церковь в Лондоне и услышите богослужение по-английски, вам станет неуютно.

Продолжается очередное нашествие на русский язык, в котором — увы! — принимают участие наши «писатели», и даже не считается за грех не задумываясь вернуть что-нибудь «несуггестивное». Что же, стало модно продевать кольцо в нос, в ухо, в бровь, на язык и даже в пуп. А эти все «несуггестивные» и есть те самые колечки в пуп, в бровь своим писаниям, а особенно в глаз и на язык. Первой ласточкой этого поветрия был Набоков, когда он написал *парковать* вместо *ставить на стоянку*. Но Набокова можно понять, он воспитывался английскими боннами, с девятнадцати лет скитался по чужбинам, и считается там американским классиком русского происхождения. Но и он говорил, что для выражения головных измышлений ему проще пользоваться английским языком, а вот для объяснения чувств и душевных движений гораздо больше подходит русский.

Для нас во всех случаях подходит только русский. Наш слух оскорбляют непристойные совпадения в звучании, например (прошу прощения) *perdere* — терять, *perdonare* — прощать, *curva* [курва] — поворот, *tripperia* [трипперия] — лавка по продаже требухи, *cireur* [сирер] — чистильщик обуви (фр.) и т. д.

Такие казусы слышны иностранному уху и по отношению к русскому языку. Что думали о нашем государственном деятеле (ныне покойном) с литературными корнями в Греции, если на родственном нам греческом языке [гайдарос] означает *осёл*?

Присоединяю голос к хору сожалеющих о том, что в России отменили обязательное преподавание греческого. Сколько интересного и удивительного мы узнали бы о своем родном языке, особенно о его церковном пласте лексики. Например, *форма* — это, оказывается, *схима*, *апостол* — *экспедиция*, *апокалипсис* никакой не *конец света*, а *откровение*; все названия месяцев почти такие же, как наши; зачастую аналогична церковная лексика: *христиане*, *монастырь* из языка в язык не меняются.

Странное влияние оказывают на человека алфавит, шрифты, которые вокруг нас. Живя в своей стране, мы не обращаем внимания, что вокруг нас живут буквы-слова-надписи — на вывесках, на обложках книг, в заголовках газет, читаемых соседом в транспорте, на ценниках, троллейбусных билетах, пачках сигарет, коробках спичек, на высоковольтной линии: «Осторожно, опасно для жизни!» Живут они себе и живут, и вас не раздражает их существование. Но за границей вы вдруг ловите себя на том, что буквы-слова-надписи начинают поражать ваше боковое зрение чем-то непривычным, неудобоваримым, что даже они — чужая (и враждебная) территория, откуда против вас совершается диверсия; вы заостряете на них внимание, напрягаетесь не только мозговыми полушариями, но и мускулами всего тела. А расслабитесь только когда попадете домой.

Очень полезно в жизни уметь пришивать пуговицы, разбираться в моторе, заколачивать гвозди, чинить утюги, говорить на иностранном языке. Но если с утра до ночи вам приходится чинить утюги, разные марки утюгов, утюги разных эпох, утюги, утюжки, утюжища... То же самое и с любым из вышеназванных занятий. Говорить на иностранном языке бывает увлекательно только на первых порах и желательно при условии, что выпроводишь иностранных гостей, придешь домой, снимешь костюм, станешь под душ и крикнешь: «Мать, поставь чайник!» То есть починил утюг и спать лег, а если и всю ночь чинишь утюги, утюжки, утюжища... Если это длится более суток, то становится пыткой. Кстати, слова *сутки*, как и многих других, у них тоже нет.

Олег ЛЕБЕДЕВ

Продолжение. Начало в № 1 за 2014 г.

Рисунок Эдуарда Дудина

СТАРИННОЕ ЗЕРКАЛО В ТУМАННОМ ГОРОДЕ

РОМАН

Когда Иоганн Рихтер возвращался домой, мысли о том, что у него с Мариной нет общего будущего, отошли на второй план.

Он был счастлив, ведь они только что виделись. Прекрасна эта звездная ночь с большой круглой луной!

Айна ждала его дома в маленькой комнатке музея. Встретила, посмотрела в глаза.

— Ты уже несколько дней не был в библиотеке, — сказала.

Права. Ему не хотелось туда идти. Все равно не смог бы читать.

— Не складывалось, — кратко сказал Иоганн Рихтер.

Он не хотел никаких разговоров. Продолжал жить встречей с Мариной.

Подождал к окну. Снова смотрел на звезды сегодняшней ночи. Вспоминал свидание. Снова переживал каждое его мгновение. Вновь чувствовал то, что чувствовал тогда, когда был с Мариной.

— Ты меняешься в последнее время. Почему? — тихо спросила Айна.

Иоганн Рихтер сделал вид, что не услышал ее слова.

Она не стала повторять свой вопрос.

Годами в акварелях Андриса мало что менялось. В основном художник писал пейзажи, силуэты старого города. Почти все его картины были в неярких тонах.

Люди говорят, что чувствуют спокойствие, умиротворение, когда смотрят на них. Он это понимает — сумел передать что-то свое!

Всегда отдыхал душой, когда работал. Отдыхал и... грустил. В Андрисе много этого чувства. Но грусть его редко кто видел. Она в почти неуловимых оттенках, тенях картин.

Прежде Андрис не поднимался выше определенного уровня. Будто застыл в своих чувствах, своей грусти, своим мастерстве.

Сейчас в нем будто что-то взорвалось. Художник работает с большим напряжением: ночами стоит у мольберта. Потом, днем, болят виски, но он все равно продолжает работать. Устает, мало спит, но внутри будто что-то горит.

Незнакомка, которую встретил... Благодаря ей получается все, что он хочет вложить в полотно.

Картины Андриса стали другими. Это говорят люди, которые видят их. Что-то такое появилось в акварелях, что хоть ненадолго, но заставляет забыть обо всем.

В полотнах — больше энергии, силы, у них более нервные линии. Изменилась гамма цветов. В ней — трепет, волнение. И сюжет новый. Раньше на картинах Андриса не было людей. Теперь появилась она. Ее силуэт. Силуэт миниатюрной женщины в дожде. Женщины, идущей по городу босиком.

Его картины пронизывают нежность к ней, тяга к ней, хотя видел ее всего раз, и то издалека.

Нежность и... грусть в новых полотнах. Грусть Андри-са стала другой. Его оставило грустное спокойствие, а само чувство стало сильнее, чем прежде. Потому что он знает — ничего не получится, даже если снова увидит ее. Из-за его болезни.

Вроде за много лет привык жить со своим страхом. Притерпелся. А сейчас снова очень тоскливо. Но все равно вечерами, перед тем как идти домой, художник долго бродит по старому городу. Зайдет ненадолго в костел Екаба, а затем... Затем ищет ее. Вдруг снова встретит?

Он болен, путь к обычному счастью заказан. Но все равно... Увидеть бы ее, еще раз увидеть. Он художник. Для него это важно, для него это жизнь. Как глоток воздуха. Мгновение настоящей жизни. Он его потом много раз напишет в своих акварелях.

Но ее нет. Только дождь и туман. Такие почти все вечера этого лета. В этом тумане на Андри-са иногда нака-тывает злость на свою участь. Злость вспыхивает в нем, охватывает, будто пламя. Тогда он сутками не подходит к мольберту. Внутри все кипит. Художник мрачный, хму-рый, курит сигарету за сигаретой. С родителями едва словом обмолвится. Думает о своем проклятии. О своей болезни. Почему, почему он не такой, как все? Чем про-винился перед Господом Богом?!

Но потом... Потом он снова вспоминает ее. Снова хочет запечатлеть ее силуэт. Злость оставляет Андри-са, и он днем и ночью со страстью прописывает каждую чер-точку этой маленькой женщины.

В творчестве художник забывает о плохом. В творче-стве он уже с ней. Дает ей свое чувство, свою нежность. Они очень грустные...

Марина чувствует, что настрой ее меняется. Она, прав-да, нередко грустит, но уже не сторонится людей, как в первое время в Риге. Ей нравится видеть этот город и лю-дей в нем. Семейства с детьми уже не вызывают острого чувства горечи.

Она стала больше общаться по телефону с родителя-ми. Отменила мораторий, который наложила на встречи с дядей Петей и своим кузеном.

Те рады стараться. Свезили родственницу в старин-ный замок на севере Латвии, затем втроем отправились на целый день к морю — в Юрмалу.

— Тебе, Марина, надо обязательно посмотреть Тал-лин, — сказал дядя Петя.

У него наполеоновские планы. В Копенгаген, в Ам-стердам, даже в далекий Нью-Йорк повезет племянницу, так хочет развлечь ее. Этого жизнерадостного полно-го человека просто переполняют энергия, родственные чувства.

Не меньше их в его сыне. Алексей менее темпера-ментен, но тоже очень много думает о Марине. Он серь-

езно относится к идее отца свозить кузину за границу. Готов составить график зарубежных поездок.

— Тебе надо отвлечься, сестра, — каждый раз повто-ряет при встречах.

Сурово смотрит на нее. Дескать, это как лекарство, отказываться нельзя.

Но Марина пока не собирается уезжать из Риги. Она еще как следует не узнала ее, не рассмотрела, хотя с каждым днем понимает все больше. Но ведь каждый следующий день не похож на прошлый, и город всегда другой. Когда солнце ласковое — и город приветлив, а когда небо хмурится — он становится суровым. А в тумане — он по-прежнему часто приходит — Рига снова меня-ется. Становится таинственной и загадочной.

В туманные дни Марину порой посещают воспомина-ния, которые хочется прогнать от себя. Она вспоминает, как стояла возле водонапорных башен... Спросила о них у дяди. Он почти все знает о Риге, любит ее легенды, пре-дания.

— Говорят, в этих башнях на улице Матиса водятся страшные привидения. — Петр Альбертович подмигнул племяннице. — Не ходи туда. Кстати, откуда тебе стало известно о них?

— Смотрела какую-то передачу по телевизору, не по-мню, как называется, — сказала Марина.

Сама спрятала глаза под длинную челку. Отец всегда ей говорил: «Врать не умеешь, Маринка, тебя выдают глаза».

Благодаря ее маленькой хитрости дядя лжи не почув-ствовал. Он зацепился за тему, начал увлеченно расска-зывать племяннице о рижских привидениях.

Марина узнала о духе солдата, который живет в бази-лике святого Петра, о девушке Марте, которую когда-то замуровали в стену Шведских ворот за то, что много гу-ляла с мужчинами. Люди часто слышат ночами ее крики. Рассказал дядя Петя и о призраке женщины, который обитает в обветшавшем большом доме на улице Мария-с. Ее убил муж-ревнивец.

Петр Альбертович больше всего говорил именно об этом призраке, делая при этом акцент на рассказе о доме с большой башней, в котором тот появляется. Алексей потом рассказал Марине, в чем дело.

Оказывается, дядя Петя очень хочет купить этот дом. Поэтому все знает о здании. Уже несколько лет он ве-дет переговоры о покупке. Пока они неудачны. Желание приобрести дом прочно засело в голове у дяди. Стало, можно сказать, его хрустальной мечтой.

Марина, конечно, желает своему дяде удачи, но ей было совсем неинтересно слушать рассказ Алексея о не-состоявшейся сделке.

Ей было жаль, что дядя ничего не знает об Иоганне Рихтере. Она очень ждала, что дядя Петя что-нибудь рас-скажет о ее призраке. Марине хочется больше узнать о нем.

Она помнит каждое мгновение их встреч. Она ждет новой встречи.

Марина думала об Иоганне Рихтере и в тот день, когда впервые увидела Андриса. Это произошло возле кирхи святого Петра.

Андрис издали заметил Марину. Но сразу подойти не смог. Не из-за того, что она шла с двумя мужчинами — дядей Петей и Алексеем.

Высокий тощий англичанин как раз расплачивался за картину. Не спускал глаз с художника, ждал сдачу. Пока Андрис отдавал ему деньги, Марина куда-то ушла. А он обязательно подошел бы к ней. Нашел бы, с чего начать разговор. Сделал бы это несмотря на болезнь, на это свое большое но. Пусть ничего дальше не будет. Но он должен посмотреть в ее глаза, хоть раз услышать ее голос. Он ругает себя за то, что во время дождя остался стоять за стеклом витрины модного магазина.

Рассчитавшись с англичанином, Андрис чуть не бегом рванул в тот переулок, в который, как ему показалось, свернула Марина. Но там ее не было. Художник был очень расстроен, когда вернулся к своим картинам. Одно хорошо — второй раз увидел ее. Значит, она живет в этом городе, не приехала сюда на несколько дней. Значит, есть шанс снова встретить ее. Об этом Андрис каждый день просит Деву Марию в костеле святого Екаба...

А Марина на этот раз заметила его. «Интересный, взгляд одухотворенный, но и очень грустный», — подумала. Ей было приятно, как Андрис смотрит на нее. Она ему нравится! Почти каждая женщина слегка балдеет от этого... Но импульса к нему не возникло. Ведь она думает о призраке. Он в душе у Марины. Но Андриса молодая женщина тоже запомнила. «Надо как-нибудь прийти, посмотреть на его картины», — решила. Интересно, что пишет этот художник, что у него на душе.

В Иоганне Рихтере день ото дня растет желание новой встречи с Мариной. Еще одной встречи... Нет, встреч, многих встреч! Вот о чем он не перестает мечтать. Да, говорил себе, что они больше не будут видеться, но не может остановить, не в силах сдержать себя. Отказывается слышать голос разума. Голос этот всегда был силен в нем. Всегда оказывался сильнее чувств. На этот раз иначе, но разум настойчив, твердит свое: «Не нужно видеться с ней, не нужно. Марине плохо сделаешь, видел же, как она смотрит на тебя».

Прав ты, разум. Тысячу раз прав. Все Иоганн Рихтер видел, он помнит каждый миг, когда Марина глядела на него. Но снова безумно хочет смотреть в ее глаза, видеть себя в них. «Нет, надо принять доводы рассудка, смириться», — говорит он себе. Решение дается с трудом — он не будет искать новой встречи. И перестанет наблюдать за Мариной.

Все обрубит. Одно лишь позволит себе. Заглянет в квартиру Марины, пройдет по комнатам, в которых

живет эта женщина, посмотрит на ее вещи. Иоганн Рихтер сделает только это, и ничего более. Так он еще раз оказался в квартире с большим окном, которое смотрит на громаду костела Екаба. Вот она, комната, где разговаривал с ней, где спас ей жизнь...

Призрак долго стоял у окна, глядел на зеленый шпиль храма. Сначала вспоминал первую встречу с Мариной, потом почему-то свои последние дни. Затем стал думать о своей жизни, не этой призрачной, а другой — настоящей, очень далекой.

Если бы тогда встретил Марину, как бы у них все было? Тянуло бы друг к другу, как сейчас тянет? Да — призрак в этом уверен. Что ж, Марина родилась слишком поздно. Он бессилен что-либо изменить. Надо смириться... Смириться. Легко сказать. Как же ему сейчас горько...

Хоть бы ненадолго, хоть на один день перестать быть призраком! Он насладится этим днем, а потом навсегда оставит Марину. Опять мечты... «Эгоистичные мечты», — признается себе Иоганн Рихтер.

Подумал, прежде всего, о себе, а не о ней. А что она, Марина, будет делать после этого дня?

Иоганн Рихтер прошел в ее спальню. В глаза ему бросились два предмета. На кровати лежит рубашка Марины. Та самая рубашка в клеточку, которую она поспешила надеть, когда он появился в зеркале. Снова воспоминания, они снова рождают мечты о несбыточном...

А напротив кровати, на небольшом низком комодике — икона. Одна-единственная в спальне. Кажется, Марина так поставила ее, чтобы обязательно видеть из постели. Наверное, очень чтит этого святого.

Врач знает его. Николай Угодник. Он добрый, но и строгий. Сейчас его суровый взгляд устремлен на врача.

Если бы Иоганн Рихтер верил в Бога, в святых, то подумал бы, что святой Николай осуждает его за то, что он, призрак, думает о живой женщине. Но врач не верит ни в Бога, ни в святых. А осуждение... Он сам себя осуждает. В спальне это чувство становится особенно сильным.

«Надо уйти, забыть дорогу сюда», — думает Иоганн Рихтер. Знает, что если не сделает это, то не сможет совладать с желанием видеть Марину. Он покинул бы квартиру, ушел бы в свой призрачный мир, если бы... Если бы Марина не вошла в квартиру.

Он безумно счастлив видеть ее. Задержится в квартире. Ненадолго, всего на несколько минут.

Это не будет иметь никаких последствий. Она не заметит Иоганна Рихтера. Сейчас день, люди не могут увидеть призрака. А он в последний, самый последний раз поглядит на нее...

Марина сбросила в прихожей шлепки, босиком вошла в спальню. Видно, хотела переодеться, потому что направилась к шкафу. Но остановилась, немного не дойдя до него, посмотрела по сторонам. Вся замерла.

— Ты здесь, Иоганн Рихтер? — тихо спросила.

В этом вопросе — утверждение. Она почувствовала его...

Такое произошло впервые в призрачной жизни врача. Никогда люди не замечали его присутствия, когда он был невидим. Марина тоже, когда наблюдал за ней. А сейчас что-то изменилось. В ней и, наверное, в нем тоже. Что-то уже связало их...

Иоганн Рихтер ошеломлен, хочет ответить ей. Но знает — ничего не получится. Невозможно. День на дворе — Марина просто не услышит его.

Врач забыл обо всем на свете, кроме нее, очень близко подошел к ней. Пальцами провел по ее губам.

Не чувствует ее тела, но все равно это для него — прикосновение к ней. Это бесконечное счастье. Оно нужно ему. Как воздух, как жизнь.

— Я знаю, ты здесь, Иоганн Рихтер, — шепчет Марина, — приходи ко мне. Так, чтобы я могла видеть тебя. Я тебя жду. Очень жду.

Марина ждет его... Он придет, сегодня же вечером придет к ней!

Иоганн Рихтер не может поступить по-другому. Они нужны друг другу. Они будут встречаться. Он не будет думать о том, что она живая, а он — лишь душа, задержавшаяся в этом мире.

9

Марина не удивилась, когда увидела Иоганна Рихтера. Ждала его. Знала — днем призрак услышал ее слова. Молодая женщина чувствовала: он был очень близко, когда она вернулась в квартиру.

Марина надела для него свое лучшее платье. Длинное, с открытыми плечами. У нее красивые руки, они полностью обнажены в этом платье.

— Сегодня я тебя чувствовала, ощущала, — сказала Марина, когда призрак пришел к ней из зеркала.

— Знаю, я тоже чувствовал тебя.

Иоганн Рихтер не признался, что днем был в ее доме, но и не стал лгать. Просто не открыл ей всей правды.

Они снова пошли в город. Затем были в ночном баре. Он сделал так, чтобы люди — их здесь было совсем немного — могли видеть его. Иначе как бы со стороны выглядела Марина? Все думали бы, что она разговаривает сама с собой.

Сначала они сидели за столиком. Марина выпила немного вина. Потом она танцевала. Одна. Его ведь нельзя обнять. Но все равно — каждое движение Марины предназначалось только для него. А он ласкал ее взглядом. Она чувствовала сильное возбуждение, вкладывала все свои эмоции в этот танец. Жила в эти минуты танцем и мужчиной, который глядел на нее.

Потом лишь заметила, что все в баре, даже женщины, смотрят на нее.

— Вы удивительно хороши, — сказал ей кто-то.

Она тогда шла к своему столику, к Иоганну Рихтеру. Врач думал — никто не глядит на нее, все в их паре видят одну Марину. Вполне естественно, необычная, красивая женщина с обыкновенным мужчиной.

Но он ошибся.

Айна! За ними наблюдала страстно любящая его, очень чуткая Айна. Она больше смотрела на Иоганна Рихтера, чем на Марину.

В последнее время он вел себя не так, как всегда. На нее почти не глядел. Айне было не по себе, она уже несколько дней следила за врачом. Сегодня ей все стало понятно.

— Зачем она нужна тебе? — спросила Айна, когда они ночью были в библиотеке.

Все как обычно. Иоганн Рихтер с книгой в руках, Айна рядом. Все так, как было столетиями. Но есть и новое — ее гневный взгляд. Никогда она не смотрела так на врача.

Иоганн Рихтер был удивлен этим вопросом. Откуда Айне все стало известно? Впрочем, это неважно. Он постарается меньше врать, ведь они очень долго вместе. И обязательно объяснит главное.

Марина и Айна... Одна — живет, другая, как и он, — призрак. Как Марина может мешать Айне? Но ведь ревнует, темно-желтые глаза полны этим чувством.

Надо успокоить Айну.

— Марине я просто помог, как помогал многим, ты же знаешь.

— Может, сначала и помогал, но в баре уже было другое!

Значит, она их там видела.

— Да, Марина интересна мне, — признается он, — но от этого ничего не изменится. Я призрак, она — нет. А ты была и будешь со мной.

— Ты — безумец, раз встречаешься с ней. Но в любом случае я люблю тебя, не хочу, не буду, никогда не буду делить с другой! — чуть ли не кричит на него Айна.

Впервые в жизни она так разговаривает с Иоганном Рихтером. Глядит на него с яростью. Видно, как это чувство растет в ней.

Она уже не сидит. Вскочила. Смотрит на него сверху вниз:

— Прекрати встречаться с ней!

— Наши встречи ничего не изменят. Ты была и будешь со мной, — повторяет Иоганн Рихтер.

Он ни за что не перестанет видеть Марину!

— Раз так, сиди в библиотеке один, безумец. — Айна стремительно пошла к выходу из читального зала.

Высокая, очаровательная в своем гневе. Он такой сейчас увидел Айну. Но все равно — она одно, а Марина... Марина — другое. К ней врач чувствует то, чего никогда не испытывал к Айне.

А девушка-призрак распахнула высокую дверь, обернулась, с гневом посмотрела на него. На мгновение за-

стыла. Стройный силуэт в белой одежде в пятне темного проема коридора. Кажется, она хотела сказать врачу что-то еще, но не стала. Просто ушла. Он остался один в огромном библиотечном зале.

«Безумцем назвала, хорошо хоть, не старым дураком», — улыбнулся Иоганн Рихтер. Самоирония, которой его не обделила природа, всегда помогала при стрессах. Он шутил даже с теми, кто когда-то замуровывал его в камень. Пошутил и сейчас. На этот раз над собой.

Так легче сгладить то, что внутри. Он понимает, Айна права. Сущее безумие — продолжать встречаться с Мариной. Но врач не собирается прекращать это безумие. А свою вечную спутницу он жалеет. Знает, что нанес ей удар.

«Ничего, успокоится», — надеется он. Придет в себя, вернется, они спокойно поговорят. Он убедит Айну, что никуда не денется от нее, что любит ее по-прежнему. Можно было бы, конечно, ускорить этот процесс, найти Айну, применить к ней гипноз, но Иоганн Рихтер не собирается так поступать с ней. Он ценит Айну, уважает ее. Он ждет ее возвращения.

Но девушка не появляется. Ни в их комнатке в Латвийском художественном музее, ни в библиотеке. Ни на следующий день, ни потом. Она продолжает следить за Иоганном Рихтером. Видит его встречи с Мариной. Гнев ее растет. «Либо я, либо она», — укрепляется она в этом решении.

Иоганн Рихтер один дома, один в библиотеке. Айны рядом с ним нет. Оттого становится тоскливо. Но ожидание мига, когда он снова увидит Марину, сильнее. Оно затмевает грусть.

Марина хотела сходить к Petrikirche, чтобы посмотреть картины высокого светловолосого художника, который так глядел на нее, но не собралась это сделать. Она была поглощена Иоганном Рихтером, чуть ли не каждую ночь виделась с ним. Из-за этого стала мало спать. Но сам сон сейчас у нее другой, не как прежде, когда жила своим горем. Бессонница оставила Марину, она спит глубоко, без сновидений.

Лишь один раз к ней пришел необычный сон. В этом сне она оказалась среди зеркал. Идеально чистых, огромных. Марина видит в них множество своих двойниц. И ей не по себе: узкое длинное пространство между зеркалами, в котором она находится, становится все меньше и меньше. Она не знает, так ли это или лишь кажется, но все равно страшно. Надо как можно скорее отсюда уйти!

Сначала Марина быстро идет, потом бежит по коридору между зеркалами. Нет, это не иллюзия: стеклянные плоскости медленно, но неотвратимо приближаются к ней. Выхода из коридора не видно.

Марину охватывает ужас. Зеркала скоро поглотят ее, заберут в себя. Она старается бежать как можно быстрее, ей уже не хватает воздуха. Но вдруг она ви-

дит мужчину. Он очень далеко. Марина мчится к нему. Иоганн Рихтер! Да, это он! Сидит на старинном стуле с высокой спинкой. Ссутулился, грустный. Не видит ее, смотрит куда-то перед собой. У него на коленях лежит открытая книга.

Марина окликает его. Она знает — призрак обязательно защитит ее от зеркал. Но тут... появляется еще одно зеркало. Оно встает между ними. Марина видит в нем свою двойницу. Испуганную, растрепанную. Противно на себя такую смотреть! Но она ничего не может поделать с собой. Стекло пространство, в котором заключена Марина, становится все меньше. Скоро она сольется со своими двойницами, спрятанными в зеркалах. Навсегда станет такой же плоской и призрачной, как они. Приходит ощущение того, что все кончено. Сейчас зеркала заберут Марину в себя. Но вдруг она слышит голос Иоганна Рихтера. Он услышал Марину, зовет ее!

От этого что-то сразу меняется в ней. Она понимает, что не пропадет в зеркалах. Надо только найти силы противостоять им. И она чувствует в себе эти силы. Страх уходит, Марина стремительно идет прямо на зеркало, которое разделяет ее и Иоганна Рихтера.

Она видит в нем себя изменившейся. Красивой, решительной. А само зеркало становится туманным. Будто тает. Марина еще не успела подойти к нему вплотную, когда оно исчезло. Другие зеркала тоже сгнули.

Марина снова видит Иоганна Рихтера. В его взгляде — сила, он идет к ней. Марина понимает — врач понял, что она в беде, пришел на помощь, его зов помог ей собраться. Зеркала испугались их, отступили. Призрак снова спас ее. А врач останавливается. Смотрит на Марину, не сводит с нее глаз. Она медленно, очень медленно идет к нему. Не потому, что не хочет быстрее. Нет, ей доставляют наслаждение эти мгновения. Мгновения приближения к нему.

Она возбуждена, чувствует, как напряглись соски груди... Забывает во сне, что перед ней призрак. Сейчас они наконец будут вместе. Она хочет его, как никогда никого не хотела.

Но... перед ней уже другой человек. Он чем-то похож на Иоганна Рихтера. Он не знаком Марине, хотя нет... Где-то она видела его. Недавно. Здесь, в Риге. К нему тянет, тянет сильно. По-другому, чем к призраку, но тянет. Он стоит возле мольберта, держит кисть. Смотрит на Марину с желанием, страстью, нежностью... Но в его глазах есть и страх, сильный страх. Неожиданный, непонятный. Марина чувствует одно — ему плохо из-за этого страха. Его жаль. Она очень хочет помочь ему... До него всего несколько шагов...

...Марина просыпается.

Она тут же вспоминает мужчину, которого видела во сне. Это художник с маленькой площади возле кирхи святого Петра!

Да, подумала Марина, Иоганн Рихтер и незнакомый ей художник действительно немного похожи. Есть что-то общее в чертах лица. Какое-то трудноуловимое сходство. Когда увидела художника, не заметила этого. И не почувствовала к нему влечения. Интересно...

Но тут Марина случайно посмотрела на часы. Господи, да она совсем заспалась! Надо быстрее одеваться. Воскресенье, вот-вот приедут дядя Петя и Алексей. Они отвезут ее в Сигулду, покажут Рундальский дворец...

— Неважно выглядишь сегодня, — заметил дядя Петя, когда они выезжали из Риги.

Добродушный толстяк то и дело с тревогой поглядывал на единственную племянницу. А раньше, совсем недавно, был так доволен, что повеселела, вышла из депрессии.

Марина знает, что он прав. Стала бледной, под глазами — темные круги. Дают знать о себе частые ночные встречи. Но не только это.

Она тянется к Иоганну Рихтеру, чувствует душевную гармонию с ним. Но все равно он безумно далек. И с этим нельзя ничего сделать. Оттого она часто грустит. Эта грусть не похожа на ту черную, давящую, с которой приехала в Ригу, но все равно она есть, от нее горько на душе.

Да и московская боль еще не прошла до конца. Просто благодаря новому, пришедшему в Риге, эта боль притупилась. Марина теперь может жить с ней.

— Может, сходим к врачу, к психоневрологу? — тем временем предложил обеспокоенный дядя.

— Мой однокурсник лечился у одного очень толкового доктора. И Марина может пойти к нему, — тут же развил эту тему Алексей.

Все его вытянутое лицо выражало желание как можно лучше и быстрее помочь кузине. Кузен был готов начать действовать прямо сегодня.

— Нет, не надо никакого врача, просто я неважно сплю в последнее время, — возразила Марина, — а так мне уже намного лучше.

Это чистая правда, она живет, снова живет!

Дядя Петя и Алексей поверили Марине, не стали настаивать на визите к врачу. Но они не оставили тему ее здоровья. Заговорили о снотворных, одно из которых надо обязательно подобрать для нее.

Марина ласково поглядывала из-под своей длинной челки на заботливых родственников, вяло поддерживая разговор. Она думала не о снотворном и не о Рундальском дворце. Ждала позднего вечера, той минуты, когда снова придет Иоганн Рихтер. И у нее будут часы настоящей жизни.

Машина быстро ехала по шоссе в сторону Сигулды. Утренний туман еще не растаял. Его не могли прогнать солнце и слабый ветер. Все было в тумане — редкие хвора, маленькие городки, поля, сосновые леса.

Анна и Жанна заряжаются силой от тумана. Они ждут, очень ждут новую жертву. Но возле башен безлюдно. У них недобрая слава, люди стараются обходить их стороной.

Иоганн Рихтер и другие призраки говорили Айне о двух сестрах, и она никогда не приближалась к башням. Сегодня вышло иначе. Она просто забыла об Анне и Жанне.

В девушке был силен гнев на Иоганна Рихтера. День и ночь она бродила по городу, думала о его предательстве. Случайно оказалась возле башен. «Права, надо навсегда оставить его», — сразу пришло в голову.

«Пусть изменник встречается с этой маленькой женщиной», — подумала Айна.

Это Анна и Жанна проникли в сознание девушки-призрака, заговорили с ней. Айна и сама не хочет возвращаться к врачу. А сестры-колдуньи усиливают ее настрой. Девушка поддается, в ней разгорается обида на Иоганна Рихтера. Сестры это видят, дальше идут.

«Он заплатил за любовь предательством», — говорят ей.

«Надо причинить зло ему и этой женщине», — нашептывают.

Нет! Айна в ужасе от этой своей, как считает она, мысли. Сразу отбрасывает ее. Она не может нанести Иоганну удар. И женщину эту не тронет, ведь она дорога ему. Но как же ненавидит Айна разлучницу... Больше всех других людей, вместе взятых. Обнять бы ее своими руками, несущими смерть...

На мгновение эта мысль, подброшенная Анной и Жанной, пришла к Айне. Девушка тут же отвергла ее. Она никогда так не поступит. Пусть Иоганн остается с этой женщиной. Айна больше не увидит его. Она ни за что не вернется к врачу, пока он встречается с этой маленькой женщиной!

Туман понемногу рассеивается. Айна уходит от башен, направляется к окраинам города. Босые ноги ее в песчаной балтийской земле. Ведь возле башен почти нет травы.

Анна и Жанна довольны. Они пока не толкнули Айну на зло, но заронили в ней мысль об этом. Может, даст всходы... А пока они усилили в Айне желание расстаться с Иоганном Рихтером. Ей теперь будет еще хуже.

Сестры хорошо поработали с Айной. Надеются, что она снова придет к ним. Девушка — феноменально чувствительная, и у нее очень сильное поле. Такое редко бывает. Это на руку сестрам-колдуньям.

Если Айну снова охватит сильный гнев, если она снова забудет об опасности башен, сестры сразу почувствуют это через токи ее поля. Они не смогут на расстоянии вложить девушке свои мысли. Но, возможно, им удастся сделать так, что ей захочется сюда прийти. Это получится опять-таки благодаря ее полю: ни на кого не воздействует

на большом расстоянии магия двух сестер, Айна — счастливое исключение.

А когда девушка будет здесь, сестры постараются зарядить ее всем злом, которое смогут придумать. Как следует поиграют с ней. Мысли об этом заводят, возбуждают сестер. Они ласкают друг друга. Всегда, и в жизни, и в призрачном мире, Анна и Жанна любили только друг друга.

Их никогда не тянуло к мужчинам. Только к одному когда-то почувствовали желание. Обе, одновременно. Желание пришло ненадолго, на минуты. Это было давно.

Анна и Жанна занимаются любовью, их стоны слышны возле башен...

Людям, случайно оказавшимся рядом, становится жутко.

Тем вечером Андрис допоздна бродил в поисках незнакомки по старому городу. Устал, но надежда давала ему силы.

Художник получил удар. Встретил ее, но молодая женщина была не одна. С мужчиной. Они вдвоем вышли из ночного клуба. Спутник незнакомки был невысокий, стройный. Элегантно одет, в основном в черное. Андрис сразу обратил внимание на то, что у него очень легкая походка.

Так художник впервые увидел Иоганна Рихтера. Он и Марина снова ходили в ночной клуб, она опять танцевала для него. Эти танцы стали для нее и, наверное, для него заменой близости.

Они не заметили Андриса, глядели только друг на друга. А он последовал за ними. Решил, что не подойдет к незнакомке. Это не тот случай, когда видел ее издалека и с ней шли два каких-то господина. Сейчас с ней точно ее мужчина. Сомнений не может быть...

Если бы Андрис был здоров, обязательно подошел к ней, боролся бы за нее. Но что он, больной, может дать ей? Остается издалека смотреть на нее. Смотреть и... завидовать этому стройному мужчине.

Художник следовал за ними до самого дома Марины... Они шли очень медленно, видно, что были поглощены друг другом. Но что интересно, заметил Андрис, не обнимались, даже не держались за руки. Обычно влюбленные так не себя не ведут. Но затем все было как и у других пар. Марина со своим спутником зашли в подъезд.

«Живет с ним, — подумал с горечью Андрис. — Такая необычная женщина не может быть одна».

И еще одна мысль... Эта мысль и раньше нередко приходила к художнику, а в последнее время стала посещать его еще чаще: «Господи, ну почему, почему я такой, откуда эта болезнь?»

Он посмотрел вверх, будто хотел поговорить с Богом, задать Ему напрямую этот вопрос. Но над ним было только небо, к которому тянулись крыши разноцветных домов.

А это что такое? Андрис не верит своим глазам. К нему поворачивает голову каменный пес на крыше дома, в который вошла незнакомка со своим спутником. Внимательно смотрит на него. И не только... Вдруг гавкнул несколько раз. Не сердито, напротив, очень приветливо. Андрису, однако, не до интонаций собачьего лая. То, что видит и слышит, удар для него...

Художник знает — он сам не свой в последние недели. Из-за любви, из-за отчаяния, что это чувство не будет счастливым. Может, внутреннее напряжение сказалось на психике? Начались галлюцинации...

Он снова посмотрел наверх. Теперь каменный пес, как и положено, застыл на своем месте. Но ведь двигался же, только что двигался! И еще лаял!

Андрис быстро шел домой. Был расстроен, подавлен. Что будет с его родителями, у которых он один, которые живут для него? Что ждет его самого?

Он старался не смотреть на Велту, когда зашел в ее спальню пожелать спокойной ночи. Напрасно. Она все равно почувствовала — с сыном неладно. Ничего не стала спрашивать. Всегда сам делится.

А он не мог сказать маме об этом. Слишком страшная новость. Впрочем, подумал он перед сном, может, рано паниковать. Надо посмотреть, понаблюдать за собой.

Несколько дней Андрис ждал новых галлюцинаций. Это были плохие, тревожные дни. Болезнь художника, его страх от взглядов чужих стали сильнее, ведь он был как на иголках.

Слава богу, больше он не увидел ничего подобного каменному псу, поворачивающему к нему голову.

«Наверное, показалось», — решил. На том успокоился. Скоро и болезнь вошла в привычные рамки.

Андрис снова рисует незнакомку. В его полотнах еще больше грусти. На каждом — она уходит в даль... У картин разный фон. Иногда дождь, иногда песчаные дюны в ярком рассвете, иногда улицы города. Суть одна. Незнакомка оставляет его...

Андрис изображает ее одну. Спутника девушки он не станет писать. Ему нет места на картинах художника.

Марина ловит себя на том, что стала рассеянной. Даже иногда забывает взять мобильник, когда уходит из дома. Такого никогда не было. Родители несколько раз не могли до нее дозвониться, волновались. Сама расстроилась. Обещала впредь так больше не делать. Не удается.

Да что мобильник. Она все вокруг себя видит как во сне, будто со стороны смотрит на мир.

Рига... Город все больше нравится Марине, но она часто ловит себя на одной мысли. Думает о том, как то или иное место будет выглядеть ночью, когда она придет сюда с Иоганном Рихтером.

Она стала жить ночными свиданиями, остальной мир постепенно становится лишь фоном для них.

Марина мало спит, плохо выглядит. «Бог с ним, это неважно», — думает она. Главное, у нее есть Иоганн Рихтер. Он есть... Есть? Есть ли он у нее? Вот это самый большой, больной вопрос, который задает себе Марина.

Она часто представляет себе близость с ним. Но это немыслимо, нереально. Оттого мучается, но продолжает мечтать о слиянии с этим мужчиной. Ждет каждой новой встречи, чтобы потом еще больше хотеть его. Все больше видеть этот мир, как во сне.

Главным для Марины становится общение с призраком. Она живет чувством к нему, переживаниями, связанными с ним. Другое отступает на второй план.

10

Марина становилась все ближе Иоганну Рихтеру. Он рассказал ей о своей жизни. Долго не хотел этого делать. Знал — они не смогут всегда быть вместе. Поэтому пусть лучше он будет для Марины призраком без прошлого, иначе их свяжут еще более крепкие нити.

Так решил Иоганн Рихтер. Но снова, уже не в первый раз в отношениях с Мариной, отступил от своего решения.

Она не раз просила его рассказать о себе. Он уступил. Она все узнала.

Тем вечером они поднялись на смотровую площадку кирхи святого Петра. Были вдвоем над городом. И будто вдвоем во всем мире.

Под ними только Рига и Даугава, сверху хорошо видно, как быстро текут ее воды. Крыши домов, мостовые города — мокрые. Перед этим был очень дождливый день.

— Что же они с тобой сделали, господи! — воскликнула Марина, когда услышала о его казни.

Она лишь один раз перебила врача. Тогда же он впервые увидел ее слезы.

Одно из мгновений, которые Иоганн Рихтер любит и которых боится...

Он видит: Марина хочет прижаться к нему, она вся устремлена к нему. Но они недостижимы друг для друга.

— Сам виноват, Fräulein, допустил врачебную ошибку. Но ничего, перенес это, изменился немного, но все-таки перенес.

Он старался говорить шутивным тоном, хотел снять напряжение, в котором была Марина. Не удалось, она была вся поглощена историей жизни Иоганна Рихтера.

— А как потом, как все эти века жил?

Он все рассказал ей. О том, как помогает людям, призракам, как дает врачам советы, как читает в библиотеке книги по психиатрии.

Книга! В недавнем сне Марины Иоганн Рихтер держал в руке книгу. Она сразу вспомнила сон, рассказала ему.

Иоганн Рихтер понял, что это был непростой сон, настоящее видение души. Но... он пока не может прочесть

его до конца. Что ж, значит, на время спрячет информацию в дальний уголок памяти. Придет пора — обязательно расшифрует ее.

А Марине в ту ночь стало известно об Айне и об эликсире бессмертия. Врач ничего не утаил от нее.

Молодой женщине стало очень неприятно, когда она узнала об Айне. Марина удивилась себе. Как она может ревновать призрака? Но ведь есть это чувство, вспыхнуло. Больно, что другая ближе, намного ближе, чем она, к этому мужчине. Ближе хотя бы потому, что, как и он, призраком...

— Я только сейчас, когда рядом с тобой, живу, — на следующую ночь призналась Марина. — Хочу сделать, чтобы так было всегда. А то мы с тобой и рядом, и в разных мирах. Пропасть... Преодолеть бы ее...

Слова Марины многое открыли Иоганну Рихтеру. Каждое рассекло его душу.

Вот оно, то, о чем думал, когда сначала решил не встречаться с ней, о чем старался забыть все эти недели. Она — человек. Он — призраком.

Они стремятся друг к другу, но живут в разных вселенных. Он, со своей стороны, не может ничего изменить. А Марина...

Что происходит с ней!

Он, Иоганн Рихтер, забылся, отдался своему чувству. Лишь сейчас он впервые за последнее время посмотрел на Марину не как влюбленный, а как врач. Как он раньше не замечал? Она очень плохо выглядит.

Еще бы, ее влечет к призраку. Поэтому она не знает, что делать, она в тупике. Есть лишь один выход. Страшный выход, о котором Марина, сама не подозревая того, только что сказала. Подсознательно она войти хочет в призрачную жизнь, стать такой же, как он. Ибо другого пути к нему найти невозможно.

Дальше она будет все больше думать об этом. Об уходе в таинственный для нее мир теней... К чему придет? Неужели снова подойдет к окну, чтобы через него уйти к нему, Иоганну Рихтеру? А до этого выпьет его эликсир бессмертия.

Если бы врач думал лишь о себе, то сам бы предложил Марине свой эликсир. Он помнит его состав, помог бы ей приготовить его. Но это стало бы преступлением. Да, Айне когда-то дал. Но там было другое дело. Они оба были живыми.

А что сделает Марина, когда он ей откажет в этом эликсире? На что решится, на что может пойти? Нет, Марина должна, обязательно должна прожить свою жизнь на земле, а не бросать ее ради него, ради тени.

Иоганн Рихтер проклинает себя. Сам, не устояв перед желанием видеть Марину, подталкивает ее к пропасти. Сначала спас, теперь губит. Надо остановиться, пока не поздно.

— Ты что замолчал? — Марина с тревогой смотрит на Иоганна Рихтера.

Задумался... Он смотрит на шпиль костела святого Екаба. Когда-то в этом костеле люди лишили его жизни. А сейчас он сам убивает Марину.

Иоганн Рихтер чувствовал, как молодая женщина провожала его взглядом, когда уходил. Но не он обернулся возле зеркала, как делал всегда, не сказал с улыбкой *adieu*...

Иоганн Рихтер бродил по пустынным улицам города, ничего не видел вокруг себя. Не замечал красоты мира, сильного ветра, думал, как выйти из этого положения. Ясно одно — ночных свиданий больше не будет, иначе он погубит Марину. Но как действовать? Просто исчезнуть? Нет, не пойдет. Она станет тосковать. Еще неизвестно, как поведет себя.

Значит, надо поговорить с ней. Можно объяснить их встречи тем, что он просто как врач наблюдал за ней после попытки суицида. И чисто человеческое сочувствие, участие, конечно, были. Да, она приятна, симпатична ему. Но ничего более. Теперь, когда Марина пришла в себя, необходимость в общении отпала. Тем более он видит, что нравится ей. А какой, собственно говоря, может быть роман между ней и ним, призраком? Посему, выполнив свой долг, он, Иоганн Рихтер, прощается с Мариной.

Конечно, эти слова будут звучать, мягко говоря, странно после того, что было, что есть между ними. Но врач не видит другого выхода. Именно так и надо говорить с ней, глубоко спрятав свои чувства. Он сможет это сделать, хотя будет нелегко.

Конечно, разговор станет стрессом для Марины, но иначе нельзя. Этот удар она перенесет, ведь не успела сильно полюбить. Ее чувство пройдет. Во всяком случае, врачу очень хочется в это верить.

Перед объяснением Иоганн Рихтер старался жить, как обычно. Погулял с Псом, но разговор между ними впервые за многие годы не клеился. Пес быстро почувствовал настроение друга, замолчал, прижался боком к ноге врача. Затем Иоганн Рихтер отправился в библиотеку, но не смог прочесть ни одной строчки в интереснейшей книге голландских психиатров об аспектах поведения психопатов. Понял, что напрасно тратит время. Пошел в город. Занял себя привычными делами. Понаблюдал за больными в Рижском центре психиатрии и наркологии. Затем отправился к Шведским воротам.

Он иногда посещает живущий там призрак девушки Марты. Пес на днях сказал, что она ночами снова бродит по улицам и все время рыдает.

Марту, как и Иоганна Рихтера, когда-то замуровали в камень. В Шведские ворота, рядом с которыми жила. Только Марта, в отличие от врача, после казни тронулась, стала сумасшедшим призраком. Чтобы поддерживать ее равновесие, врачу приходится применять все свои гипнотические способности.

Как обычно, он долго возился с Мартой. Девушка не могла успокоиться, то и дело пыталась начать биться го-

ловой об стенку. У призрака это, конечно, не получается, но все равно такое поведение — очень плохой симптом.

Иоганн Рихтер занимался Мартой большую часть дня, на ночь после которого было запланировано объяснение с Мариной. А вечером пришедшая в себя Марта в который раз пыталась соблазнить врача своим обнаженным телом. Девушку замуровали без одежды, она всегда ходит голая.

Став призраком, Марта изменилась. При жизни была самой гулящей девицей в Риге, за что в конце концов поплатилась жизнью. Теперь почти четыреста лет безответно любит одного Иоганна Рихтера.

Когда врач отделался от Марты, к городу уже пошла ночь. Заполнила собой площади, переулки. Ночи противостояли лишь фонари, редкие окна, за которыми люди еще не спали, и яркие витрины магазинов.

Что-то не так. Марина сразу поняла это, когда увидела Иоганна Рихтера. Он был снова в своем старинном наряде. Как в первый раз, когда они познакомились. С тех пор он всегда одевался по-современному. А сегодня — опять шапочка, камзол, панталоны. И взгляд другой. Почти безразличный, даже с ледком. Она привыкла видеть его глаза другими.

Марине стало беспокойно, она закурила. Она сидела в кресле, которое стояло напротив окна, а он встал возле него. В спальне было почти темно, луна в эту ночь слабо светила. Марина не видела глаз Иоганна Рихтера.

— Нам больше не стоит видеться, — сказал призрак.

Значит, предчувствие не обмануло ее.

— Почему ты так решил? — спросила Марина.

На автопилоте задала этот вопрос, не могла поверить, что Иоганн Рихтер решил все прекратить.

— Я все, что мог, сделал для тебя, Fräulein. Ты теперь не та, какой была, когда я впервые пришел. Снова хочешь жить. Я помог тебе, и больше не нужен.

Он отбрасывает ее. Марина закуривает сигарету от сигареты. С сигаретой, возможно, будет легче перенести услышанное. «Не нужен», — сказал он. Будто не понимает, что он, Иоганн Рихтер, больше всего нужен ей, что благодаря ему Марина хочет жить!

— Ты один все решил за двоих, — Марина лишь это смогла сказать. — Будто не слышал моих слов, как хочу быть с тобой.

— Я все слышал, Fräulein. Но, правда, нам нет нужды больше встречаться.

— Нет нужды?

Получается, он встречался с ней по необходимости, помогал выйти из депрессии. Он же врач, психиатр. Но как же их общение? Она видела, как призрак смотрел на нее, как каждый раз не хотел уходить... Играл? Общался, как доктор с больной? Именно об этом говорит Иоганн Рихтер. Но Марина никогда не поверит в это!

— Скажи, что произошло? — Она встает с кресла, подходит к нему.

Марина хочет понять его, должна увидеть его глаза. Но лицо Иоганна Рихтера скрыто темнотой. Врач не случайно встал возле окна. Так ему чуть легче пройти через этот разговор.

Сегодня он снова видит, что она любит его. В каждом слове, в каждом взгляде Марине — подтверждение этому. Она сильно любит, сейчас потрясена. Иоганну Рихтеру безумно жаль ее. Но начатый разговор надо довести до конца. Он должен стать началом лечения Марины от ее любви. Этой болезни, в которой он виноват. Теперь надо быть тверже, ни в коем случае не отступить.

— Я уже сказал, ничего не произошло. Просто моя миссия выполнена, — развел руками Иоганн Рихтер, — нам не стоит продолжать общение. Тем более я вижу, что ты, Fräulein Марина, тянешься ко мне. А это совсем ни к чему.

— Как ни к чему? Ты мне нужен. А я? Разве я тебе не нужна? — забрасывает его вопросами Марина.

— Признаюсь, ты, Марина, мне интересна. Очень интересна.

Врач чувствует — не должен был этого говорить. Но он не смог не сказать этих слов.

Марина рассержена на него. Если она нужна ему, то почему на всем ставит крест? Да, они из разных миров, но ведь можно же стремиться друг к другу! Это нормально, это естественно, раз они любят друг друга!

Иоганн Рихтер понимает, о чем она думает. Хорошо, что решил объясниться с Мариной. Жаль, не сделал этого раньше. Теперь, когда она близко — и, наверное, это в последний раз, — у него в душе слова любви. Очень хочется произнести их. Но Иоганн Рихтер запрещает это себе. Он только что проявил слабость в разговоре, больше такого не будет. Ради нее, Марины. Он ненадолго замолкает, берет себя в руки:

— Именно так, интересна. Не больше того. И я вижу, что ты мной тоже интересуешься. А это, поверь, совсем ни к чему. Не забывай, кто я.

— Я все знаю. — Марина очень близко подходит к нему. — Но ведь любую пропасть можно попробовать преодолеть.

В который раз она хочет обнять его. Штурмует своим чувством пропасть, лежащую между ними. И его сердце штурмует. Она надеется, что Иоганн Рихтер откликнется. Они снова будут видеться...

А потом будь что будет. Главное, пусть он останется с ней. Может, когда-нибудь Марина попросит врача дать ей эликсир бессмертия, чтобы вслед за ним пройти его путь. Прийти к нему навсегда. Пока она не готова к этому, но потом...

Врач чувствует все ее эмоции, но он собрался, он тверд:

— Ни к чему мосты наводить. Нам надо расстаться. Я очень рад, что помог тебе, моя маленькая Fräulein. Больше ни к чему.

Его слова опять говорят об одном — она больше не увидит его... Раз так, Марина не будет продолжать разговор. Правда, глаз призрака она по-прежнему не видит. Марина уверена, что в них есть чувство, которое было раньше. Но что это меняет? Иоганн Рихтер решил уйти из ее жизни. Он любит Марину, но не хочет разделить ее стремление к нему. Ее слова окажутся бесполезными.

Марине тяжело дышать. А в комнате еще и очень накурено. Она открывает окно. Уже знакомый ей город... Он становится родным, он никуда не уйдет.

— Ты только не грусти, все в жизни проходит, — говорит ей Иоганн Рихтер.

Видит — Марина приняла его решение. У него разрыдается сердце, но как врач он удовлетворен. Но как она перенесет расставание?

Что ж, он будет издалека наблюдать за ней. Именно издалека, чтобы не смогла почувствовать его, как уже было. Если потребуется, он придет Марине на помощь.

— У тебя все будет хорошо, — сказал он.

А сам глядит на нее. Какой же она стала близкой...

— Спасибо тебе за все, — говорит Марина.

Она чувствует взгляд врача, но продолжает смотреть в окно. Теперь уже она не хочет встретить взгляд Иоганна Рихтера.

— Ты не уйдешь из моей жизни, я всегда буду помнить тебя, — признается она. — Но раз решил уйти, уходи.

Иоганн Рихтер близко подходит к ней. Он позволяет это себе в последний раз. Марина не видит врача, он стоит сзади нее.

— Adieu... — прошептал он.

Он ушел беззвучно. Как всегда.

Марине стало очень холодно. Ночь, а окно нараспашку. Мерзнет, но от него не отходит. Смотрит на город. Он остался с ней, с ним будет легче пережить эту ночь.

11

Картины Андриса теперь лучше продаются. Он никогда не приносил домой таких денег.

— Если так пойдет, сможем к зиме сделать ремонт, — сказала его мама.

Их небольшой квартирке в Московском форштадте давно нужен ремонт. Не делали с восьмидесятых годов. Не на что было. Когда-то немало денег ушло на лечение Андриса. В те годы Раймондс продал почти все свои полотна.

А когда Андрис сам стал писать, то на картинах зарабатывал немного. Пенсии Велты и Раймондса тоже невелики.

Сейчас Андриса радует только заработок. Это и еще творчество, в котором он снова с ней, с маленькой жен-

щиной, которую видел всего три раза. Благодаря незнакомке он взорвался как художник, вышел на новый уровень. Андрис сам чувствует это, и люди, которые берут его картины, тоже. Им доволен отец.

Все видят — в полотнах больше чувства, они несут в себе мощный импульс. Незнакомка — по-прежнему в их центре.

Художник не перестает думать о ней. Но он прекратил ее поиски. Не хочет снова увидеть ее с другим мужчиной. Вечерами быстро идет к костелу святого Екаба. Побудет там немного, и домой. Работать...

Раньше, когда впервые увидел эту женщину, его то и дело охватывал гнев на себя. Гнев на свою болезнь, которая сделала для него невозможной счастливую любовь. Теперь это прошло. Художник смирился с тем, что не встретит ее. Все больше живет картинами. Стал еще более замкнутым. Когда продает полотна, едва разговаривает с людьми. Даже с родителями почти не общается.

Марина так и не легла ночью, когда Иоганн Рихтер оставил ее. То курила у окна, то сидела в кресле. Босые ноги замерзли, но она не надела носки. Боль, опустошенность, которые чувствовала, были сильнее холода.

Встреч больше не будет, он не придет. Пустота...

Проходят дни, Марина не может привыкнуть жить в пустоте.

Как и раньше, гуляя по Риге, открывая для себя все новые и новые ее уголки, она ловит на себя на том, что хочет прийти сюда с ним. Но он уже не появится в зеркале, и дверь не распахнется сама перед ним.

А она по-прежнему мало спит ночами. Знает, что не увидит Иоганна Рихтера, но все равно ждет. Она ждет и днями. Ждет, когда снова ощутит его присутствие в своей спальне.

Первые ночи после того, как расстались, Марина ласкала себя, думая о нем. Ей становилось чуть лучше в эти минуты. Но потом грусть возвращалась. Она была еще более сильной. Марина запретила себе это делать.

Несколько раз она, желая приглушить тоску, снова пила водку. Немного, рюмку, другую. Противно, не помогает, отказалась от этого. Она стала больше курить. Теперь редко обходится одной сигаретой. Возникла новая привычка — подряд выкуривает две, а то и три сигареты.

Родственники снова волнуются. Нет, Марина не отказывается от общения с дядей Петей и Алексеем. Наоборот, охотно откликается на их приглашения куда-нибудь съездить или сходить. Но почти не разговаривает с ними. Грустит, вспоминает Иоганна Рихтера.

Петр Альбертович переживает из-за племянницы. Он меньше думает о делах и о несбывшейся мечте — покупке дома на улице Марияс. Алексей разделяет его волнение. Его длинное лицо выражает крайнюю озабоченность.

Они позвонили в Москву, рассказали обо всем родителям Марины. Те даже собрались приехать в Ригу, но она отговорила их от этого. Знает, как расстроятся, когда такой увидят. Она этого не хочет.

Нет, Марина, конечно, не в таком состоянии, в каком приехала в Ригу, у нее нет желания уйти из жизни. Просто исчезло главное. То новое, что появилось здесь, что дало счастье. Марина оказалась в пустоте...

Она часто смотрит в старинное зеркало. Вспоминает, как впервые увидела Иоганна Рихтера. «Приди ко мне». Эти слова она написала большими красными буквами на зеркале. Вдруг он увидит? Надпись не помогла. Марина стерла ее.

Иоганн Рихтер каждый день смотрит на Марину. Часто, когда молодая женщина идет по городу, он незримо для людей следует за ней. Призрак видит, что ей тяжело. Наверное, труднее, чем ему. Он может смотреть на нее, ему даже кажется, что они идут вместе. Сладкая, несбыточная иллюзия...

Но у Марины нет даже этой иллюзии.

Врач очень хочет ей помочь. Но что можно сделать? Снова вернуться? Исключено. Значит, нужно придумать что-нибудь еще. Пора включить свой мозг, задействовать его на сто процентов!

Иоганн Рихтер перестал ходить в библиотеку. Прекратил наблюдать за людьми. Почти все время он проводит в комнате на чердаке музея или бродит по улицам. Думает...

Всегда Рига успокаивала его, а теперь начала раздражать! Запутанные улицы центра напоминают лабиринт, который у него в голове. Врач не может добраться до его сердцевины. А тут еще туман нагоняет тоску. Он мучается. Но верит — каждую задачу можно решить. Не отступает, думает, поглощен этим.

Даже возвращение Айны не отвлекло Иоганна Рихтера. Он переживал из-за того, что девушка пропала, но сейчас для него главное — это Марина, ее грусть.

Айна все это время не спускала с него глаз, хоть и очень злилась. Сразу увидела: Иоганн прекратил видеться с маленькой женщиной. Он, правда, наблюдает за ней, но это уже другое дело. Грустит, конечно, скучает. Но все это, наверное, скоро пройдет.

Айна простит его, вернется, постарается, чтобы ему было хорошо. Как всегда, как уже почти пятьсот лет.

Девушка позаботилась о том, чтобы заставить Иоганна Рихтера смотреть на нее. Нарядилась как следует. Вернее, почти разделась: надела очень прозрачное белое платье. Вошла в комнатку на чердаке музея, сразу к нему.

Иоганн Рихтер размышлял, сидя в своем большом кресле, обтянутом кожей. Айна встала перед ним на колени. Врач увидел красивую грудь, все тело девушки.

— Я вернулась, — тихо сказала она.

Ласково провела рукой по его щеке.

— Забудь о ней, не скучай, я с тобой, — прошептала.

— Все прошло, — ответил он.

Да, все как раньше. Снова Айна рядом, снова с любовью смотрит на него. Гладит его руки своими руками, затем склоняется к ним, целует.

Иоганн Рихтер чувствует, что девушка-призрак возбуждена, хочет его. Соскучилась. И он скучал без Айны, тосковал по ее телу. Они занялись любовью. Но близость не принесла покоя Иоганну Рихтеру.

Почему, почему он не придумал ничего такого, что сможет помочь Марине! Никаких идей нет... Наверное, им мешает родиться желание вернуться к этой женщине. Может, посоветоваться с кем-нибудь?

Анна и Жанна в гневе. Они очень надеялись, что Айна будет пребывать в злобе. Тогда рано или поздно им удалось бы сделать так, чтобы она снова пришла к башням. Но девушка рада, что снова вместе с Иоганном Рихтером. Она пришла в себя, теперь не забудет об опасности места, где живут сестры. Значит, она недосыгаема для них.

Ведьмы ничего не могут сделать с Айной, они в ярости! Снова занимаются любовью. Не обычной, играют в госпожу и рабыню. Унижают, мучают друг друга. Ранят друг друга до крови, потом слизывают ее с тел. Вид крови, ее вкус помогают сестрам снять напряжение. Они успокаиваются. Теперь им будет легче вкладывать черные мысли в души людей.

Благодаря туманному лету ведьмы-призраки очень сильны. Они ждут, когда кто-нибудь пройдет возле башен. Но никого нет на пригорке, где стоят две кирпичные ветшающие громадины. Весь день для Анны и Жанны проходит впустую.

Лишь туманным вечером, когда в свете неяркой луны башни выглядели особенно зловеще, на пригорок поднялся человек. Пожилой, сутулый, в рабочей одежде. Анна и Жанна хорошо знают его. Это Арвидс Бауманис — старший смотритель башен. Он регулярно бывает здесь.

Бауманис не любит это место, где в голову лезут плохие мысли, боится его. Но все равно, преодолевая страх, приходит сюда так часто, как полагается по инструкции. Водонапорные механизмы надо проверять. Эту неприятную работу Бауманис всегда оставляет на конец дня. После нее он не в силах заняться чем-либо другим.

Анне и Жанне очень хочется отыгаться на этом старике по полной программе... Нет, они не станут делать большое зло Арвидсу Бауманису. Лишь чуть-чуть пустят свои мысли в его голову. Если перегнуть палку, пожилой смотритель станет еще больше бояться башен. В конце концов плюнет на все, уйдет на пенсию.

Заменил ли его кто-нибудь? Остальные рабочие с еще большей неохотой приходят сюда. Так что если Бауманис оставит работу, башни, скорее всего, забросят. Тем более что у города нет в них особой нужды. Дешевле

соорудить новую водонапорную вышку, чем возиться с этими древними башнями.

Со временем их могут разрушить. Это, конечно, не трагедия для сестер, но крупная неприятность. За десятилетия они привыкли жить здесь. Здесь они стали Анной и Жанной. Поэтому сестрам приходится беречь Бауманиса. Но они не оставляют его в покое.

«Зарплата мизерная, как жить на нее? — не перестает думать смотритель, пока возится с ржавыми водонапорными механизмами. — Здесь мерзко, а деваться некуда, больше ни на что не гожусь. Придется до смерти тянуть лямку в этом проклятом месте», — грустно говорит он себе, смазывая машинным маслом детали.

Бауманис переживает из-за маленькой зарплаты. Он и жена растят двух маленьких внуков. Дочь развелась с мужем, который крепко пил, уехала в Англию, но хорошую работу там найти не может.

Жене Бауманиса пришлось устроиться домработницей к молодой паре. Муж — писатель, жена — поэтесса. Они хорошо относятся к супруге Бауманиса, особенно жена, ее зовут Анитой. Но только супруга смотрителя башен в возрасте, ей уже трудно работать.

Эх, если бы Арвидс Бауманис получал больше... Эти мысли часто приходят к нему. Но сегодня Анна и Жанна усилили их. Знают, теперь Бауманис расстроенным пойдет домой.

Ведьмы ликуют, когда провожают взглядами длинную сутулую фигуру смотрителя. У Анны и Жанны выдался неплохой вечер...

Родители не раз говорили Андрису о том, что опасно приближаться к водонапорным башням. Но сегодня художник забыл обо всем. Сильное как никогда вдохновение было с ним весь день, который провел возле кирхи святого Петра. Он очень ждал вечера, уже представлял себе, какую картину напишет ночью. На полотне снова будет она. Незнакомка...

Андрис взбудоражен, спешит в мастерскую, хочет быстрее воплотить замысел. Срезая путь, он идет по пригорку, на котором стоят две водонапорные башни. В тумане их едва видно, как почти не видно чахлах осин, растущих рядом.

Анна и Жанна захотели от радости, когда увидели Андриса. Они тут же проникли в его мысли. Ведьмы знают, что делать с ним!

«Надо бросить писать картины с этой женщиной. Хватит, довольно», — говорит художнику Анна.

«Она спит с другим, представь это, представь, как она стонет под ним», — вторит ей Жанна.

«За что любить ее, видел всего несколько раз!» — убеждают художника сестры.

Да, так он раньше не думал... Не приходило в голову. Увидел симпатичную женщину под дождем, размечтался. А ведь не знает ее, босоногую знакомку. Он дума-

ет о ней, полон ей. А она... Она счастлива с другим! Может, влюбился в эту женщину, как в абстрактный образ? Может, отчасти придумал ее?

«Не буду больше писать ее, постараюсь забыть», — решает Андрис.

Это его собственное решение. Собственное, но художника подтолкнули к нему Анна и Жанна.

«Правильно, а то когда пишешь ее, думаешь о ней, лишь хуже себе делаешь», — шепчет художнику Анна.

«Посмотри, до чего дошел, все мысли о ней, забудь ее навсегда, хватит жить иллюзией», — настаивает Жанна.

Душа художника сопротивляется этим мыслям.

«Иллюзией тоже прекрасно жить», — думает Андрис.

Сестры молчат. Анна и Жанна хорошо чувствуют художника, видят, что им не убить его любовь. А вот из творчества незнакомка уйдет.

Ведьмы довольны. Они прочли в душе Андриса, как важна Марина для его вдохновения. Теперь он не сможет писать, как прежде. Для него это станет ударом. Выйдет из равновесия, может, вообще перестанет работать. Не исключено, что усилится его болезнь. Вот тогда-то Анна и Жанна порадуются! Если он снова пройдет мимо башен, они еще пообщаются с ним...

Андрис приходит домой с твердым решением. Он больше не станет писать незнакомку.

Собрался начать работу над полотном, на котором ее не будет. Все приготовил. Ночь не спал, но так и не подошел к мольберту.

Несколько следующих ночей были похожи на эту. Наконец Андрис все-таки заставил себя работать, что-то выдавил из себя. Но потом ему не хотелось смотреть на эти картины. Плохие сюжеты, слабая цветовая гамма. Полотна были похожи на работы очень старательного, но совершенно бездарного ученика...

Раймондсу стало больно, когда он увидел последние картины Андриса.

— Ты сделал большой шаг назад, сын, — грустно сказал он.

Отец всегда следил за творчеством Андриса. В последнее время был счастлив. Видел — Андрис взорвался, растет. Становится большим художником, большим, чем был когда-то он сам. И вот теперь...

— Все еще переменится. Бывают взлеты, бывают спады.

Велта берет мужа за руку, успокаивает его своим прикосновением. Второй рукой она гладит волосы Андриса. Он еще больше расстроен. Велте жаль обоих своих мужчин. И сына, который с отвращением смотрит на свои полотна, и мужа, который видит в Андрисе свое продолжение.

— Давайте в воскресенье пойдём в старый город. Он обязательно навеет тебе, Андрис, что-нибудь хорошее, — предложила она.

— Как насчет того, чтобы зайти в «Петушок святого Петра», немного посидеть там? — спросил Раймондс.

Андрис с радостью принял эту идею. Видит, родители как могут хотя бы помочь ему, в их поддержке он всегда черпает силы. А до воскресенья еще есть дни, он снова попробует писать. Но эти дни не принесли ничего хорошего его творчеству.

Воскресная прогулка была, как обычно, светлой, хорошей. Но как же заболело сердце Андриса, когда они проходили мимо кирхи святого Петра. Здесь он второй раз увидел незнакомку. Здесь тщетно искал ее в переулках...

Он не может забыть ее. Снова хочет написать эту женщину. Но она с другим. Его, Андриса, даже не знает.

Он по-прежнему пытается писать картины без нее. Но они становятся хуже и хуже. Люди почти не смотрят на них. Покупают лишь те, на которых эта женщина, или совсем старые, написанные, когда еще не встретил ее.

Андрис переживает, впадает в депрессию. Его болезнь снова начинает набирать силу. Художник хуже, чем прежде, чувствует себя, когда на него смотрят люди. Ему становится страшно, во рту — как пустыня Сахара. Он дольше, чем прежде, приходит в себя. Едва восстанавливается, снова ловит чей-нибудь взгляд. Снова получает удар. И так он идет по кругу. По мучительному кругу. «Это все от переживаний», — думает он. Пора опять идти к врачу, усилить лечение.

Прежде такое уже бывало. Болезни Андриса свойственны колебания. Врачи в таких случаях наращивали терапию. Помогало.

Художник записался на прием к врачу. Но на душе было так тяжело, что он не выдержал. Первый раз в жизни напился. Даже не мог вспомнить, как добрался до дома. Нет, больше такого не будет. Андрис дал эту клятву, когда утром увидел глаза своей мамы.

Врач врачом, но и самому пора взять себя в руки. Надо забыть незнакомку. Ему стало хуже после того, как встретил ее!

Но как можно забыть эту женщину, если она удивительная, ни на кого не похожая... Она не придуманный образ, Андрис почувствовал ее!

Он любит, любит ее! Пусть она с другим, пусть его жизнь изменилась к худшему. Хорошо хоть, радуется художник, у него не было больше галлюцинаций. Андрис помнит, как пес на крыше дома, в котором, наверное, живет незнакомка, смотрел на него, лаял. Больше ничего подобного не происходит. Бог милует.

Иоганну Рихтеру хочется поделиться с кем-нибудь своими проблемами. Айна, понятное дело, отпадает. Ей душу не откроешь. А близких друзей в призрачной Риге у врача всего двое — Пес и пивовар Крастиньш.

Толстый пивовар Крастиньш не только пациент, но и друг Иоганна Рихтера. А заодно, конечно, и Айны.

Когда Крастиньшу пришло время умирать, произошло следующее. В ад ему было идти не за что. В рай он сам не захотел отправляться — там не найдешь пива. Поэтому пивовар остался в городе, стал призраком.

В Риге и вокруг нее много пивоварен, но Крастиньш, несмотря на изобилие любимого напитка, иногда начинает страдать. Переживает оттого, что не в раю. Туда все-таки хочется, но он не может расстаться с пивом. Оттого мучается, не находит себе места. Иоганн Рихтер успокаивает его, применяет легкий гипноз. Они нередко видятся. Иногда врач лечит Крастиньша, а чаще они просто пьют пиво.

Иоганн Рихтер направился на улицу Бруниниеку. Там, в старом здании песочного цвета, обитает призрак Крастиньша. В этом доме когда-то был пивзавод. Крастиньш работал здесь, сваренное со своим участием пиво считал лучшим в Риге. В советское время производство перенесли на окраину города, но Крастиньш не стал перебираться туда. Наведался в место, куда переехал завод, попробовал пиво.

— Хуже стало, мне нечего здесь делать, — сердито сказал.

Врач рассказал пивовару о Марине.

— Плохо дело, — покачал головой Крастиньш. — Суди сам, Иоганн. Меня раздражает между пивом и раем. А Марина оказалась между настоящей жизнью и тобой. Хорошо, что бросил ее. Но все равно, девка теперь изводится.

Некоторые слова не очень понравилась Иоганну Рихтеру. «Бросил», «девка»...

Грубовато. Крастиньш, конечно, не утонченный интеллигент. Но это неважно. Человек он, а вернее, призрак — прямой, честный. И сейчас все сказал правильно. Только что толку? Иоганн Рихтер все и так понимает.

Но пивовар тут же дал ему совет. Ценный, как потом выяснилось.

— Эх, переключить бы ее, Марину, на другое. На другого, вернее. Но это, Иоганн, не в наших силах. Давай выпьем, друг.

— Прозит! — кивнул Иоганн Рихтер.

Они выпили, потом пели песни, затем еще выпили. А потом к ним присоединилась Марта.

Она как узнает, где находится Иоганн Рихтер, сразу мчится к нему. Правда, она боится Айны. Но в тот день рядом с врачом Айны не было, и Марта мгновенно оказалась у Крастиньша в заброшенной пивоварне.

Врач смутно помнил, как Крастиньш продолжал опустошать бокалы с пивом, а Марта села на колени к нему, к Иоганну Рихтеру, хотела поцеловать его в губы. И еще они все втроем пытались продолжать петь.

Чем закончился вечер, врач не знал. В его энциклопедической памяти почему-то возник провал. Впрочем,

слова пивовара отложились в голове у Иоганна Рихтера. Он вспомнил их, когда разговаривал о Марине с Псом...

Пес деликатен. Не раз видел Иоганна Рихтера и Марину вдвоем. Но никогда не пытался обсудить с врачом их отношения, хотя обычно обо всем хочет поговорить со своим другом.

На этот раз было другое дело. Врач сам все выложил Псу. Рассказал о том, как боролся с собой перед тем, как начал встречаться с Мариной, о том, что он положил конец этим отношениям и теперь не знает, как сделать так, чтобы молодая женщина забыла его.

— Время, конечно, все лечит, но только хочется, чтобы Марина быстрее пришла в себя, — закончил свой рассказ врач.

— Еще бы, ведь она мается, — грустно сказал Пес и прижался боком к врачу.

Видел, что сейчас плохо не только Марине, но и его другу.

— Кстати, не ты один сохнешь по ней, — вдруг сообщил.

— А кто еще, интересно?

— Андрис, — не замедлил с ответом Пес.

Андрис... Это очень интересно.

— Я видел, как он смотрел на тебя и Марину, — продолжал тем временем друг Иоганна Рихтера. — Вы однажды шли к дому, а он — следом за вами. Тут любой поймет, что парень без ума от нее. Наверное, увидел Марину как-то в городе, вот и влюбился. Она очень красивая. А он человек мечтательный.

— Может, и не влюбился, — заметил Иоганн Рихтер, — может, просто понравилась. Увидел красивую девушку, пошел за ней. Захотел как следует разглядеть. Он же художник.

— Может, и так. А я с Андрисом немного пошутил, — признался Пес.

Сообщил это и сделал паузу. Слегка наклонил голову, лукаво поглядел на своего друга.

— И что ты сделал? — с тревогой спросил Иоганн Рихтер.

Он знает, что Пес иногда любит проказничать.

— Просто кивнул ему, и еще пару раз гавкнул, ничего больше. — Пес посмотрел врачу прямо в глаза. Сама, можно сказать, невинность.

— Зачем ты это сделал? Как мог! — возмутился Иоганн Рихтер. — Андрис, я уверен, подумал, что у него галлюцинации. Наверняка до сих пор не может прийти в себя.

— Ты прав, не следовало так играть с ним, — согласился Пес, — но я тогда не подумал об этом. Но какой забавный вид был у него! — Он весело подмигнул Иоганну Рихтеру. — Быстро ушел отсюда и не показывался больше. Я, — объяснил свой поступок Пес, — не хотел сделать ничего плохого. Просто решил слегка напугать его, а то он взял бы и подошел к Марине, помещал бы тебе.

— Нашел как напугать, ты нанес ему травму! — негодовал Иоганн Рихтер.

— Больше не буду. — Пес с виноватым видом посмотрел на своего друга. — Не сердись только, прости.

Глаза Пса были полны раскаяния.

Иоганн Рихтер обожает эти глаза. Он наклонился к Псу, поцеловал его в нос:

— Уже простил, — сказал от всего сердца.

— Хотя, — Пес вдруг очень серьезно посмотрел на врача, — может, зря я отпугнул Андриса. Наверное, было бы лучше, если бы он попытался встать между вами. Не нравилось мне, что ты встречаешься с Мариной. Не дело. Она ведь, сам понимаешь, откуда, а мы, друг, оттуда.

— Ты прав, я сам это всегда знал, — опустил голову Иоганн Рихтер.

— Не грусти, — утешил его Пес, — глядишь, она скоро забудет тебя. Жаль, Андрис сейчас сюда уже ни ногой. Меня испугался.

— Он испугался больше всего, что у него началась галлюцинации. Боится, что болезнь приобрела новую форму.

— Бедняга, — сочувственно вздохнул Пес и тут же добавил: — И Марину мне жалко. Она все время ходит расстроенная.

Они оба, и Иоганн Рихтер, и Пес, очень многое знают об Андрисе. Врач часто рассказывает Псу о художнике.

Он наблюдает за Велтой, Раймондсом и их сыном. Делает это с тех пор, как они вернулись в Ригу. Врач наблюдает за ними не так, как за остальными людьми. С особым вниманием, хотя никогда не показывался им на глаза. Дело в том, что Андрис и его отец — родственники Иоганна Рихтера, прямые потомки Вальтера, его родного брата. Оба — для призрака своего рода племянники.

При жизни у братьев были не лучшие отношения. Иоганн отказался продолжить отцовское дело: не стал писать иконы. Ему было интересно другое — лекарства, людская психика. Поэтому Иоганн — он тогда еще был совсем юным — переступил через семейные узы: ушел из дома, открыл аптеку. Родители перестали злиться с ним. Брат последовал их примеру.

С годами острота конфликта сгладилась. Отчасти помогло то, что Иоганн вылечил своего отца. Мазями поднял его на ноги, когда тот почти перестал ходить после того, как упал с лестницы. После этого родственники снова стали немного общаться с врачом.

Родители братьев Рихтер ушли из жизни, а они по-прежнему мало знали. Вальтер не мог до конца простить брату, что тот отошел от семейного дела: у них все в роду были иконописцами. А Иоганн сердился на Вальтера за то, что не понимал, не ценил его врачебные искания, успехи на этом поприще.

А затем Вальтер предал Иоганна. Не из-за непонимания, барьер которого всю жизнь стоял между ними. Это произошло из-за страха.

Вальтер был женат на женщине, которая стала лютеранкой. Ему было известно, что ее единоверцы решили расправиться с его братом. Но он не сообщил об этом Иоганну. Знал, что если сделает это, тоже станет врагом для фанатиков. Вальтер испугался не за себя, а за детей, которым без него было бы плохо. Их у него было пятеро, он их безумно любил.

Когда брата убивали, Вальтер ушел в свою мастерскую. Пытался писать иконы, но у него сильно дрожали руки.

Иоганн Рихтер узнал о предательстве брата. Это произошло, когда его замуровывали в стену церкви. Среди убийц был отец жены Вальтера. А между этим тощим стариком и его дочерью никогда не было секретов. Как не было их и между ней и Вальтером. Врач все это прекрасно знал.

Когда Иоганн Рихтер стал призраком, он не хотел видеть Вальтера. Но и не желал ему зла. Просто вычеркнул брата, а заодно и его детей из своей жизни.

Время шло. Вальтера не стало, а у его сыновей и дочерей появились свои дети.

Новые родственники призрака. Ни в чем перед ним не виновные. Врач понимал, что на детей Вальтера еще можно было распространить злость. Но было нелепо делать это в отношении его внуков. Врач почувствовал, что тянется к ним. Зов крови. Это не ушло, хотя он и стал призраком. Ему хотелось видеть их жизнь. Призраку казалось, что у него есть семья, когда он наблюдал за ними. Они не знали, не видели его, но он все равно был с ними.

Иоганн Рихтер следил за жизнью всех потомков Вальтера. Он встречал каждого новорожденного в их семьях. Провожал каждого умершего в последний путь. Незримый член клана Рихтеров...

Иногда врач помогал родственникам. Своим все более далеким от него по числу разделяющих поколений племянникам и племянницам.

У одного из них, Карла, была сильная депрессия. Это произошло во второй половине девятнадцатого века. Молодой человек пробовал себя как художник-импрессионист. У него не получались картины, в них не было чувства, настроения. Оттого Карл стал все видеть в черных тонах.

Но после того, как художника несколько раз посетил неведомый призрак, его настроение стало другим. Он снова начал рисовать. Его картины стали лучше. Они до сих пор хранятся в коллекциях латвийских музеев.

Иоганн Рихтер провел с племянником всего несколько сеансов гипноза. Он подавил депрессию Карла, усилил его уверенность в себе. Это помогло раскрыться таланту юноши. Карл так и не узнал, что ему помог брат прадеда в двенадцатом колене.

Андрис, кстати, не только талантом, но и внешне очень похож на Карла — двоюродного брата своего прапрадеда...

Когда-то у Иоганна Рихтера было немало родственников. Почти все потомки Вальтера отличались многодетностью. Но в позапрошлом веке что-то изменилось в этом роду. Все больше Рихтеров стало оставаться бездетными. А многие и вовсе не женились или не выходили замуж.

В начале двадцатого века в Риге жили всего четыре семьи, которые вели род от Вальтера. Три из них перед войной уехали в Германию. Тогда почти все рижские немцы покинули свою родину. Лишь одна семья — родители Раймондса и он сам — осталась в городе. В них было намного больше латышской крови, чем немецкой.

А вскоре после войны в Риге не стало и этой семьи. Депортация...

Родственники не знали о существовании врача-призрака, но все равно, пока они жили в Риге, он чувствовал, что родная кровь близко. Потом долгие годы врач ощущал себя одиноким.

Это прошло только когда Раймондс, Велта и Андрис вернулись в Латвию.

Андрис... Иоганн Рихтер с самого начала наблюдал за его болезнью. Он все проанализировал. С горечью согласился с психиатрами, которые лечили племянника, — юношу нельзя вылечить полностью. Можно лишь поддержать его лекарствами, которые не дадут болезни развиваться, ослабят ее. Но врачи никак не могли подобрать правильную схему лечения. Иоганн Рихтер составил свою схему. Был уверен — она окажется эффективной.

Ему пришлось явиться к одному из врачей, которые занимались Андрисом. Иоганн Рихтер в баре будто случайно подсел к этому доктору. Представился психиатром из Дании. Слово за слово, они заговорили о пациентах, зашла речь и об Андрисе. Иоганн Рихтер выслушал собеседника, а в конце разговора предложил ему свою схему лечения. Лечащий врач художника оказался восприимчивым. Он не преминул воспользоваться советом призрака. Болезнь Андриса, как и следовало ожидать, не прошла, но на ее развитии был поставлен крест.

Иоганн Рихтер всегда следил за племянником, сочувствовал ему, был в курсе всех его дел. Лишь в последние месяцы призрак почти забыл о художнике. Чувство к Марине вытеснило многое из его жизни.

Сейчас Иоганн Рихтер зол на себя. До чего дошел! Пес рассказывает ему об Андрисе — единственном молодом человеке, в котором течет его кровь.

Врач поспешил исправить свой грех. Несколько дней, заставляя себя не думать о Марине, наблюдал за племянником.

Молодой человек выглядит измученным, похудел. Взгляд тревожный, взволнованный. Видно, что его еще сильнее, чем прежде, терзают страхи. Но Андрис так

изменился не только из-за болезни. Дело еще в Марине, в любви к ней. Иоганн Рихтер понял это, когда увидел картины Андриса. Среди полотен, которые художник выставил для продажи, еще осталось несколько, на которых была изображена она. Стройная, босоногая, под дождем...

Да, племянник любит ее. Оттого и следовал за ними, когда Иоганн Рихтер провожал Марину. Наверное, встречал ее в городе. Только вряд ли подошел к ней. Врач знает, что у Андриса из-за болезни не складываются отношения с женщинами. Последние годы вообще живет как монах. А сейчас запал на Марину. Мучается, страдает. Надо помочь ему. Надо помочь Марине.

Она, как и Андрис, не идет из головы Иоганна Рихтера. Больно видеть, как погас огонек в ее глазах, который был таким ярким, когда она ночами встречалась с ним, с призраком.

Помочь одному... Помочь другой... Как решить эти задачи?

Почти сутки Иоганн Рихтер сидел в кресле на чердаке музея, думал. Сосредоточился, искал решение. Айну попросил не трогать его.

Врач нередко подолгу думает, в себя погружен. Ученному не обойтись без этого. Айна за столетия привыкла, что ее любимый так себя ведет.

Поэтому девушка-призрак выполнила просьбу врача. Но от одного вопроса она все-таки не удержалась.

— Ты продолжаешь думать о ней? — сердито спросила.

Она была раздосадована. На днях специально надела новую футболку с глубоким вырезом, самые модные шорты, ноги почти полностью обнажены в них. Все, как всегда, белого цвета. Но Иоганн Рихтер совсем не заметил ее красоты, подчеркнутой одеждой.

Девушка была радостной, когда вернулась в комнату на чердаке музея. Теперь все больше грустнеет. Видит, что врач не может забыть зеленоглазую женщину. Весь в своих думах. Даже на ее вопрос не ответил. Пришлось повторить.

— Да, думаю о ней. Но лишь потому, что снова в депрессии. Не тревожься, больше между нами ничего нет. А еще, — продолжил он, — я волнуюсь о племяннике.

— Что с ним? — с тревогой спросила Айна.

Она хорошо знает Андриса. Иоганн Рихтер рассказал ей все как есть.

Айна сочувствует врачу, ей жаль племянника. А что касается этой женщины, то она чувствует недосказанность в словах любимого. Это мучительно... Может, действительно, надо было навсегда уйти от Иоганна? Но как она будет жить без него? Ничего, утешает себя девушка, наверное, и правда Иоганн думает о Марине прежде всего как о больной. Во всяком случае, Айна очень надеется на это. Глядишь, все рассосется, она снова будет у любимого единственной женщиной.

А Иоганн Рихтер продолжает сидеть в кресле. Он никуда не хочет идти, это обязательно отвлечет его от размышлений.

Он вдруг ловит себя на мысли о том, что у призрака все-таки есть преимущества перед живым человеком. Тот бы точно не смог так долго оставаться в кресле, у него бы затекли мышцы. Призраку ничего подобное не грозит.

Марина... Андрис... Как быть с ними, что можно сделать? Вдруг Иоганн Рихтер вспомнил слова Крастиньша.

«Эх, переключить бы ее, Марину, на другое. На другого, вернее», — сказал тот, когда они в последний раз пили пиво. Врач на всякий случай хранил эту фразу в одном из дальних ящичков памяти. Теперь извлек оттуда, начал обдумывать. Вспомнил и сон Марины... Как же тогда не понял, что он в этом видении превратился в Андриса?! Может, и в жизни Андрис займет его место? Если подумать как следует, то можно одновременно помочь и ему, и Марине. Если подтолкнуть их друг к другу.

Вдруг между ними что-то возникнет? Тогда Марина точно забудет Иоганна Рихтера. Художник может понравиться ей. Врач неплохо узнал Марину. Ей нужен именно такой человек, как Андрис. Добрый, чуткий. Мечтательный, как сказал Пес. К тому же художник немного похож на Иоганна Рихтера. Даже глаза у обоих зеленые. Все-таки они родственники.

И Андрису станет лучше, если его чувство встретит отклик. Эмоции помогут приглушить болезнь. Врач в этом уверен. Но есть два препятствия. Первое — это он сам, Иоганн Рихтер. Он в душе у Марины. Но это, надеется врач, дело поправимое. На глаза Марине он больше не покажется. А как говорят русские, «с глаз долой, из сердца вон». Врач надеется, что эта поговорка окажется верной. Есть, конечно, кое-что еще. Его чувства... Делать нечего, он будет держать их в себе.

Другое препятствие будет, пожалуй, сложнее первого. Страхи художника. Из-за них он не смог жить ни с одной женщиной. Но, может, удастся преодолеть и это препятствие. Если Марина полюбит Андриса, если потянется к нему всем сердцем, то примет таким, каков он есть. Будет вести себя так, чтобы не смотреть ему в глаза. Это сложно, безумно сложно, но ей поможет любовь.

Марина способна на многое. У нее добрая, отзывчивая душа. Иоганн Рихтер чувствовал это каждый миг во время их встреч.

И Марине, и художнику, конечно, будет трудно, но что в жизни дается легко? А может, случится чудо...

Врач знает, что Андрис не боится взглядов Велты и Раймондса. Не исключено, что так же, пусть не сразу, произойдет и с Мариной. Возможно, племянник прежде по-настоящему не любил, а к ней будет испытывать настоящее чувство. Оно прогонит страх от ее взгляда. Если же у Марины и Андриса ничего не получится, то они просто расстанутся.

Иоганн Рихтер осознает — есть немалый риск того, что расставание обернется для них большой болью. Но Андрису вряд ли будет хуже, чем сейчас.

А Марина... Сколько она уже перенесла, отчасти, кстати, по его вине, Иоганна Рихтера. Удар от неудачных отношений с Андрисом, если он, конечно, будет, вряд ли окажется тяжелее, чем то, что обрушилось на нее в Москве, чем то, что переживает в Риге. Зато если у нее сложится с художником, то она навсегда станет счастливой.

Теперь, решает Иоганн Рихтер, главное — сделать так, чтобы они встретились. А там будет видно. В любом случае, он неподалеку. Вмешается, если потребуются. С Андрисом это будет легко сделать, племянник никогда не видел его. Марина... Здесь вряд ли что-нибудь получится. Хотя жизнь покажет.

Надо устроить первую встречу. Причем действовать следует быстро: и Марине, и Андрису по-настоящему плохо.

Иоганн Рихтер решает применить к Андрису гипноз. Побудить его прийти к дому Марины и ждать ее. День, другой, сколько потребуются, пока не встретятся. Если он понравится молодой женщине, то дальше уже почти все будет зависеть только от них. Почти! На этом слове призрак мысленно делает ударение. Он не собирается умыть руки.

Иоганн Рихтер встает из кресла. Взгляд его весел, но в душе — грусть, глубокая грусть. Он нашел путь к счастью Марины и Андриса. Нашел шанс, который надо использовать. Но... отдает любимую женщину другому.

— Придумал, как быть, — говорит он Айне.

Рассказывает ей свой план.

— Обязательно получится, — уверена девушка. — Все твои задумки бывают правильными.

Иоганн Рихтер ловит взгляд Айны. Она смотрит на него не только с привычным восхищением. В глазах — надежда. Надежда на то, что снова — может, это произойдет совсем скоро — она будет одна в сердце врача.

Айна устроилась на подоконнике, забралась на него с ногами. Очаровательная в своих коротеньких шортах, обтягивающей футболке...

Иоганн Рихтер подошел к ней, провел рукой по обнаженной ноге. Она ждала ласки, соскочила с подоконника, крепко обняла его.

И врач обнял девушку. Прижал к груди. А сам думает о другой. Хочет обнять ее. Он хочет к Марине. Прямо сейчас бы бросился к ней! Все на своем пути к этой женщине готов разбросать, горы перевернуть... Но сдержаться, снова надо себя сдерживать. Иоганн Рихтер делает над собой усилие, стремится подавить тягу к Марине.

Он не заметил, что очень сильно прижал к себе Айну.

— Ты что? — удивилась она.

Кому, как не ей, знать, что такие объятия не свойственны Иоганну. Он всегда бывает нежным в любви.

— Все в порядке, просто все больше осознаю, как соскучился по тебе. За то время, пока тебя со мной не было.

В этих словах — правда. Врач очень скучал без Айны. Но его страсть, которая выплеснулась в это объятие, была обращена только к Марине.

Иоганн Рихтер с трудом берет себя в руки. Теперь он обнимает Айну как обычно. В объятии — нежность, ласка. Это мгновение он отдает Айне. Благодарит девушку за ее преданность, за любовь.

— Пойдем ночью на набережную, погуляем? Хочешь? — предлагает ей.

— Очень. — Она, как всегда, немногословна.

Иоганн Рихтер уже представляет себе эту прогулку. Знает, что будет идти по городу, вспоминать о том, как бывал здесь с Мариной. Но рядом будет Айна, страстно любящая его Айна. Надо постараться поменьше мечтать о Марине. Ведь Айна это чувствует, ей плохо. «Старый друг лучше новых двух». Жаль, что эта поговорка не про женщин.

13

Утром Марина посмотрела в зеркало. Заставила себя улыбнуться. Она слышала, что так надо делать, чтобы настроение стало лучше. Улыбка, она это заметила, была невеселая. Может, поэтому этот нехитрый прием, как и в прошлые дни, не помог ей.

Она который раз подумала, что такое могло произойти только с ней. Надо же, тоскует по призраку. Ему нельзя даже позвонить или отправить СМС.

Шесть лет назад Марину оставил мужчина. Она звонила ему, посылала СМС. Он не отвечал, но все равно ей было легче, чем сейчас. Марина могла что-то делать, чтобы попытаться вернуть его. В случае с Иоганном Рихтером это невозможно. Ей больно вдвойне. Чувство к призраку несравнимо с тем, что она испытывала к тому мужчине. Оставил ее, ушел... Почему так решил? Он же любит ее!

Может, дело в Айне, о которой рассказывал? Может, чувство к ней, женщине-призраку, оказалось сильнее, чем любовь к Марине? Или Иоганн Рихтер просто не хочет, чтобы она пришла к нему, в его мир? Да, они из разных миров. Он не может вернуться в ее мир. А она... Она, возможно, со временем пошла бы к нему. Но что толку сейчас думать об этом?

Марина вообще старается не думать об Иоганне Рихтере. В этом молодой женщине помогает город, который она любит все больше. Она отвлекается, когда гуляет по прекрасной в своей красоте модерна улице Альберта, когда стоит на мостике, перекинутом через канал в парке, когда открывает для себя новые уголки старой Риги.

Конечно, лучше бы все это видеть вместе с ним, но оно прекрасно и само по себе. Даже когда из сердца не хочет уйти тоска.

Сказка города помогает Марине. Но все равно грустно, она чувствует пустоту в этом сказочном мире. Нет рядом того, кто помог его открыть, кто сам был частью его. Сказка без главного героя. Без ее, Марины, героя...

Красивая сказка, но грустная. В ней — пустота. Пустота в загадочной красоте прохладного туманного лета... Из-за этой пустоты Марина иногда бывает зла на все, и на Ригу тоже. Город кажется ей чужим. Но это ощущение быстро проходит.

Сегодня она снова собирается отправиться в город. Хочет уйти из дома, уйти подальше от зеркала — этой призрачной, но непреодолимой границы между мирами. Здесь так сильно тянет к нему... Но Марина знает, что вечером она снова подойдет к старинному зеркалу.

Иоганну Рихтеру надо применить гипноз к Андрису. Для этого они обязательно должны посмотреть друг другу в глаза. Но днем художник не сможет увидеть врача. Знает, им нужно встретиться либо ранним утром, либо ближе к ночи.

Врач знает, что утро отпадает. Художник приходит к кирхе ближе к полудню. С вечером дело обстоит немногим лучше. Андрис обычно, едва начинает темнеть, отправляется домой. Правда, нередко заходит в костел. Но все равно для Иоганна Рихтера это слишком рано.

Впрочем, вспоминает он, на днях католический праздник, и служба будет более длинной. Если Андрис задержится в костеле, можно действовать.

Иоганн Рихтер пришел к святому Екабу задолго до конца службы. Смотрел на входящих и выходящих из храма людей. Интересно, подумалось, есть ли среди них потомки тех, кто замуровал его в стену?..

А еще ему вдруг захотелось самому ненадолго зайти в костел. Все-таки в детстве бывал здесь с родителями. Не помолиться, конечно, просто послушать пение, взглянуть на древние стены. Прежде такого желания не возникало. Да, улыбнулся врач, он стал более мечтательным, сентиментальным с тех пор, как встретил Марину...

Было уже совсем темно, когда Андрис вышел из храма. Одним из последних покинул его. Молился о родителях, о себе. Просил Господа помочь ему снова обрести радость творчества, смягчить болезнь. И о незнакомке думал...

Художник был еще погружен в себя, в разговор с Богом, когда кто-то сзади окликнул его.

— С праздником! Подскажите, пожалуйста, как мне пройти на улицу Алксная?

Иоганн Рихтер не случайно вспомнил про эту улицу. Когда-то Рихтеры жили на ней. Там родились он и Вальтер...

Андрис обернулся. Ничего себе! Это тот мужчина, с которым он видел незнакомку.

Художник объяснил ему, как добраться до Алксная. Это сделать не так легко. Улица, на которую хочет попасть этот господин, на другом краю старого города. Для приезжего — рижанин не задал бы такой вопрос — настоящий лабиринт!

Андрис как следует разглядел незнакомца, пока рассказывал ему, как идти. Худой, невысокий, одет, как и прошлый раз, модно. Снова в основном в черное. Черты лица приятные, располагающие.

Но главное — в этом человека мощная энергетика. Андрис сразу ощутил это. Она — в зеленых глазах, которые почему-то не вызвали вспышки страха в художнике, хотя незнакомец все время внимательно смотрел на него.

— Недавно живу в Риге. Ориентируюсь пока неважно, — сказал худой господин, выслушав Андриса. — Спасибо за помощь.

Он приветливо улыбнулся и зашагал в сторону площади Ливов — первому из указанных Андрисом ориентиров на пути к улице Алксная.

Художник посмотрел вслед ему. Снова удивился удивительно легкой походке этого господина. И идет очень быстро. Возле костела много фонарей, а если отойти в сторону, то их почти нет. Не прошло и полминуты, как силуэт незнакомца слился с темнотой. Кто, интересно, этот человек? Иностранец, скорее всего, немец, решил Андрис. Он часто общается с немцами, когда продает картины. У незнакомца похожий акцент.

Из-за ревности Андрис не испытывал к этому человеку добрых чувств. Впрочем, отметил художник, ревность ревностью, но надо признать — у него очень приятная улыбка. Он весь располагает к себе. Такие нравятся людям. К ним тянутся женщины. Поэтому он и смог покоришь незнакомку, о которой мечтает Андрис.

Он вдруг ощущает, как сильно хочет ее увидеть. Ему нужен глоток воздуха, он не сможет без этого жить!

Решение приходит тут же. Он будет искать встречи с ней. Найдет ее обязательно, хоть издалека поглядит на нее. Пусть даже она будет с этим мужчиной.

Художник догадывается, где легче всего встретит незнакомку. В доме, на крыше которого установлен каменный пес.

«Начало положено», — с удовлетворением думает Иоганн Рихтер. Скоро Андрис увидит Марину. Может, оба будут счастливыми.

Но самому врачу грустно. Он не пошел гулять с Псом. Не захотел провести время и с Айной, попросил ее остаться дома. Она согласилась. Ничего не сказала, лишь молча кивнула.

Врач медленно шел по бульвару, слушал шелест листьев в прохладном ветре. Середина лета. Но с деревьев уже падают первые листья, улетают куда-то. И ему захотелось улететь, уйти куда-нибудь подальше от боли, от которой щемит сердце.

А Марина в это время сидела в кресле. Ей не спалось. Много курила. То и дело бросала взгляд в сторону старинного зеркала.

Она одна. В пустоте.

И Айна одна. Ей грустно. Ведь они всегда вместе ходят гулять. Для нее самые счастливые минуты — когда они, обнявшись, идут рядом. Только что, на днях, у них была такая хорошая прогулка по набережной. А сегодня Иоганн оставил ее дома.

Девушка чувствует: в душе у любимого — Марина. Никогда не уйдет оттуда эта зеленоглазая женщина! Из-за нее крутит Иоганна, он сам не свой, не может вернуться к прежней жизни... Анна и Жанна чувствуют настрой Айны. Они рады, возбуждаются. Начинают ласкать друг друга. Анна прижимается всем телом к спине Жанны, обнимает ее за шею, гладит ей груди. Руки Жанны скользят по бедрам сестры. Они медленно заводят друг друга, доходят до оргазма.

Ведьмы предвидят, что Айна еще придет к ним. Это будет, обязательно будет. Сладкие мысли...

Продолжение следует.

Светлана ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Продолжение. Начало в № 5 за 2004 г., в № 5–12 за 2013 г., в № 1 за 2014 г.

РАДУЖНОЕ СЧАСТЬЕ

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунок автора

8. ЛЮБОВНИК

Лизе не терпелось скорее позвонить по телефону, который она узнала. Наконец ей удалось это сделать.

Ответил мужчина.

— Здравствуйте, скажите, пожалуйста, здесь живет Таня Сытина?

На том конце послышались короткие гудки. Странно. Она набрала снова. Трубку не поднимали. Она поняла, что ее номер определился. Нужно пробовать с другого. С другого — тот же результат. Только сказала ее имя — сразу гудки.

Она не понимала, что делать. Что происходит? Как с ним поговорить?

С восьмой попытки, дождавшись, когда молодой человек ответит, Лиза закричала: «Молодой человек, пожалуйста, не кладите трубку! Мне очень нужно с вами поговорить!»

— О чем? — спросил он после паузы.

— О Татьяне.

— Зачем?

— Как зачем? Семья же рушится!

— Чья?

— Господи, я не знаю, как ваша, а моя — на грани развала.

— Опять из-за этой суки? — зло спросил он.

— Почему опять? А вы ее муж? — Она ничего не понимала.

— Да, но это не телефонный разговор.

— Конечно, давайте встретимся. Я вас очень прошу!

— Завтра в Измайлове в девятнадцать часов, сможете? Если что, вы мой номер знаете.

— Я думала, это домашний.

— Нет, это мой мобильный. До завтра.

— До свидания!

Лиза сомневалась: как узнают друг друга люди, которые никогда раньше не виделись? Очень легко! Они издавна узнали друг друга и пошли навстречу.

Он был высокий, голубоглазый, стройный. Лет тридцати с небольшим. Они поздоровались, и он предложил зайти в ближайшее кафе.

Он смотрел на нее с восхищением.

— Я не понимаю, что ваш муж нашел в этой шлюхе? Вы такая красивая!

— Спасибо за комплимент. Но объясните мне скорее, почему вы так к ней относитесь? И кто она вам? Жена или уже не жена?

— Честно сказать? — улыбнулся он.

— Пожалуйста, только честно. От этой постоянной лжи я просто скоро свихнусь.

— Она мне не жена, она моя бывшая любовница. Но это я считаю, что бывшая, а она считает по-другому.

— Подождите, она что, на два фронта работает? Она уже полгода как с моим мужем крутит.

— Полгода? Вот тварь! Хотите посмотреть, какие она мне сообщения пишет?

— Все еще пишет?

— Да, каждый день! Вот, например... — Он стал щелкать телефоном.

Лизе стало противно. Она представила, как эта женщина пишет одинаковые сообщения сразу двум мужчинам. Ей не хотелось смотреть, что она пишет ему.

— Кстати, мы даже не познакомились! Меня зовут Лиза, а вас? Дмитрий?

— Алексей. — Он продолжал нажимать кнопки мобильного. — Вот, можете посмотреть.

На его дисплее высветилось: «Алешенька, милый, как я люблю тебя, я схожу с ума, позвони!..»

— Достаточно! Мне противно это читать, потому что это ложь!

— Я знаю, но никак не могу от нее отвязаться. Самое интересное, что она и моему другу пишет. Мы иногда сравниваем время и содержание и смеемся.

— Пишет другу? А почему другу? — не поняла Лиза.

— Когда я решил с ней расстаться, она украла у меня документы. Там был список совета директоров с телефонами. Мой друг тоже был в этом списке. Она стала ему названивать, говорить, что давно его любит, но не могла раньше решиться сказать об этом. Говорит ему: «Я же помню, как ты на меня смотрел!» Друг не поддался. Рассказал мне.

— Она поехала дальше по списочку. Но это все ерунда. Она у меня сперла пакет акций и с помощью вашего мужа оформила эти акции на своего ребенка. Можно сказать, что обанкротила меня. А я, дурак, ей машину купил, квартиру, деньги валил, за учебу платил.

— Квартиру в Москве?

— Нет, это было еще в Волгограде. Там — квартира, там — машина, если она ее не перегнала, там же — учеба.

— А теперь, наверное, мой за учебу платит. Кажется, она учится на юриста?

— Нет, за учебу я ей все до конца заплатил! Да какое это образование? Академия МВД! Раньше была Школа милиции! Одно название и выкачивание денег! Хотя ваш-то об этом может не знать. Наверное, тоже платит! — засмеялся Алексей.

— А какое у нее образование?

— Она говорила, что филологическое. Но это неправда.

— Почему?

— Потому что она двух слов связать не может, о литературе с ней невозможно разговаривать, она ничего не читала, а пишет с какими ошибками!

— Это я заметила.

— Она даже в эсэмэсках умудряется делать по несколько ошибок, вот возьмем любую! — Алексей опять полез в телефон.

— Я знаю, не надо! Ведь моему она пишет то же самое! И возможно, одновременно пишет вам и вашему другу! Ужас! А кто такой Дима? Вы не знаете?

— Нет. Не слышал. А что?

— Она сейчас на сессии, я позвонила ей на домашний волгоградский телефон, не успела рта открыть, она говорит: «Димуля, ну не молчи, я же знаю, что это ты! Димуля!»

— Я же говорю, она шлюха!

— Я должна рассказать об этом мужу.

— Не надо, он сейчас в таком состоянии, он вам не поверит. Только себе хуже сделаете.

— В каком таком он состоянии? — возмутилась Лиза.

— Понимаете, я когда с ней познакомился, я был как дурак. Я ничего не видел и не слышал, кроме нее. Я тогда жил в Москве, а она в Волгограде. Так я каждую неделю летал к ней на самолете на выходные. Я ничего не сообщал. Мы с ней по три дня из постели не вылезали. Извините за такие подробности. Но у меня никогда такого не было раньше. Это потом я стал анализировать, замечать кое-что, делать выводы. А сначала — полная нирвана. Потом я узнал, что она пользуется всякими возбуждителями — духами с феромонами, каплями, — совершенно не соблюдая инструкцию. Ей наплевать на мое здоровье, главное, побольше выдоить. Она будет стараться спаивать вашего мужа. Потому что с пьяным легче договориться.

— Он действительно стал больше пить в последнее время.

— Лиза, вам сейчас нужно потерпеть. Относитесь к нему как к больному, с лаской, заботой, он умный мужчина, он быстро увидит, что она из себя представляет.

— С лаской, с заботой?! — возмутилась Лиза. — Что вы такое говорите, вы даже представить себе не можете, что я испытала, когда узнала об этом! Я чуть с ума не сошла, я постоянно реву. А вы — с лаской, с заботой. Если бы я не любила его, мне бы было все равно. Тогда я могла бы экспериментировать. Пряник или кнут. Прикинулась бы слегка обиженной и стала бы вить из него веревки. А я — люблю его! Этого лысого негодяя! И мне обидно, что настоящие чувства он меняет на обман. Мне хочется открыть ему глаза на нее.

— Нужно немного подождать. Она и вам стала названивать?

— Позвонила и стала все рассказывать. Это был какой-то кошмар!

— Вы знаете, она уже четвертую пару пытается так развести. Она выбирает себе «жертву». Обычно это довольно состоятельный мужчина. Затаскивает его в постель. А как вы знаете, это несложно.

— Нет, не знаю.

— Не затаскивали?

— Нет, не приходилось. Как-то больше меня норовят затащить.

— Затащила в постель — полдела сделано. Потом она начинает названивать жене и говорить, что она дура, ничего не знает, а ее муж любит совсем другую женщину. И рассказывает все и даже больше, чем есть на самом деле! Дома начинаются истерики. Какой жене это понравится? А она белая и пушистая. С еще большей лаской и вниманием. И еще... не хотел вам говорить... — Он замялся.

— Говорите, пожалуйста, я хочу знать про нее как можно больше.

— Она, конечно, в постели сильна. Она раньше работала проституткой по обслуживанию ВИП-клиентов. Они обслуживали сауну. У нее закрутился роман с одним алюминиевым магнатом. Она как сыр в масле каталась до тех пор, пока не заразила его сифилисом. Это случилось в девяносто первом году. Я думаю, что ваш муж в состоянии проверить такие сведения, в Волгограде не так много вендиспансеров.

— Какой кошмар! А он лечится?

— До конца, наверное, нет.

— Ну что вы такое говорите? Вы специально? Хотите меня напугать? — Лиза чуть не расплакалась.

— Успокойтесь, сейчас, кажется, все лечат, — улыбнулся он, — я ведь раньше вас пострадал, а все еще жив!

— А откуда вы узнали эту информацию?

— Я же говорю вам, сначала ослеп от счастья, а потом вдруг прозрел. Думаю, господи, что же я делаю? Как я мог связаться с этой страшной, лживой женщиной? Она не любит своего сына. Она просто ненавидит его. Постоянно бьет его. Мне его было так жалко. А она объясняет это тем, что сын очень похож на отца. А отец у него наркоман. Бил ее, издевался над ними. Мне стало ее жалко. Я решил найти этого козла. Нашел. Очень порядочный, умный, интеллигентный человек. Очень жалел ребенка. Она не дает им видеться.

Потом с отцом такая же ерунда. Она говорит, что ее отец ненавидит ее. Он работает каким-то начальником, и для того, чтобы лучше решать свои дела, приглашает в дом гостей, а Таньку заставляет охмурять кого-нибудь из них. Подкладывает свою дочь то под одного, то под другого. Я взбесился. Хотел ему морду набить. Она была со мной согласна. Побежала со мной посмотреть, как ее отца будут бить. Оказалось все вранье. Не отец он ей, а отчим, воспитывает ее с детства, а она как смотрела на него волчком, так и смотрит до сих пор. Оказался классный мужик, не может он такими делами заниматься.

Стал я тогда о ней справки наводить. Вот и узнал кое-что.

— Вы называете это «кое-что»?!

— Это еще не все!

— Не убивайте меня! Столько отрицательной информации за один раз!

— Мы можем встретиться еще, если вы устали воспринимать информацию.

— Нет, давайте сейчас.

— Я не знаю, верите вы в колдовство или нет, но она этим занимается. Сначала я сам не верил. Потом пришлось поверить. Когда решил расстаться с ней, очень болел. В поликлинике ничего не могли определить. Анализы ужасные, самочувствие еще хуже, а врачи ничего не находят. Гардеробщица посоветовала идти в церковь, помолиться о здоровье, поставить свечку. Когда ехал от нее, три раза в кювет залетел. Всю машину угробил, сам чуть живой остался. Она страшная женщина. Она от дьявола! Она не хотела, чтобы я звонил домой, когда приезжал к ней, устраивала мне истерики. Потом не хотела, чтобы я уезжал. Заставляла развестись. Говорит, давай выгоним твою жену из дома и будем там жить. Сейчас эта мысль не укладывается в моей голове, а тогда мне казалось это справедливым. Ведь жена у меня никогда не работала, значит, ничего не заработала.

— Она и мне сказала, что выгонит меня из квартиры, что я буду жить на помойке вместе со своими детьми.

— Вот сука. Она будет сейчас внушать ему эту мысль.

— Я надеюсь, до этого не дойдет. Он очень любит своего сына. Ну ладно, Алексей, мы с вами так долго просидели, спасибо вам за информацию.

— Не за что, звоните.

— Спасибо, что согласились со мной встретиться!

— Извините, что бросал трубку, но я как услышу это имя, мне дурно становится.

— А как ваша жена перенесла все это?

— Я не знаю, я готов был ползать у нее в ногах, вымаливать прощение. Конечно, ей было трудно. Вы можете поговорить с ней. Может быть, это поможет вам пережить самое трудное время.

— Да, я хочу с ней поговорить.

— Запишите наш домашний телефон. Я предупрежу ее. Ну все, удачи вам!

— Спасибо, до свидания.

— Я думаю, мы с вами еще встретимся. До свидания!

9. ДЕТИ

Незаметно наступил конец августа. Антон гостил у Кати. Возвращаться в Москву не торопился. Наверное, друзья не отпускали его обратно. Он уже два раза менял билет. Наконец позвонила Катя, сказала, что завтра выезжают. Почему они едут вдвоем? Антон должен был вернуться один. Катюша, наверное, соскучилась, хочет увидеться.

Муж дал машину с водителем. Неожиданно. Лиза встретила их, привезла домой. Все радовались встрече и друг другу. Обнимались, целовались, разговаривали.

После обеда Ванюша уснул. А старшие дети пригорюнились.

Лиза чувствовала: что-то их беспокоит. Но что?

— Говорите, — сказала она.

Они переглянулись. Вздохнули, опустили глаза и стали препираться, кто начнет говорить.

— В общем, я не буду здесь больше жить, — сказал Антон и опустил голову.

— Ты хотел сказать — «не хочешь»? — поправила его Лиза.

— Он сказал то, что хотел сказать, — вступилась за брата Катя.

— Как это «не буду»? Что значит — «не буду»? Ты еще не можешь сам решать, где тебе жить, для этого есть я. — Лиза говорила как можно спокойнее.

— Mam, мы уже все решили. Я приехала, чтобы поддержать его. Ты бы его одного не отпустила обратно, — стала говорить Катя.

— Я его и с тобой не отпущу обратно! Как же вы все решили, не посоветовавшись со мной? Давно вы у меня такие самостоятельные? — Лиза была в шоке.

— Mam, ему плохо здесь, неужели ты не видишь?

Антон наклонил голову ниже, чтобы не видно было слез.

— Я вижу, но мне кажется, что ко всему можно привыкнуть, нужно только потерпеть. Здесь больше перспектив для вашей дальнейшей жизни. Я жду, когда Катя придет к нам... а они... что надумали. Как вы там будете одни? — Лиза чуть не заплакала.

— Мы-то хорошо! Как раньше, а вот как ты?! Может, не нужно его прощать? Поехали все вместе, а?

— А как Ванюша?

— А как мы? Выросли! С такой мамой можно жить и без папы!

— Но, может быть, он не виноват, нужно разобраться.

— Ну мам, ты пока разбирайся, тебе даже легче будет без нас.

— Да вы что?! Легче! Как я без вас?

— С Ваней!

Лиза не знала, что делать. Она была совершенно не готова к такой новости. Отпустить Антона она не могла. Но не отпустить... Он живет как отшельник. Сидит вечно в своей комнате. Всегда грустный, тихий. Последнее время Лиза даже боялась за его здоровье. Сядет, устанет в одну точку и головой двигает из стороны в сторону. Спрашиваешь — отвечает не сразу. Может, и правда пусть едет.

— А как со школой?

— Нужно забрать документы, а там я уже договорилась, он будет учиться в моей гимназии! Классно?! — Катя чувствовала, что мама почти согласилась.

Она хлопнула Антошку по плечу.

— Не реви, мужик ты или кто? Мама отпускает тебя, да, мамочка?! Но только я тебе не мама, будешь у меня как шелковый! Сначала уроки, потом все остальное.

Антон был готов на все, лишь бы подальше от этой Москвы, от этой школы и от Евгения Ивановича.

Отношения у них совершенно не складывались. Он Антона просто не замечал. За все время, что они жили в Москве, Евгений Иванович и пяти минут с ним не пообщался. Только любил делать замечания в грубой форме, обращаясь не к Антону, а куда-то мимо него. «Опять мусор не вынес?», «Поел и поставил свою тарелку в раковину, а кто должен мыть?» Лизе было обидно это слышать, так как у самого Евгения Ивановича взрослая дочь, а тарелку даже до раковины никогда не доносит. А зачем? У нее для этого есть домработница. А эту тарелку все равно Лиза будет мыть, зачем тогда возмущаться?

— Ладно, давайте попробуем. Только в девять вечера чтобы оба были дома. Буду контролировать!

— Да не волнуйся ты, контролерша наша. Все будет хорошо! Мы уже взрослые. Помнишь, ты нас маленьких оставляла на неделю?

— Вот и сходила с ума: как вы там, где вы там, сыты ли, не замерзли ли, не потеряли ли ключи?

— А теперь расслабься. Думай о Ванечке. Хотя сейчас тебе вряд ли можно расслабиться. Mamочка, почему ты такая несчастливая у нас? Третий раз — и опять не везет.

— Не знаю... Может, потому что все слишком красиво начиналось! Так не бывает! Счастье мое казалось таким ярким, стремительным и радужным. А радуга... она очень красива, но быстро исчезает. Может быть, я действительно вернусь в Пермь. И снова стану летать. Единственная проблема — бабушка с дедушкой. Не оставишь же их здесь одних.

— Ладно, давайте собираться! У нас завтра поезд!

— Ах вы, поросята такие, а если бы я не разрешила вам? У вас уже обратные билеты куплены?

— Мы же знаем, что ты у нас самая добрая мама на свете! — захохотали они.

Антошка ожил. Стало приятно на него смотреть.

— К чему приведет эта моя доброта? Катюша, заканчивай скорее институт и приезжай сюда жить.

— Нет уж, мамочка, это не для меня! Я в Москве жить не хочу.

— Тут уровень жизни лучше и работу можно найти приличную.

— Нет, нет, не уговаривай, даже слушать не хочу! — Катя была категорически против переезда в Москву.

На следующий день Лиза проводила детей. Расплакалась в вагоне. Плакала всю дорогу. Дома легла на диван в большой комнате и пребывала в каком-то забытии. Из глаз текли слезы. Она лежала на спине, скрестив руки на груди. Внутри все болело и кололо. «Как в гробу, — по-

думала она. — Но в гробу мне было бы легче, не надо переживать и плакать, и ничего бы не болело».

Появился муж. Какое-то время ходил мимо, потом подошел и сказал: «Все будет хорошо!»

Уже ничего никогда не будет... Семья развалилась, даже Антошка уехал.

— Пойдем, я ужин приготовил! Есть французское вино, будешь?

Если бы это прозвучало на полгода раньше... она бы испытала счастье, а теперь... ей ничего не надо. Ничего. Но она взяла себя в руки и поплелась на кухню, чтобы не обижать мужа.

10. ИТАЛИЯ

Муж собирался в командировку. Решил взять с собой Лизу. Ванечку оставили у бабушки с дедушкой.

Но ее ничего не радовало. Наоборот, ее стало раздражать все. Что муж к ней слишком часто стоит спиной. Что он очень невнимательный. Что переводчик гораздо больше о ней заботится, чем собственный муж. Переводчиком был высокий мужчина лет шестидесяти семи. Его звали Герман Викторович. Коренной москвич. Из настоящих интеллигентов в нескольких поколениях. Как сильно он отличался от ее мужа. Она смотрела теперь на

мужа другими глазами. Казалось, это совсем другой человек. Почему она раньше ничего не замечала?

С переводчиком они встретились в Шереметьево. Стояли втроем и разговаривали. Лиза и Герман Викторович разговаривали увлеченно, а Евгений Иванович вставлял пару фраз, но в разговоре его не было. Он находился где-то в другом месте. Каждую приличную женщину он провожал взглядом, каждую неприличную — более пристальным взглядом. Он стоял рядом, но в то же время его не было.

Прошли паспортный контроль, вошли в зал ожидания. Лиза обратила внимание на красивую женщину с ребенком. Рядом с ними пустовало много свободных мест. Герман с Лизой направились туда. А Женя, будь он не ладен, с ними не пошел, а сел напротив и закурил сигарету. Он делал это так вычурно и демонстративно, медленно и смачно выпускал колечки дыма, высоко поднимая подбородок. Лиза не могла оторвать от него удивленный взгляд. И не только Лиза.

В самолете он тоже заглядывался на каждую женщину. Лиза была в ужасе. То ли она совсем не знает своего мужа, то ли он издевается над ней. Но если второе — то чересчур жестоко! Сейчас ему нужно выбрать совершенно другую тактику.

Они прилетели в Милан, в город, где на каждом шагу брендовые бутики. Лиза знала, что у мужа с собой три

тысячи евро. Неплохие командировочные! Она как истинная женщина рванула в первый попавший магазин. Муж остановил ее.

— Мы не можем ходить по магазинам, когда с нами Герман Викторович. Это неприлично, что, он будет ждать тебя?

Они ходили по городу, рассматривали достопримечательности. Становилось очень жарко. Хотелось зайти в какой-нибудь магазинчик, отвести душу, освежиться под кондиционером. При всем уважении к Герману Викторовичу Лизе хотелось поскорее с ним расстаться. Но мужчины решили, что нужно где-нибудь посидеть, попить пиво. Лизе заказали вино и мороженое, но радости от этого она не ощутила.

Наконец Герман захотел отдохнуть и отправился в отель. Лиза обрадовалась и потащила мужа по магазинам. Он сказал, что у самого отеля, в котором они поселились, есть огромный многоэтажный универсам, что на сегодня хватит и его. Она согласилась.

Им действительно хватило. Два этажа — женской одежды, два этажа — мужской, один этаж детский и целый этаж — женского белья! Такого красивого — Лиза зашла туда и чуть не ослепла. Но все, что бы ей ни приглянулось, было оговорено мужем. Ему не нравилось ничего, он ходил с кислым выражением лица. Просто он не хотел ничего покупать. Лиза расстроилась и пошла на выход.

Вечером они пошли искать ресторан, чтобы поужинать. Но все рестораны работали с семи часов вечера. У них в запасе оказался целый час.

— Пойдем пройдемся по магазинчикам! — предложил муж и думал, что Лиза обрадуется.

— Зачем? Чтобы только посмотреть и ничего не купить? Уж лучше в музей! — ответила Лиза.

Наконец они нашли открытый ресторанчик, поужинали там и пошли в отель, рассуждая о том, что итальянская кухня говорит, что итальянцы жили бедно. Готовили из того, что под руку попадет: на кусок теста можно накрошить все, что найдете в холодильнике: мясо, рыбу, колбасу, грибы, зелень.

Легли спать, полные впечатлений. В шикарном номере, на шикарной кровати, со всеми вытекающими последствиями.

Ровно в семь часов утра раздался самый противный на свете звук. Звук мобильного телефона мужа. Говорили довольно громко, голос был женский. Лиза прильнула к трубке с другой стороны. Она подумала, что что-то случилось, вдруг это звонят родители в такую рань. Муж подскочил, как ошпаренный.

Понятно, звонила она. Он совершенно не мог разговаривать, только «да» или «нет».

Поговорив, он лег и собрался спать дальше.

— Кто это звонил? — спросила Лиза.

— По работе, — ответил он, не открывая глаз.

— В такую рань?

— В Москве девять часов.

— Это звонила она?

— С чего ты взяла?

— Потому что ты соскочил с кровати, чтобы мне не было слышно, что тебе говорят.

— Я просто должен был кое-что записать, поэтому пошел к столу.

— А пока шел, передумал записывать! Решил, что так запомнишь! — Лиза взбесилась. Она слышала, что звонила его секретарша.

— Просто отпала необходимость!

— Зачем ты мне врешь, ты же знаешь, что своим враньем ты расстраиваешь меня больше всего! Это звонила она?

— Да!

— Что ей надо в семь часов? Она специально выводит меня из себя? Она клялась мне сыном, что только по работе будет общаться с тобой!

— Она сегодня вышла на работу после сессии.

— Не могла дожидаться девяти утра, чтобы доложить об этом?

— Я не хочу больше обсуждать это. Я хочу спать, — сказал он и тут же заснул.

Лиза снова мучилась. Она редела, ее трясло, сердце выскакивало из груди. Она металась на кровати, и так больше и не смогла заснуть.

Утром муж встал довольный, умылся, побрился и весь сиял.

Лиза же не могла встать. После переживаний она чувствовала себя совершенно разбитой.

После завтрака их возили по музеям, а после обеда муж предложил поспать, так как вечером по протоколу банкет. Он улегся и сразу заснул. Лиза днем никогда не спала. Сначала она долго не могла уснуть, а потом долго не могла проснуться. Некоторые люди говорят, что им достаточно двадцати минут, чтобы почувствовать себя человеком. Лизе, чтобы чувствовать себя человеком, лучше днем совсем не ложиться. Но если такое случилось, то нужно не меньше трех часов.

Ее муж об этом не знал. Он выспался. Бодренький и довольный проснулся и стал будить Лизу. Она не просыпалась. Он думал, что она притворяется, так как она отвечала ему и тут же вырубалась опять. Он уже сам погладил себе одежду. Начал на нее покрикивать. Говорил, что они могут опоздать.

Лиза окончательно проснулась, но встать не могла. Она вспомнила сказку про спящую царевну.

— Поцелуй меня, — сказала она, — тогда я и проснусь!

— Вставай, не придумывай.

— Пока не поцелуешь, не встану! — заигрывала Лиза.

— А я сказал, встанешь. — Он начал злиться.

Лиза обиделась, закуталась в одеяло с головой и решила, что ни за что не встанет, пока он ее не поцелует. А по протоколу на этот банкет всем президентам нотариусов разных стран полагалось явиться с женами. Бледно он там будет выглядеть без нее...

Она слышала, как он пыхтел, кряхтел (он всегда кряхтит, когда волнуется), громко топал, что-то швырял.

— Последний раз спрашиваю, пойдешь на банкет? — Он был злой как никогда.

Она выглянула из-под одеяла. Первое, что попало ей на глаза — его ноги. Он был уже в туфлях.

— Последний раз предлагаю решить вопрос мирным путем! — Она улыбнулась, высунула лицо из-под одеяла и закрыла глаза.

В ответ она услышала захлопнувшуюся дверь. «Размечталась! Это же не принц, а какой-то Женя-дурак! Хорошо, что он меня не поцеловал, а то превратилась бы в какую-нибудь жабу! А он бы потом мою одежду сжег! Чтобы навсегда осталась жабой безмолвной. Одежду сначала купить нужно, а он и на это не способен. Может, если он сожжет мои отрепья, я буду ходить голой? Но он же и этого не заметит. Будет только думать, почему это все вокруг на них так смотрят?! Вернее, не на них, а на него!

Лежала она, придумывала всякие небылицы, чтобы поднять себе настроение, как вдруг дверь резко открылась. Она притихла под одеялом.

— Ты все еще не встала? — Его голос был совсем другим. Он стал ласковым и добрым. — Я посмотрел, там еще половины делегации нет. Какие непунктуальные люди! Ну давай, давай, вставай! У тебя еще есть время! — Он потянул с нее одеяло.

Она посмотрела на него. Целовать ее он явно не собирался. Какой же он упрямый. «Но я тоже упрямая, — подумала она, — больше я не буду смотреть на него широко открытыми глазами и делать все, что он скажет».

— Это у тебя еще есть время, — сказала она и потянула назад одеяло.

Он соскочил и побежал к выходу, что-то бубня себе под нос. Наверное, говорил про Лизу какие-нибудь гадости. Пусть идет один.

Она немного помучилась и снова заснула.

Разбудил ее вернувшийся муж. Он был ужасно пьян. Вся его рубашка была облита красным вином.

— На кого ты похож? — спросила она спросонья.

— Вот, нечаянно облился, все из-за тебя, между прочим! — еле выговорил он.

— Я-то тут при чем? — не поняла Лиза.

— Ты не пошла со мной, ко мне стали приставать чужие женщины.

— Они что, поливали тебя вином? — безразлично спросила она. — Наверное, чья-то жена махнула правой рукой и облила тебя вином, махнула левой... и... у тебя глаза на месте? Кости не прилетели? — захихикала Лиза.

— Кто прилетел? Никто не прилетел... — бубнил пьяный муж.

— Ну и хорошо! Ложись спать.

— Ты что, не рада, что я пришел? Меня здесь никто не ждет? Тогда я пошел!

Лиза не шелохнулась. Пусть идет. Кому он тут нужен! Только в Москве, если кто видит, что он ездит с водителем, кто знает, что он занимает определенную должность, кто наблюдает, как он расплачивается в магазине, достав обязательно увесистую пачку денег, — только тогда на него вешаются женщины. А если он поедет на метро, хоть кто-нибудь обратит на него внимание? Конечно, нет. А проститутки этой тут нет, пусть пойдет погуляет. Хотя нет, не надо лишний раз показываться президенту российского нотариата в таком виде.

— Я ждала тебя, ложись спать. Завтра рано вставать. Кстати, отключи на своем телефоне звук, а то опять в семь часов разбудит.

— Заколебала! — зло выдавил он.

— И меня тоже! Как же она меня заколебала... поэтому, будь добр, отключи звук.

— Не собираюсь. — Он еле разделся и рухнул в кровать.

Через пять минут Лиза пожалела, что у нее нет берушей и что она весь вечер проспала.

Ровно в семь раздался звонок, от которого Лизу опять начало трясти. Конечно, это снова звонила она. И конечно, они снова поругались с утра. Он тут же заснул, а она помучилась еще два часа.

Днем они снова поехали на экскурсию. Там она познакомилась с женой президента канадского нотариата — милой и очаровательной женщиной. Ей уже исполнилось семьдесят три года, но у них с мужем сохранились такие трогательные отношения, которые невозможно сыграть! Между ней и Лизой возникла взаимная симпатия. Они общались всю дорогу. Разговаривали на английском языке.

Элизабет — так звали новую Лизину знакомую — рассказала ей свою историю. Элизабет, как и полагается женам богатых мужей — а юристы в Канаде относятся к богатым людям, — сидела дома. Она рожала и воспитывала детей. К сорока годам у них с мужем подрастало шестеро детей! Муж преуспевал в юриспруденции, а у жены не было ни образования, ни профессии. Но это совершенно не волновало ее до тех пор, пока она не поняла, что дети скоро вырастут, а муж вечно на работе.

В сорок лет она поступила в университет на юридический факультет. Вместе с молодыми выучилась там на криминалиста. Через пять лет она устроилась на работу. И вот уже почти тридцать лет занимается любимым делом. Она очень веселая, обаятельная и хорошо выглядит. Говорит, что муж был против, когда она «бросила» детей и пошла учиться. Пришлось ему оплачивать няню и домработницу. Но потом он постарался ее понять, и все наладилось. Лиза искренне порадовалась за них. «Значит,

в сорок лет можно все изменить? Где-то я уже это слышала!»

11. ОПЕРАЦИЯ

Сколько Лиза себя помнила, всю жизнь у нее болел отец. Он сердечник с целым букетом сердечных болезней. Ему все время предлагали операцию, но он отказывался. После таких операций люди жили самое большее пять лет. А он скрипел и скрипел потихоньку. Но наступил момент, когда он стал чувствовать себя ужасно. Сразу после того, как он узнал о любовнице Лизиного мужа, он резко сдал. Стал постоянно пить какие-то таблетки, капли, сильно похудел, задыхался, даже поднимаясь на второй этаж.

Нужно было срочно что-то делать. Весной Лиза ходила в центр Бакулева обследовать сердце по рекомендации брата. Он сам тогда созвонился с врачами и договорился обо всем. Теперь она решила повести туда же отца.

Его долго водили из кабинета в кабинет, потом попросили посидеть в коридоре.

— Ваш отец умирает. Ему осталось от силы месяц, — сказала врач.

— Как это умирает? Вы что? — У Лизы потекли слезы.

— Все, его сердце не справляется.

— И ничего нельзя сделать?

— Теперь вряд ли. Раньше нужно было. Но попробовать можно!

— Давайте попробуем! Что нам нужно для этого сделать?

— Для этого нужно полторы тысячи долларов на операцию...

— Мы согласны!

— Полторы тысячи долларов на искусственный клапан, четыреста долларов на лекарство, триста — врачам реанимации, и того набегает около трех тысяч!

— Мы подумаем.

— Думайте быстрее, делать нужно срочно. Тянуть нельзя даже полмесяца.

— Хорошо. Что нам нужно для подготовки, какие документы, анализы, чтобы не терять время?

— Я вам все напишу. Только не тяните. Вы сами видели, как работает его сердце.

— У меня все плохо? — спросил отец, как только дочь вышла из кабинета.

— Нет, пока еще ничего! Но предложили операцию. — Она пыталась говорить как можно оптимистичнее.

— А сколько стоит? — спросил он.

— Какая разница?!

— Большая. Сколько?

— Две тысячи.

— Долларов?

— Конечно, долларов, пойдём.

— Не надо мне никакую операцию за такие деньги.

— Не говори глупости.

— Сколько проживу, столько и проживу! Я не мечтал, что увижу тебя взрослой, а дожил до взрослых внуков.

— Еще не все внуки взрослые, а только Катя!

— Этого достаточно, я счастлив.

— Пап, ну что ты говоришь? Я думаю, что Евгений даст нам деньги на операцию. Тем более что он обещал мне подарок на день рождения за двенадцать тысяч долларов. А теперь необходимость в этом подарке отпала. Теперь мне ничего от него не нужно. Поэтому, думаю, что на операцию у него деньги есть. Все будет хорошо!

Муж согласился почти сразу, правда, немного повозмущался, что очень дорого.

Операцию назначили на 18 сентября. Ухаживать за больным после операции должны родственники. Решили, что первые сутки это будет делать Лиза. Она переживала, что мама увидит папу в таком состоянии и ей самой нужна будет нянька.

Настал день операции. Лиза постоянно звонила и узнавала, привезли его в реанимацию или нет. Мама с Ванечкой были в Домодедове. Ждали вестей от Лизы. Супруг работал, а вечером собрался в командировку.

Лиза звонила уже на протяжении восьми часов. Ей отвечали, что в реанимацию такой не поступал. Она начала психовать. Пыталась звонить по другим телефонам, узнать, закончилась операция или нет. Ничего не могла выяснить. Ехать в больницу было бесполезно, так как туда все равно не пустят.

Она ходила по комнате как маятник. Ничего не ела и не пила. Ей не хотелось ничего, кроме одного — узнать хоть что-нибудь! Нет, не что-нибудь, узнать, что операция прошла успешно!

Наконец ей сказали, что операция закончена, но на вопрос: «Как чувствует себя больной?» ответили, что не могут сказать по телефону, ей нужно приехать. Она поняла, что отец умер. Она сидела и рыдала с трубкой в руках. Потом позвонила мужу.

— Привет, — сказала она чужим голосом.

— Как дела? — Он тоже волновался.

— Они не говорят точно, но сказали, что по телефону не скажут, значит, он умер! — Она зарыдала в трубку.

— Подожди, я сейчас попробую узнать, успокойся, тебе никто не сказал, что он умер.

Она никогда не думала, что будет так переживать. Она всегда умела держать себя в руках. А тут нервы совсем сдали. Муж гуляет, сын уехал, отец умер. Как тут не сдадут нервы? Она смотрела на телефон и не могла дожждаться звонка от мужа.

Раздался звонок. Лиза вцепилась в трубку, но боялась поднести ее к уху, как будто это поможет не случиться тому, о чем она боялась услышать.

— Ну что, шалава, тебя можно поздравить?! Это еще цветочки! Скоро и ты со всеми своими улюблюдками ока-

жешься на помойке! Или в психушке! Если бы не Ванька, Евгений Иванович давно бы тебя бросил! Я обещаю тебе, что решу эту проблему, чего бы мне это ни стоило, — говорил мурлыкающий, сильно акающий и самый мерзкий голос.

Ничего не сказав, Лиза положила трубку. Она почувствовала себя маленьким кроликом в клетке с удавом. Откуда она узнала?! Господи! Только бы отец был жив!

Снова раздался звонок. Вдруг это опять она? Наплевать.

— Они ничего не говорят конкретного, говорят, приезжайте. Я им говорю, что мне нужно решить, ехать в командировку или нет! Они тогда сказали, что пока жив, но в очень тяжелом состоянии. Я тогда сейчас поеду на вокзал, а Андрея пришлю тебе. Он тебя отвезет в больницу. Если что, звони. Пока, — сказал муж.

Лиза свернулась калачиком на диване. Снова во всем теле началась дрожь. Она думала, что нужно скорее позвонить маме и сказать, что уже все хорошо. Успокоить ее. Но она не смогла говорить, потому что ее снова так сильно колотило, что стучали зубы. Она пошла выпить что-нибудь успокоительного. Ничего не нашла. Открыла бар. Сделала большой глоток коньяка, который стоял с краю. Стало немного легче. Позвонила маме.

— Мамочка, все хорошо, он уже в реанимации.

— Слава богу! — Слышно было, как мама плачет.

— Скоро приедет Андрей, и я поеду в больницу.

— Туда же не пускают.

— По телефону ничего толком не говорят, я хочу вызвать врачей из реанимации, поговорить с ними, денег дать...

— Хорошо, хорошо, поезжай! Потом нам позвони, как он там. — Она снова заплакала.

Около реанимации толпилось много народу. Кто-то сидел, кто-то ходил из угла в угол, некоторые стояли как вкопанные. Люди находились тут часами. Кто-то собирался остаться на ночь. Люди, объединенные одним горем, помогали и сочувствовали друг другу. Лиза увидела молодых родителей, которые ждали, когда переведут их ребенка в реанимацию. Она ужаснулась. Сколько горя пережили эти люди, а их маленький? А сколько испытаний у них еще впереди? Ведь если ставить искусственный клапан, то его нужно потом менять, так как ребенок растет. Не дай бог, чтобы дети болели!

Лиза дождалась врача. Это был худой, сутулый, озирающийся по сторонам очкарик. Может, это не врач, а медбрат из реанимации?

— Он очень тяжелый. Мы не можем его отключить от вентиляции легких.

— Что это значит?

— Он не хочет сам дышать. Деньги принесли?

— Да, а сколько я должна?

— Вам не сказали?

— Триста?

— Да. — Он оттопырил карман.

Она стала рыться в сумочке.

— Что же вы не подготовились к встрече? — спросил он, озираясь по сторонам.

— Извините, сделайте что-нибудь, я вас очень прошу! — Она сунула ему в карман деньги и стала плакать.

— Мы делаем! Не волнуйтесь! Делаем все возможное!

— Когда его переведут в палату?

— Не будем загадывать, вам позвонят! — Он похлопал ее по плечу и ушел.

Оставаться и стоять здесь, среди людского горя не было ни сил, ни смысла. Она уехала домой. Уснуть ей не удалось. Она собрала все необходимое, чтобы сразу поехать к отцу, если его все-таки переведут из реанимации в палату, и все время ждала звонка.

Позвонили днем. Удалось заставить дышать самостоятельно, переводят в палату. Она позвонила Андрею, маме и мужу. Сообщила всем приятную новость и помчалась в больницу, как на крыльях.

Зашла в палату и снова заплакала. Папа был уже там. Он лежал у окна. Какой-то маленький, седой и очень бледный. Черты лица заострились. Около него стояла капельница, провод от которой тянулся в область ключицы. На груди у него лежал небольшой черный аппарат, который что-то показывал и мигал лампочками. К этому аппарату два тоненьких, цветных проводка выходили прямо из шва на груди. Видимо, они подключены к сердцу. Но это еще не все! Самая страшная машина стояла около кровати. От нее два толстых и прозрачных шланга были вставлены в нижнюю часть грудной клетки. Шланг должен был откачивать изнутри скопившуюся сукровицу. Его нужно включать через каждые двадцать минут и выключать после пяти минут работы. Он тархтел, как трактор. Вид у него такой же доисторический, как у первого трактора. Видимо, сделан он как минимум лет сорок назад, а может, и больше!

Отец лежал с закрытыми глазами. Может, он спал. В палате кроме него находилось еще четыре человека. После операции был только отец. Остальные готовились. Обстановка довольно напряженная. Лизе хотелось подбодрить всех, но она не могла. Такое жуткое впечатление на нее производил отец со всеми этими приборами и шлангами.

Зашла врач. Молодая, красивая мулатка с огромными глазами, темной кожей и потрясающей голливудской улыбкой.

— Меня зовут Элеонора Венсентовна! Я ваш лечащий врач! — Она протянула руку.

— Елизавета Альбертовна, дочь. — Она кивнула на отца и пожала руку врача.

— Сейчас я вам покажу, что вы должны будете делать со всеми этими приборами. Ночью спать вам не придется, так как перерывы делать нельзя! Готовы?

— Конечно. — Лиза попыталась улыбнуться.

Элеонора Венсентовна быстро рассказала и показала, как и для чего существуют все эти приборы. Лиза слушала и смотрела, боясь пропустить каждое слово.

— Операция прошла очень хорошо, сейчас самое главное — соблюдать все рекомендации и не залеживаться. Но сегодня, конечно, вставать нельзя, я думаю, сегодня у него не возникнет такого желания. Если что, вызывайте медсестру, вот кнопка.

Лиза села около кровати. Хорошо, что она настояла первой дежурить у отца. Мама бы просто не запомнила, что и в какой последовательности нужно делать.

Папа открыл глаза. Они стали слишком светлые. Он всю жизнь мечтал иметь голубые глаза. Кажется, его мечта осуществилась. Они стали серо-голубыми, но какими-то мутными. Он смотрел ничего не понимающим взглядом. Потом увидел дочь и попытался улыбнуться.

— Я с тобой, все хорошо! — сказала она.

Он ответил что-то очень невнятно и тихо. Полежал немного и попытался привстать. У него не хватило сил, но он повторил попытку. Со всех сторон зашевелились шланги и трубки. Лиза испугалась, что что-нибудь нарушится в его приборах, она попыталась его уложить, но не понимала, как это сделать, боялась причинить боль.

— Ты куда, тебе нельзя вставать, лежи! — сказала Лиза.

— Мне надо! — тихо прошептал он.

— Что тебе надо? Для этого у тебя есть утка!

— Ну конечно, я еще не умер...

— Это для живых и тех, кто хочет жить долго и счастливо!

— Нет, я хочу курить, — с трудом выговорил он.

— Ты что? Как ты собираешься курить?

— Доведешь меня до туалета.

— Как со всем этим имуществом мы сдвинемся с места? Ты посмотри, сколько всего к тебе подключено.

Он стал рассматривать. Медленно обвел глазами все приспособления и смачно выматерился.

— Что я, теперь без курева буду? — еле выговорил он.

— Ничего, немного потерпишь! Лежи спокойно, а то я боюсь за твои приборы.

— Я не могу спокойно лежать, я все отлежал.

— Тебе пока не разрешили вставать, потерпи.

Он злился и начинал нести всякую ерунду. Говорил не связанные между собой и непонятные слова, потом затихал, потом вспоминал про курево и опять пытался встать. Лиза объясняла ему одно и то же несколько раз. Но каждый раз для него был как первый. Он словно бредил. Может, это у него от наркоза? Конечно, провести под наркозом почти девять часов! Будешь тут бредить.

За ночь он много раз порывался встать, хотел даже выдрать из себя капельницу, чем вывел Лизу из терпения.

— Завтра придет мама, и ты будешь делать все что хочешь, а я тебе не мама! Со мной ты будешь делать то, что скажу я! — повысила она голос и начала плакать.

Она так устала за эти сутки! Больше, чем с маленьким ребенком. Его хотя бы можно пожалеть, поносить на руках, успокоить. А тут! Жалко, на руки не взять, успокоить невозможно...

12. НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

Отец потихоньку шел на поправку. Лиза с мамой дежурили у него по очереди. Лиза чувствовала себя разбитой, все время хотела спать, ничего не могла есть. Вдруг она почувствовала, что она беременна. Боже! Этого не может быть! Когда она была близка с мужем? В ту страшную ночь, когда она все узнала, она не предохранялась, так как была в полубморочном состоянии. Нужно срочно купить тест.

Тест показал беременность. Она пошла к гинекологу. Ей сделали УЗИ.

— Как вы можете чувствовать себя беременной, если ваш эмбриончик размером с пшеничное зернышко? Ему нет и месяца! Недели две-три! Какие чувствительные женщины пошли! — улыбнулась врач. — Что делать будем? Рожать?

— Нет, у меня уже трое, — грустно сказала Лиза.

— Где трое, там и четвертому место найдется! — настаивала врачиха.

— Я с мужем хочу развестись.

— Почему?

— Гуляет.

— Они все гуляют!

— Нет, мой предает.

— Это хуже. Такая женщина! Куда этот идиот смотрит!

— Приходите послезавтра с пеленкой к девяти.

— Нет, я пока подумаю.

— Подумайте, хорошо подумайте.

Только этого сейчас не хватало. «Господи, ну сколько можно мне испытаний посылать? Мне же невыносимо жалко убивать ребенка! Но в теперешнем положении... сохранить его — невозможно... Нужно сказать мужу».

Может, Бог специально послал этого ребенка, чтобы они помирились? Лиза посчитала, кто должен родиться, это девочка, она родится тоже в июне, как Ванюша. Она опять передумала всякое. А может, ему не говорить? Нет уж, почему она одна должна решать.

— У нас, кажется, будет ребенок! — сказала она за ужином.

Он посмотрел на нее так, будто она сказала, что сегодня будет спать в их спальне со своим любовником.

— Только попробуй! Я сразу с тобой разведусь! — Он выскочил из кухни, как ненормальный.

Правду говорят, что бабы — дуры! «Размечталась! Рожу девочку, помиримся!» Лиза швырнула вилку и расплакалась.

— Боишься, что твоя проститутка узнает, что ты спишь со мной?! — крикнула она. — Готов ради этого пожертвовать жизнью собственного ребенка?

— Заткнись, дура! — крикнул он в ответ.

— Почему ты считаешь, что я должна одна решать проблемы, которые возникают в нашей семье, кстати, не по моей вине?

— У меня нет проблем! — ответил он. — Если у тебя есть проблемы, ты их и решай!

После этого она ушла спать в Антошкину комнату. Там нет ни мужа, ни его храпа, ни его мобильного с невыносимыми звонками и сообщениями, но там было очень шумно. Окна эркера выходили на Волоколамское шоссе.

Идти на аборт она боялась. Лучше поехать в Пермь к Мариночке Петровне.

На следующий день раздался звонок.

— Ну что, как дела? — спросила секретарша, как старая знакомая.

— Нормально, — ответила Лиза.

— Ты в Пермь еще не уехала?

— Зачем?

— Жить, работать, воспитывать детей! Мне сказали, что твои дети бросили тебя! Отец чуть жив! Муж не спит с тобой! Чего ты ждешь? У тебя что, совсем нет гордости?

Лиза бросила трубку. Потом, немного подумав, набрала ее мобильный.

— У тебя неверные сведения, Антон скоро приедет, отец почти здоров, а самое главное — с мужем у нас мир и любовь! Мы ждем ребенка, постарайся больше не нервировать меня, имей совесть! — Она положила трубку.

Через некоторое время позвонил муж.

— Тебе, видимо, заняться нечем? Зачем ты звонишь Татьяне и мешаешь ей работать?

— А может, это она мне звонит?

— Она показывала наш номер на ее мобильном. Ты же никогда не врешь?

— Она первая мне позвонила. Какое она имеет право звонить мне домой и говорить всякие гадости?

— А она говорит, что это ты постоянно ей звонишь и оскорбляешь ее. Еще ребенка приплела, которого нет!

— Ребенок уже есть! Прекратите меня нервировать! — Лиза швырнула трубку.

Перед глазами всплыло то «зернышко», которое она увидела на мониторе.

«Мне очень жаль, но если ты родишься, будет еще хуже. Я не смогу родить тебя здорового в этой обстановке, прости меня», — разговаривала она вслух с маленьким зернышком.

Может, она уже не совсем здорова? Как жить дальше? Что делать?

«Почему он меня не любит больше? А может, он меня не любил никогда?» От этой мысли прошелся холодок по спине. «Я подвернулась ему со своим ребенком, когда ему нужно было баллотироваться в президенты. Конечно! Если бы он любил меня, то сделал бы предложение гораздо раньше. Времени было предостаточно! А он сделал предложение только когда ему засветила эта выборная должность! Есть разница, если в анкете написано “Отличный семьянин, имеет жену и двоих детей” или “Разведен, имеет двоих детей”. А еще, не дай бог, кто-нибудь разносит, что ребенок-то внебрачный! Вот вам и ответ на все вопросы! Я — прикрытие! Которое всегда можно подвинуть! Зачем нужно было меня добиваться так долго? Чтобы удовлетворить свое мужское самолюбие. А теперь он мстит мне за то, что так долго пришлось меня добиваться! Конечно, из-за должности женился на мне. До этого ни разу не обмолвился о свадьбе, хотя были очень веские основания для этого».

Лиза поехала в Пермь. Проведать детей. Повидаться с девочками и главное — к Мариночке Петровне. Надо делать аборт. Теперь она вряд ли будет сбегать от нее. С Катюшкой проболтали полночи. Перемыли мерину все кости. Утром дочь проводила мать на аборт. После института, сказала, заберет. Вот как бывает! Все наоборот.

Лиза боялась больше всех. В палате стоял невозможный холод. Лиза легла под одеяло и отвернулась к стене. Тома рассказала ей, что когда она делала аборт, у нее были страшные галлюцинации во время наркоза. Она видела огромный стеллаж со множеством ящичков. Там стояли женщины и складывали в эти ящички души неродившихся детей.

Пришла Марина Петровна и увела Лизу с собой. Лиза вся тряслась. Марина ее успокаивала.

— Расслабься, Лиза, ты должна потерпеть. Сейчас тебе сделают укольчик. Не бойся, я ничего не начну, пока ты не заснешь. Кажется-я мо-о-ожно-о-о-о... — Слова растягивались и переходили в какой-то звон.

Лиза вдруг полетела по какой-то огромной спирали вниз. Она неслась с такой скоростью, что кричала от страха. Потом она затормозила в каком-то помещении, где вдоль стен стояли стеллажи с маленькими ящичками. Две женщины в странных одеждах и головных уборах стояли к Лизе спиной, они что-то делали около стеллажа. А одна, которая стояла к ней ближе всех, повернулась, и Лиза смотрела на нее во все глаза. На ней был обтягивающий комбинезон, который состоял из больших чешуек и переливался всеми цветами радуги. Головной убор был из такого же материала, был высокий и раздвоенный наверху.

— Представляете, она отказалась рожать эту девочку! — сказала она тем двум с каким-то презрением. — Что будем делать?

— В таком случае она выполнила свою миссию на Земле! — равнодушно сказала одна из двух.

— Ты права! — ответила первая и толкнула Лизу дальше.

Лиза покати́лась с такой скоростью по этому туннелю, что ей казалось, что она даже не задевает его, а летит все дальше вниз, делая при этом какие-то жуткие повороты. Казалось, что сейчас она прилетит прямо в ад.

— Как это я выполнила свою миссию, а мои дети, они же не смогут без меня! — кричала она изо всех сил и хотела, чтобы ее услышали.

Она раскинула руки и ноги, чтобы притормозить немного, но ничего не получалось.

— А эти смогут? Значит, и те смогут! — услышала она в ответ.

— Нет, мне нужно в Москву, там у меня Ванечка. Он совсем маленький. Ему два годика, ну пожалуйста! — закричала она еще громче и заплакала от ужаса.

Она полетела дальше. Скорость все увеличивалась, а спираль была все круче и круче. Вскоре она начала кричать от страха, ей становилось все хуже и хуже от этих полетов. Потом она услышала, как рядом кто-то стонет. Она прислушалась. Стонали совсем близко. Снова прислушалась. Стоны прекратились. Потом опять кто-то застонал. Оказалось, что это стонет она. Она хочет вернуться в реальность, но не может. Хочет открыть глаза, но ничего не видит. Но слышит собственные стоны, и к ним примешиваются еще какие-то голоса. Постепенно к ней возвращается зрение. Она видит, что она как лежала на кровати лицом к стене, так и лежит. Она не понимает, была она уже там или нет? «Если нет, то я должна родить этого ребенка», — думает Лиза. Потом у нее в памяти всплывает, как ее уговаривала Марина Петровна. Значит, уже все?

— Просыпаемся! — услышала она громкий голос и почувствовала, как ее трясет чья-то крепкая рука.

Ей стало еще хуже. Она подумала, что сейчас ее вырвет. Она хотела ответить, чтобы ее больше не трясло, что она уже проснулась. Но получалось только стонать. В палате к тому моменту уже никого из женщин не было.

Через два часа она сидела в приемном покое и ждала, когда приедет Катя. Самочувствие было отвратительное. Голова кружилась, тошнило.

Лиза думала, что когда муж увидит огромный разноцветный синяк, который остался после анестезии на ее запястье, то обязательно проникнется к ней жалостью или почувствует себя виноватым, и они помириятся.

Ей так хотелось поплакаться ему в жилетку. Она соскучилась по нему, по нормальным отношениям.

Но муж ничего не заметил на ее руке. Или сделал вид. Он даже ничего не спросил. И не соскучился. Скучать ему было некогда.

13. ПОПЫТКА ПОГОВОРИТЬ СНОВА ПРОВАЛИЛАСЬ

Лиза пыталась рассказать мужу о том, что она узнала об этой страшной женщине. Все, о чем ей рассказал Алексей. Муж не хотел ее даже слушать.

— Где ты ходишь, собираешь эти грязные сплетни? Почему ты решила, что я тебе поверю? — зло сказал он.

— Я могу тебя познакомить с человеком, который все тебе о ней расскажет.

— Пусть запишется ко мне на прием, а я подумаю.

— Это нужно не ему, это нужно тебе, он может показать тебе, что пишет ему твоя возлюбленная.

— И что же она ему пишет? — спросил он, зло передразнивая Лизу.

— Любовные сообщения, такие же, как тебе.

— Да что ты говоришь? И с чего это я должен верить всяким бредням?

— У меня есть доказательства.

— Я не хочу больше обсуждать это!

— А я хочу! Почему ты не уволил ее до сих пор?

— Ты сама в этом виновата!

— Я!?

— Да, не надо было ей названивать.

— Это я ей названивала? Да это она звонит мне каждый день, когда ты на работе. Ей, видимо, там совсем нечем заняться. Я прошу тебя оградить меня от ее общения, если ты не сделаешь этого, то придется это сделать мне!

— Ты еще будешь угрожать?

— Я не угрожаю, я предупреждаю. Если ты не собираешься решать проблемы, которые возникли по твоей вине...

— У меня нет проблем, у меня все замечательно! Я, кажется, тебе уже говорил!

— А у меня есть проблемы. Как наступает пять часов вечера, я начинаю сходить с ума. Мне плохо, понимаешь, я только и думаю, чем вы там занимаетесь.

— Если тебе больше не о чем подумать, то ты можешь думать все что угодно.

— Мне нужно отвлечься, чем-то заняться. Милка зовет меня в фитнес-клуб. Купи мне, пожалуйста, абонемент в «Планета-фитнес». Там сейчас скидки.

— Сколько стоит абонемент?

— Пятьсот долларов.

— Сколько?! Ты что, откуда у меня такие деньги?

— Это же на год! А ходить можно хоть каждый день!

— Лучше ребенка заведи от бабушки, а про фитнес — забудь!

— Пока ребенок поживет там, он не должен жить в атмосфере с постоянными выяснениями отношений.

— А ты не выясняй!

— Ты будешь гулять, переписываться любовными записками, а я не буду выяснять отношения?! Я буду говорить тебе, что ты самый заботливый и лучший?!

— А ты не лезь в мой телефон — и не будешь знать то, что тебе не положено.

— Я никогда не лазила в твой телефон! Но все равно узнала. И это все продолжается и продолжается. Ты даже не можешь поставить свою секретаршу на место.

Этот разговор происходил в Антошиной комнате. Муж сидел за компьютером и спокойно раскладывал пасьянс. Иногда так увлекался, что переспрашивал у жены самые неподходящие фразы. Казалось, он издевается над ней. Она чуть не плачет, а ему хоть бы хны! Он сидит и играет в игрушки, не обращая внимания ни на то, что она говорит ему, ни на ее проблемы, ни на нее саму. Она стояла за его спиной и пыталась с ним серьезно поговорить. Но ему это было не нужно.

— Дай мне денег на фитнес! Мы завтра договорились идти туда.

— Иди заработай! — не поворачиваясь, ответил муж.

— Хорошо, устрой меня куда-нибудь, у меня экономическое образование. Я с удовольствием пойду работать.

— Куда я тебя устрою? Ты что, юрист? Все мои знакомые исключительно юристы! Иди куда-нибудь в соседний магазин — продавцом!

— С какой стати я пойду продавцом? — Лиза взбежалась.

— А что ты еще сможешь? — радовался он своему остроумию.

Лиза ушла. Она поняла, что разговаривать с ним бесполезно. Долго плакала в ванной комнате. Потом умылась, пошла на кухню. Стала думать, как жить дальше.

«Вот и в нашу жизнь пришла известная формула коммунизма: “Верхи не могут жить по-старому, а низы — не хотят”. Значит, выход один — революция?!»

Она составила план действий.

Первым пунктом поставила устроиться на работу. Но как в чужом городе без рекомендации, без стажа устроиться на работу?

Вторым пунктом — уйти от мужа. Но сделать это она сможет только тогда, когда будет иметь нормальный заработок, чтобы содержать детей.

Третий пункт — доказать, что она сможет работать не только продавцом. Что она сможет жить без него! Она должна заняться карьерой! В сорок лет?! Так, так... с чего начать?

Продолжение следует.

Тамара ЖИРМУНСКАЯ

«ОТ ПРОШЛОГО ЖИЗНЬ ПРОСТОРНЕЙ...»

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ДНЕВНИК

Продолжение. Начало в № 2, 4–12 за 2013 г., № 1 за 2014 г.

ГЛАВА 12 МОЙ ФЕРДИНАНД

Бывший однокурсник меня удивил. В малотиражном русскоязычном сборнике, из тех, что зовутся «братской могилой», зацепился взглядом за мое негромкое имя, раскидал пласты чужих, неинтересных ему стихов (а что «раскидывает» и мало чем интересуется в отечественной поэзии, я помнила еще с институтских времен) и вытащил на разрушительный свет мой единственный опубликованный там стишок. Мало того: созвонился с составительницей, обретающейся в Штутгарте, узнал, жива ли я еще, и если да, то где меня искать, потребовал мой мюнхенский телефон и однажды утром театрально поставленным, хорошо мне знакомым голосом (правда, с легкой ущербинкой — вероятно, от неполнозубости) отрекомендовался:

— Это я, Вася. Твой Фердинанд!..

Ну, моим-то он никогда не был. И Фердинандом состоял недолго, по совместительству: в четвертом семестре мы вместе играли в институтской постановке «Коварства и любви»: я, естественно, Луизу...

Василий Бетаки появился у нас в Литературном институте на втором курсе. Перешел с заочного отделения.

Не он один перешел. Рядом с ним, бурным и кудлатым, еще меланхоличнее казался лысоватый не блондин даже, а почти альбинос: Юрий Казаков. Если из Васи слова так и выпрыгивали, то этот больше молчал; мучительно заикался. К Юрию-большому с первых дней прикипел Юрий-маленький с подходящей фамилией: Коринец. «Корень», «коренастый», «укорененный» — все эти смыслы роились вокруг Юры-маленького. Про такого говорится: в земле — корешок, а над землей — вершок. Но мал он был не как лилипут, а как... Карлик Нос, злой волшебницей сотворенный из прекрасного мальчика. И писал для детей — стихи и прозу. «Как у нашей бабки / Жили-были лапки...» Это — начало его милого стихотворения про кошку.

Парой предстали перед нами и две новые студентки: брюнетка Катя Судакова, прозаик, и блондинка Люся Щипахина, поэт. Русская Катя от какой-то прабабки с пугачевской реки Яик взяла полукалмыцкую внешность, приземистую фигуру; нрав же имела ангельский и тоже писала для детей. Сталинградка Люся внешне — точно девушка с кондитерской коробки, но никакой приторно-

сти в ней не чувствовалось. Наоборот, с первых дней проявляла твердость, трезвость, порой резкость...

Итак, две пары и Василий Бетаки. Впрочем, пара имела и у него. Жена. Саша. Вроде бы законная. В прошлом начинающая танцовщица, после травмы ноги подрабатывала кройкой-шьем. На лекциях не присутствовала, но преданно маячила в некотором отдалении. Своему любимому мужу (а что любимый — мы не сомневались) сшила модный пиджак и брюки гольф бежево-розового цвета. Себе из остатков материи — такую же узкую юбку. «Два абрикоса», — с улыбкой говорила о них Катя Судакова, отличавшаяся детски образным видением.

Ну, один «абрикос», а именно худенькая Саша, вскоре куда-то закатился и навсегда исчез из нашего поля зрения. А второй... Проучившись с нами на очном меньше года, оставил по себе неуываемую память...

В пятидесятые годы революционные праздники отмечались в нашей стране неуклонно, по традиции. В очередной день солидарности всех трудящихся несколько человек с курса собрались у меня, в нашем бахрушинском доме (русский модерн начала двадцатого века), в единственной принадлежащей семье комнате многонаселенной коммуналки. Мои родители тоже были тут. Выпив водки и обожаемого москвичами кагора («церковным вином» называла его мама), закусив селедкой, салатом и пирогами, стали по кругу читать стихи. Всем хватало места. Только Рим Ахмедов, башкир по национальности, впрочем, писавший по-русски, почему-то стоял, приклонившись спиной к нашему старинному, похожему на немецкий замок, буфету. Не может быть, чтобы моя услужливая мама не предложила принести табуретку с кухни или стул от соседей. Он стоял, потому что хотел стоять. Все знали, что Рим, внешностью и ростом похожий на викинга, не столь уж могуч, как кажется. Он подрабатывал то ли ночным сторожем, то ли истопником, вечно недосыпал. И случалось, что на лекциях проваливался в сон, испуганно вздрагивая, когда лектор угрожающе повышал голос.

И вот мы сидим, а Рим стоит, блаженно улыбаясь, если что-то в чужих стихах его трогает, смущенно опускает ресницы, если стихи — мимо. Ласковый, ко всем лояльный, он, кажется, ни разу никого не обидел, не назвал бездарью, не уличил в аморалке. Полкурса ему симпатизировало, а Гена Лисин (будущий поэт-нонконформист и лауреат пастернаковской премии Геннадий Айги) был так к нему привязан, что все годы учебы делил с ним комнатушку в переделкинском общежитии...

Очередь читать была за Васей. Он встал, не выходя из-за стола, принял соответствующую позу, его абрикосовый пиджак слегка топорщился, очень чистая рубашка, как белый костер, пылала над ширпотребными тарелками и рюмками.

Мой отец смотрит на него пристально. Василий ему нравится. В нем есть нерв, самостоятельность, свободо-

любие — все, что ценится отцом с его студенческой революционной молодости и чего, вероятно, не хватает ему во мне и других моих приятелях. У меня старый отец. По возрасту он годится мне в дедушки. «Давайте, давайте! — подстегивает он Василия. — Покажите, на что вы годитесь!» А того и подстегивать не нужно. Взял с места в карьер и понесся, не разбирая дороги: громкий рокот, цокот, топот стихотворных стоп не могли оставить равнодушным и флегматика...

Стихи были о Пушкине. Не знаю, печатал ли их когда-нибудь взыскательный к себе автор. В тех книгах, что у меня есть, памятных стихов я не нашла.

За столом — шумное одобрение. Особенно доволен Гена Лисин. По нему чем стихи заковыристее, тем лучше. Как пишет он сам, мы, в сущности, не знаем; по-чувашски, говорят, звучит отлично, нам же известны только подстрочники. Но скоро, очень скоро его необычные верлибры будут читаться нарасхват, и до нас долетит напутствие строгого Михаила Светлова: «Если вы не станете выдающимся поэтом, Геннадий, вы меня обидите...»

Васю приветствуют, усаживают за стол, наливают полную рюмку. Вдруг раздается чей-то смех. Рим уснул. Как стоял, так и уснул стоя. Пробовали растормошить — не просыпается. Тогда живого, как мертвого, бережно перенесли на диван, где он и проспал благополучно до утра. А на рассвете, надо думать, вскочил, ничего не понимая, ужаснулся себе, при его-то деликатности, и выскочил из квартиры до нашего — моего и родителей — пробуждения.

Долго потом вспоминали: «Это как же надо было изнечить, чтобы отключиться под Васино чтение! Бедный Рим! Смотрите-ка: под лирические стихи поэтец, вроде тихие, не уснул. А под Васины — сподобился. Бедный Вася...»

Я была о Бетаки другого мнения. Мой отец говорил «живчик», и Вася вполне оправдывал это название. Он гремел на семинарах и лекциях, причем отстаивал «культурные ценности», неведомые большинству наших студентов. Благодаря своему отцу я еще кое-что знала сверх программы, краем уха слышала о Леониде Андрееве, Белом, Северяnine, Бальмонте. Но для большинства моих соучеников русская классика кончалась Чеховым. Потом начиналась советская литература, которая, как младенец к материнской груди, припадала к живительному методу социалистического реализма. Будто по накатанному рельсу Лев Толстой переходил в Александра Фадеева, Некрасов — в Твардовского и Исаковского, Чехов — в Горького. Это были вершины, на которые нам предлагали равняться. Достоевский и Блок набирались в учебниках мелким шрифтом. Еще живые тогда Ахматова, Пастернак, недавно ушедший из жизни Андрей Платонов были для многих студентов чем-то вроде картин «безыдейных» художников, пылившихся в музейных запасниках.

Нет, нет, я не хочу оглуплять то время недолгой тепели — оно было, оно обнадеживало. Даже морозоустойчивые (мелькнул в печати такой эпитет — т. е. не попавшие под молох насилия) современные писатели-иконы — Паустовский, Катаев, Каверин, Панова, Эренбург — переживали вторую молодость в литературе. Среднее, военное поколение, заявляло все громче: я есть! Не погибли на полях Отечественной — авось уцелеем и в кабинетно-журнальных баталиях «всем смертям назло». Молодые же, непуганые, со всех концов необъятной страны стекавшиеся в Литинститут поэты и прозаики уже дерзали и дерзили всюду.

От нас чего-то ждали. Нового, необычного. Мы — первый послесталинский набор молодых писателей. Так что Вася попал в институт как раз вовремя. Но те замысловатые пути, которые нам предстояли, едва ли мог вместить юношеский и тем более девичий ум. Оставалось их пройти, оглянуться назад и удивиться превратностям судьбы. Если кто-то наверху сочиняет сюжеты нашего бытия, приходится признать: многое в нем написано, по выражению одного профессора Литинститута, словами, которые плавают на поверхности чернильницы.

Давно нет ни тех чернил, ни чернильниц, а слова такие остались...

Вася не был похож на представителя великого русского народа. Вылитый итальянец (неореалистические filmy мы тогда смотрели с жадностью). Заочников тянули за уши, а Василий так не хотел. Много знал, читал, хотел узнать и прочесть еще больше. К радости одних, к досаде других, после второго курса решил вернуться в родной Ленинград. Для него это город Медного Всадника, Блаженной Ксении, четырех клодтовских коней на Аничковом мосту. Не без скандала окончил Литинститут (подробности в романе «Снова Казанова» и в Интернете). Стал известным переводчиком. Выпустил книгу оригинальных стихов. А в начале семидесятых исчез, уехал. По слухам, во Францию. Навсегда — иного варианта судьба тогда не предлагала. И вот вдруг опять возник на моем горизонте. Через несколько десятков лет...

Два года продолжалось наше заочное общение. Звонки, имейлы. Однажды Вася прислал мне стихи. С посвящением. И, хотя личной направленности они не имели, все равно было приятно. «Как будто в корень голову шампунем / Мне вымыл парикмахер Франсуа...» (О. Мандельштам).

Т. Жирмунской

Была такая песня на свете —
«Моря и горы... Веселый ветер».
Вот я и вею. Вот я и шарю.
Пока есть место на этом шаре.
Но мало времени и места мало.
А все, что видел, в строчки попало:

Вечным ямбом звенит петербургский гранит,
Он с луврской набережной слит.
И как белый стих — всякой рифмы мимо —
Проползают песчаники Иерусалима.

Что шуршала мне злая донская трава?
Что свистели Канарские острова?
Что шептали загадочно мозаики Равенны
Или падуанские фрески Джотто?
А меж Сциллой и Харибдой в проливе пенном
Меня рычаньем приветствовал кто-то.

Шумит, матерясь, новгородское вече.
А Рим так весел с утра.
Людям распахивает руки навстречу
Собор Святого Петра...
Бесконечный пестрый всемирный базар!
Не хватает чего-то? Разве?
Привези-ка в Париж мне Тверской бульвар
Весь от Пушкина до Тимирязева:
Там описан Булгаковым некий дом...
Так вот я иногда вспоминаю о нем.

Повспоминаю и я вслед за Васей...
Осень 1954-го — весна 1955 года.

Полтора года прошло после смерти Сталина, и целый год остался до официального разоблачения культа личности. Уже вышла из печати книга Эренбурга «Оттепель», мой отец-книголюб купил, а вернее, достал ее, я прочла и не испытала никаких особенных чувств. Стихи и переводы Эренбурга мне нравились гораздо больше. Очень удивилась бы, если бы узнала, что по ее заголовку назовут целую эпоху.

Мне было восемнадцать лет, я мечтала о любви и, не имея своей, жаждала прочесть что-нибудь волнующее о чужой... Будущие светила литературы, пока же безвестные студенты, увлечь меня не смогли, хотя, может быть, это я не увлекала их, и кольцо одиночества, образовавшееся в средней женской школе, все сильнее сжимало мою расцветающую плоть. Хорошо, что количество учебной литературы, настоятельно рекомендованное разными кафедрами для прочтения, зашкаливало, и под ее развесистой кроной можно было спрятаться от возрастных неурядиц...

Почти все мои однокашники были бедны, плохо одеты, все без исключения что-то писали и, заскучав в мрачном преддверии славы, выпив для храбрости стопочку, опрокидывали на головы зазевавшихся сокурсников свои далеко не бесспорные опусы. Только недавно утвердился особый шик в авторской декламации. Мода на заунывность сменилась модой на взрывчатость. Читая вслух свои стихи, Вася тоже громко и выразительно рокотал; этот рокот, сродни горным водопадам, размывал достоинства и огрехи строк, и одним слушателям они казались

Василий Бетаки. 1954 год. Фото И. Золинской.

гениальными, хотя и малопонятными, другим — вторичными, книжными, вообще никакими. В ожидании хвалы или хулы Васины горячие глаза навывкате становились еще выпуклее, еще жарче; высокий лоб бледнел; над ним плясали крутые детские кольца кудряшек. Чем не романтический герой?.. Но при всей своей влюбчивости я как возможного кавалера не принимала его в расчет. Не только потому, что женат. Причина в другом: мы с ним играли влюбленных на сцене. Несчастливых влюбленных. Вечно кипящий в юном существе котел желаний не взрывался, а курился обильным паром. Искусство — громоотвод, особенно если участвуешь в пьесе Шиллера. Недаром же Пушкин поставил его имя в ряд со словами, которые так много значат в молодости: «Поговорим о бурных днях Кавказа, / О Шиллере, о славе, о любви...»

Передо мной книга, вызывающая в душе «трепетание стрекоз» (Анна Ахматова). По-моему, та же, что тогда. А если и не та, то очень похожая. Своим синим ледерином в трещинках. Своей пожелтевшей, до цвета загара, газетной бумагой. *Ф. Шиллер. Избранные стихотворения и драмы. Гослитиздат. 1937.* Тут и песенная, и философская лирика. Юношеские стихотворения, баллады. Но, главное, драмы. И наиглавнейшая из них для нас с Василием Бетаки — «Коварство и любовь» (1784 г.).

Итак, я Луиза, молоденькая немка позапрошлого века. Из мещанского сословия. Но это не обидно. Где есть верх и низ, должна быть и середина. На литературной институтской шкале я тоже где-то посерединке. Только

бы не съехать к нулю, как мне кое-кто пророчит... Фердинанд — сын президента при дворе владетельного князя. Между ним и мной социальная бездна; мы пытаемся преодолеть ее взаимной влюбленностью, перекидываем и изо всех сил держим над пропастью висячий мостик. Но скорбный финал неизбежен.

У Шиллера Луиза хороша собой, «прекраснейший экземпляр блондинки», как говорит коварный Вурм. Это мне льстит, ведь я не считаю себя красавицей. По мнению руководителя драмкружка Иосифа Михайловича Колина, заслуженного актера соседнего с институтом Театра им. Пушкина, у меня на сцене должны быть длинные русые косы. Какая досада, что после первого курса я пошла в парикмахерскую и буквально умолила тетку за свободным креслом срезать мои собственные толстые длинные косы и сделать шестимесячную, как у всех, завивку, хотя волосы курчавятся от природы.

— Это ничего, — говорит всепонимающий И. М. — Возьмем парик вместе с платьем в костюмерной.

Колин требует от нас натуральности. Ходульные, на современный вкус, реплики должны звучать страстно и естественно.

Ф е р д и н а н д. Ты бледна, Луиза?

Л у и з а (встает и обвивает его руками). Ничего, ничего. Ведь ты со мной. Все прошло.

Ф е р д и н а н д. Скажи мне правду! Ты не весела! Для меня душа твоя так же ясна, как чистая вода этого брильянта. *(Показывает на свой перстень.)* Тут не может появиться даже пятнышка, чтобы я его не заметил... Ни одна мысль на этом лице не ускользнет от меня!..

Л у и з а (смотрит на него несколько времени серьезно и задумчиво, потом с грустью). Фердинанд, если бы ты знал, как лестны мещанской девушке такие слова...

О, как он возмущается ее самоунижением, как желает поднять ее до себя в глазах своего знатного отца и отцовского окружения! Тщетно! Интригами Вурма (Вурм — червяк по-немецки) все рушится. Мелодрама становится трагедией, буржуазной трагедией, как определил ее автор.

Роль Вурма, самую трудную, Колин доверил Леониду Завальнюку, будущему известному поэту, чьи песни знал весь Советский Союз. Человек добрый и благородный, Леня сумел на сцене перевоплотиться в негодя. Видно, помог профессионализм: в Благовещенске, откуда приехал поступать в институт, он играл в театре.

Конец пьесы сентиментален и зловещ. Уж не помню, как, но мы с Васей после десятка репетиций сумели пронырнуть между Сциллой неправдоподобия и Харибдой преувеличения. Во всяком случае, в институтском конференц-зале нам устроили овацию.

Ф е р д и н а н д (в неопишемом волнении падает перед нею на колени). Луиза! Любила ты маршала? Эта свеча не успеет еще догореть, как ты предстанешь пред лицо бога!

Луиза (*вскакивает в испуге*). Боже! Что такое? И мне вдруг так дурно стало! (*Снова опускается в кресло.*)

Фердинанд. Уже?.. Вы, женщины, останетесь вечной загадкой! Нежные нервы выдерживают преступления, подтачивающие в корне человечество, а жалкий гран мышьяку убивает вас.

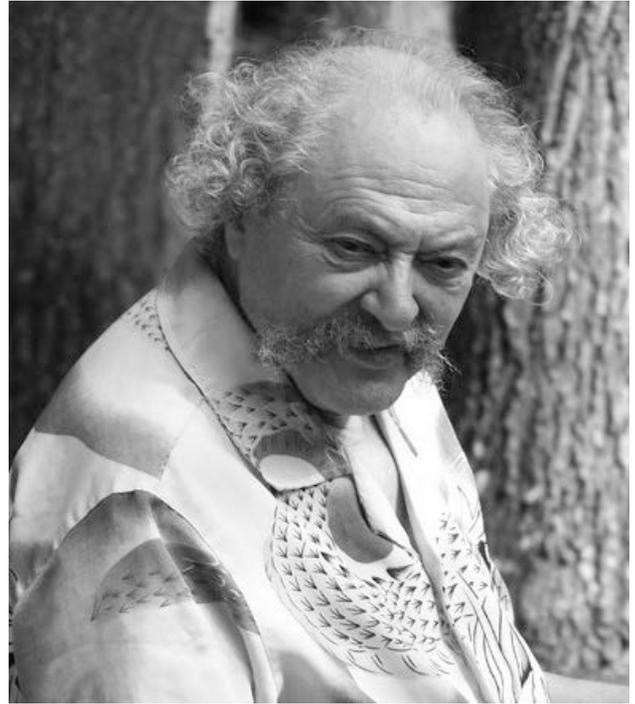
Луиза. Яд! Яд! Боже мой!.. Фердинанд! Ни небо, ни земля не видали никого несчастнее тебя! Я умираю невинно, Фердинанд!..

По требованию режиссера, я тоже падала в ходе действия на колени перед любимым, хотя у драматурга этого нет. Но могла ли я послушаться снисходительного в мелочах и твердокаменного в главном, принципиального режиссера михозлсовской школы?!

Да, совместное участие в такой душераздирающей пьесе спаивает прочно. Не удивляюсь теперь, что Вася через полвека искал и нашел меня. Не удивляюсь и собственной отзывчивости.

Поразмышляем в назидание нынешним и будущим студентам творческих вузов, что же в конце концов остается из театральной культуры потомкам? Слова, образы, даже дивные шиллеровские метафоры за два с лишним века обветшали: эффект потрясения сменился произвольным пожатием плеч. Мысли? Ну, какие уж там особенно мысли? Что «и крестьянки любить умеют», писал еще наш Карамзин, а до Карамзина многие другие, в разных жанрах, разных литературах. К тому же моя Луиза не плебейка — дочь музыканта. Ужас злого навета на ходячую невинность — и это было многократно, и не только у Шекспира. Но пьеса-то жива!

Все собираюсь, вооружившись параллельным русским текстом, посмотреть «Кабале и либе» («Коварство

Василий Бетаки

и любовь») в немецком театре. Моя здешняя подруга смотрела — очень понравилось...

Вот и выходит, что из театральной культуры остаются прежде всего страсти. Страсть — тот живой ствол, на котором даже декоративные листочки выглядят свежо и зелено. Спасибо Шиллеру, Колину, Васе Бетаки за те сыгранные в молодости сцены — они остались со мной.

Продолжение следует.

Светлана ТЕР-МИНАСОВА

ЗАПИСКИ ДИНОЗАВРА

Продолжение. Начало в № 1 за 2014 г.

МГУ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ. СТУДЕНЧЕСТВО

Итак, лето 1956 года, я готовлюсь к экзаменам на романо-германское отделение филологического факультета МГУ, где собираюсь «изучать Шекспира». Экзамены проходили тогда в августе, и их было пять: один письменный — сочинение и четыре устных — русская литература и русский язык, иностранный язык, история и география.

Я сижу за учебниками не поднимая головы, днем и ночью, не отвлекаюсь ни на что. И в результате со мной происходят две истории.

Первая — смешная. Я сижу ночи напролет, окна нашего дома у Белорусского вокзала (Ленинградский проспект, д. 1) выходят на мост, соединяющий проспект с вокзальной площадью, на пути за мостом, на дома напротив и по диагонали, — уже на улицу Горького. Глубокой ночью, когда все спят и в доме и на улице темно, я замечаю в далеком доме наискосок окно, которое ярко горит. На следующую ночь — то же самое. И так каждую ночь.

Я тут же придумываю историю о том, что там живет прекрасный юноша, что он тоже готовится к экзаменам и, наверное, видит свет моего окна в этой абсолютной тьме поздней ночи.

Каждую ночь я слежу за этим «светом в окошке» (в прямом смысле), мне никогда, как я ни стараюсь, не удается его пересидеть, я с ним разговариваю, говорю ему «спокойной ночи», и меня поддерживает мысль о еще одном «мученике идеи».

Экзамены кончаются, я возвращаюсь к нормальной жизни. Как-то рассказываю дома о своем ночном друге и говорю: «Надеюсь, он тоже поступил куда хотел». Мама говорит романтически: «Может быть, попробовать его найти?» Папа как-то странно задумывается и спрашивает, где это окно. Было темно, я показала: «Вон видишь свет, справа. Как раз горит».

После очень короткой паузы папа говорит: «Не хочу тебя огорчать, но это фонарь, который пути от вокзала освещает. Он горит всю ночь».

Второй случай — не смешной, но поучительный.

Вступительные экзамены. Первый удар — четверка по сочинению. В школе у меня были только пятерки. Наша учительница по литературе так привыкла к моим отличным отметкам, что иногда, мне кажется, и не читала моих сочинений, просто автоматически ставила пятерки. Я тоже привыкла. Поэтому удар на вступительных экзаменах был так силен. Ошибка ерундовая: красавец цыган (о Лойко из «Старухи Изергиль» М. Горького) я написала с дефисом. Никогда не знала, что цыган-красавец с дефисом, а красавец цыган — без. Это стоило мне горьких слез, черных мыслей о неудавшейся жизни, страшных картин о самоубийстве и похоронах с рыдающими от угрызений совести экзаменаторами, которые принимали у меня устную литературу и русский и сообщили мне результат сочинения (один из них был профессор кафедры зарубежной литературы Анатолий Алексеевич Федоров, по прозвищу Маленький Федоров, в отличие от высокого

Миля Чиненова, Света Михеева, Света Тер-Минасова, Лена Петровская

юного латиниста Николая Алексеевича Федорова). Все это происходило в Александровском садике, где я пряталась сразу после экзамена. Погода была чудесная, в саду у стен Кремля все цвело и благоухало, детишки резвились среди клумб, я отвлеклась, успокоилась и решила пожить еще немножко.

По устной литературе, истории и английскому языку я получила пятерки. Судьба моя зависела от последнего экзамена по географии. Я готовилась днем и ночью, выучила все учебники, карты, и тут-то и произошла со мной поучительная история, урок, который я запомнила на всю жизнь.

Это было время хрущевской оттепели. Одним из ее признаков для моего поколения стал журнал «Юность», первый номер которого вышел в июне 1955 года. Это был непривычно смелый, раскованный, свежий, специально молодежный журнал. Я караулила и покупала все его номера. Удалось «захватить» августовский номер знаменательного для моей жизни 1956 года. Но... экзамены были в разгаре. Я положила журнал на видное место с твердым намерением: только после экзаменов я позволю себе насладиться этим чтением, сейчас нельзя отвлекаться. Проверю свою силу воли, и наградой будет этот номер «Юности». Я выдержала испытание и не открыла журнал.

Идя на экзамен по географии, я еще раз повторила континенты: пять, все в порядке. Я знаю последний во-

прос билета — «Карту»: все главные горы, реки, озера, моря, города всех пяти континентов.

Я блистала, отвечая на первый вопрос — «Вулканы и землетрясения». Блеск ответу придали цитаты из главного классика марксизма — Карла Маркса. Второй вопрос не помню, но все было хорошо. Последний вопрос — «Карта». Экзаменатор попросил меня показать гору Косцюшко.

Я остолбенела. Я знала, что такой горы нет ни на одном из моих пяти континентов. Экзаменатор, явно сочувствуя и подсказывая, попросил показать реку Муррей. Та же реакция. Я подвинулась к Африке, зная, что этой реки там нет.

Экзаменатор нахмурился. После третьей попытки — Большой водораздельный хребет — расстроенный экзаменатор спросил: «А вы слышали когда-нибудь об Австралии?»

Я поняла, что обсчиталась в количестве континентов, разделив Евразию и пропустив Австралию. На все остальные вопросы по «Карте» я ответила сразу. И слышала, как экзаменаторы переговаривались между собой: «Нет, пять нельзя, из-за карты» — «Жалко, ответ на билет был блестящий». — «Но Австралию она не знала».

Я получила четверку и не прошла по конкурсу. Придя домой, я посидела тупо за письменным столом, увидела «Юность» и так же тупо открыла журнал. Он весь — от первой до последней страницы — был посвя-

щен... АВСТРАЛИИ! Олимпийские игры в Мельбурне в августе 1956 года.

Иногда я рассказываю эту историю студентам и говорю им: не испытывайте силу воли. Если хотите что-то прочитать или посмотреть фильм перед экзаменом, читайте и смотрите: может пригодиться.

Я прошла на вечернее отделение филологического факультета. Занятия начинались где-то в середине сентября. Первого сентября я впервые за десять с лишним лет не пошла учиться. Было грустно и мрачно.

Родители волновались. Папа безуспешно искал помощи у друзей, а мама вдруг важно сказала: «Все! Я знаю, что делать! Мы пойдем к дяде Степе». Все дела, связи, друзья были всегда в руках папы, поэтому все очень удивились неожиданному предложению. Папа пробурчал мрачно: «Какому еще дяде Степе?!» А мама сказала: «К Степану Григорьевичу Бархударову, моему дяде». Все онемели, а я спросила: «Это который Бархударов и Крючков? Учебник русского языка?» «Да, — сказала мама, — это мой дядя. Моя мама — урожденная Бархударова Софья Ивановна (в армянском варианте Гейвандовна), а дядя Степа — ее двоюродный брат, их отцы Гейванд и Григорий — родные братья». Немая сцена, и мама побежала звонить по телефону. Жена «дяди Степы» маму восприняла очень приветливо, и нас пригласили в гости. Мы пошли — торжествующая мама, очень мрачный папа и я, смущенная и несчастная.

Степан Григорьевич выслушал нашу грустную повесть о недобранном одном балле и сказал, что к переводу на дневное отделение он никакого отношения не имеет, но если я выберу для специальности лингвистику, то по окончании университета он мне может помочь с работой. Впоследствии все пять лет моей учебы мама говорила мне обиженно: «Вот если бы ты выбрала язык, а не литературу, дядя Степа помог бы тебе с работой». Но я была тверда: хочу изучать Шекспира.

Через две недели объявили дополнительный набор, и я попала на дневное. Я пришла в свою английскую группу романо-германского отделения, когда занятия были в разгаре, все друг друга знали, я была на новенького.

На первом уроке (это был английский язык) я сидела ошеломленная, оглушенная и пришибленная. Все шло по-английски. Преподаватель, Наталья Борисовна Эрдели, говорила очень быстро, я ничего не понимала, а когда услышала в потоке неизвестных слов свою фамилию, страшно испугалась, встала и спросила по-русски: «Читать, да?» Студенты захихикали, преподаватель нахмурилась.

Так началась моя филологическая карьера в МГУ.

В нашей группе было восемь человек: шесть девочек и два мальчика.

Девочки: Мила Чиненова, Мила Зарахович (после замужества Панасенко), Света Михеева, Лена Петровская, Аля Зотова и я.

С Милой Чиненовой мы прожили рядом долгую жизнь, потому что она, отработав два года по распределению в Библиотеке иностранной литературы («Разинка», которую я упоминала), пришла преподавателем на нашу кафедру английского языка, где я уже работала. Милу Панасенко я изредка встречаю на педагогических форумах, Лена и Света потерялись лет через пять после окончания университета, Аля Зотова всегда была в стороне и «потерялась» еще до того, как мы закончили учебу.

Мальчики: Аркадий Налбандян и Костя Эрастов.

Аркадий был сыном знаменитого тогда художника Дмитрия Налбандяна. Он был странный, не очень здоровый, хропал и поэтому одновременно и сторонился нас, и тайком интересовался нашей бурной, веселой жизнью. Я поняла позже, что он страдал от своей физической неполноценности и защищался подчеркнутым нежеланием участвовать в наших полудетских играх во взрослую студенческую жизнь, очень бурную на первых двух курсах.

Он умер вскоре после окончания университета.

Костя Эрастов.

С первых дней нашего студенчества стало ясно, что Костя — выдающийся филолог, лингвист, ученый и вообще во всех отношениях человек выдающийся. Он выдавался на фоне нас, девочек-припевочек, очень молодых, счастливо-глупых (учимся в МГУ!), наслаждавшихся всем: учебой, общением, неожиданной взрослостью, самостоятельностью, «картошкой» (означавшей неучебу в сентябре, жизнь в недостроенных домиках в Можайском районе где-то под Бородино, песни по вечерам, дружные пиры после продовольственных посылок из дому и т. д. и т. п.), то есть всем тем, что тогда называлось «студенческой жизнью». Костя был серьезный, много знающий, учивший и знавший много языков. Ни в каких наших радостях и горестях он не участвовал, но был при этом доброжелательным, приветливым, абсолютно не (даже анти) зазнайкой. Мы его уважали и гордились тем, что в нашей группе учится такой многообещающий Ученый. Не от мира сего, гений, поглощенный исключительно наукой, не интересующийся такой ерундой, как «лица противоположного пола». Мы, конечно, гордились Костей, он соответствовал стереотипному образу «филологического мальчика», но хихикали, слегка огорчаясь, что нет у нас в группе «нормального» юноши, с которым можно было бы пофлиртовать.

Расхожая шутка филологического факультета: «женщина-филолог — не филолог, мужчина-филолог — не мужчина» в случае с Костей казалась не шуткой, а правдой. Так мы думали весь первый год нашей учебы.

Мы очень ошибались! В самом начале второго курса в октябре пришла ошеломительная новость: Костя женился! На студентке биофака Тане. К концу года родился его первый сын, к окончанию университета их было, кажется, четверо. Мы сбились со счета...

Костя, несомненно, был и филолог, и мужчина! Когда мы говорили: «Зачем так много детей?», Костя удивлялся: «Ну, если Бог их дает, что же можно сделать?!» Мы замолкали, никто не решался сказать: «Есть способы...»

По окончании университета мы все проходили распределение, и Костя опять всех удивил. Он, лучший (или один из самых лучших!) студент курса, отказался от аспирантуры и попросил его направить учителем английского языка в сельскую школу где-то на краю Московской области (впрочем, место не помню). Мы были в шоке.

Шел 1961 год, с продуктами было плохо.

Типичные анекдоты того времени. Заходит человек в продовольственный магазин и спрашивает у продавца: «У вас рыбы нету?», а ему отвечают: «У нас мяса нет, а рыбы нет в магазине "Рыба" напротив». Или: встречаются два пожилых интеллигента в Елисеевском гастрономе на улице Горького, и один говорит другому, показывая на витрину: «А помнишь, здесь лежали осетрина, семга, баночки с икрой стояли». — «Помню, помню! Не понимаю только, кому это все мешало?!»

Мы спросили Костю: «А чем же вы детей кормить будете?!» Костя ответил с гордым и счастливым видом: «Картошки закупили, до весны хватит, сейчас капусты запасем. Отлично проживем!»

Оказалось, что в эту же школу распределился его друг с мехмата, преподавать математику детям, и они были полны энтузиазма и идей: учить детей по новым, революционным методикам, жить коммуной и т. п.

Кончилось все это плохо. Мама Кости, работавшая библиотекарем, возила им в рюкзаке колбасу и мясо, дети болели, семейная жизнь складывалась неудачно.

Учительская же реформа закончилась просто крахом. Обучение английскому языку и математике шло очень — слишком! — хорошо, ученики Кости и его друга блистали успехами и знаниями. Это вызвало зависть и неудовольствие других учителей, они настроили против и родителей, и директора школы. В результате приехала районная комиссия и сделала незабываемый (я его помню до сих пор) вывод: «Дети какие-то переразвитые, их теперь придется задерживать в развитии, чтобы они стали, как все».

«Коммунары» вернулись в Москву в свою квартиру в Воротниковском переулке. Детей стало семеро, были построены кровати в два этажа. Дети росли, стали учиться играть на разных музыкальных инструментах. «У нас теперь свой семейный оркестр», — гордился Костя на наших все более редких встречах группой.

Таня ходила с младшими гулять на бульвар и встретила там молодую дворничиху, подметавшую листья. Разговорились. Оказалось, что девушка приехала в Москву учиться, но провалилась на экзаменах. Домой с позором не хотела возвращаться и осталась в Москве: дворникам разрешали проживание. Таня спросила ее, не хочет ли она подработать, помогая ей смотреть за детьми. Девуш-

Студентка

ка согласилась, и вскоре Костя ушел из семьи и женился на этой девушке. Мы опять были в шоке, но не столько из-за этой истории (мы уже были не девочки-припевочки, а замужние дамы с детьми), сколько из-за реакции Тани, которая, как нам передали, сказала: «Костя не виноват, это я была плохая жена».

Конца истории я не знаю. Последнее, что я слышала об этой удивительной семье: Костя с новой семьей, женой и ребенком, уехал в Америку, Таня с детьми уехала во Францию, там бедствовала, их приютил какой-то монастырь. Два старших мальчика (или один, первый) отказались уехать из России.

Опишу наиболее выдающихся однокурсников и близких друзей.

Сергея Аверинцев.

Когда мы учились на одном курсе, Сергей Аверинцев, которому было суждено стать самым известным и самым великим из нас филологом, философом, гуманитарием, не считался выдающимся, как Костя, а был просто странным, не таким, как все. Он был похож на молодого старичка: закутанный в теплые одежды, с шапкой в помещении и т. п. Ходили слухи, что он болен странной болезнью, что-то вроде очень легкой простужаемости. Когда он, обычно опаздывавший, появлялся на общей лекции (где мы — большинство — только и видели его: он учился на эксклюзивном, как сказали бы теперь, классическом отделении, где готовили специалистов по языкам и литературе Древней Греции и Рима), все замирали при виде мальчика в пальто и шапке, поднимавшегося по ступенькам «коммунистической аудитории» в старом корпусе МГУ на Моховой (там учились студенты факультета журналистики, а мы слушали поточные лекции). Мы замирали, предвкушая развлечение от реакции очередного лектора на студента первого курса, совершенно спокойно, сосредоточенно и невозмутимо поднимавшегося по лестнице, неторопливо приставляя ногу на каждой ступеньке, как делают старики, — и все это в

полной тишине: лектор терял дар речи, а мы, народ, как и полагалось, безмолвствовали в этой странной, но знакомой нам ситуации.

Я очень мало с ним общалась, хотя дружила с его одноклассниками: Сашей Кибриком (о нем отдельно) и девочкой со смешным именем Павлина Чижик. Когда мы спрашивали Павку, кто это из родителей так сострил при ее рождении, она говорила: «Это мой папа Чижик. Он был большой шутник». Папу она не помнила, он погиб в боях на Курской дуге. Узнала я об этом случайно. Приехали к нам студенты из ГДР, восточной социалистической Германии, я бегала, искала им переводчика с немецким языком и спросила Павку, не хочет ли она помочь. Это было как бы лестное предложение: за «железным занавесом» было мало возможностей пообщаться с людьми из неведомого, но очень нас интересовавшего мира, тем более с носителями изучаемого языка. Павка сразу и наотрез отказалась, сказав: «Мой папа погиб на войне, я не могу и не хочу видеть немцев». Это были пятидесятые годы XX века, война была еще совсем близко, и такие реакции встречались достаточно часто.

Мой муж, проживший почти три года в оккупации в смоленской деревне с августа 1941 года (тогда ему только исполнилось шесть лет), не мог до конца жизни слышать немецкую речь...

Кстати, Павка попала к классикам случайно: она думала, что «классическое» отделение предполагает изучение классической русской литературы, которую она очень любила. Когда недоразумение выяснилось, Павка уже освоилась, стала вполне квалифицированным филологом-классиком, и по окончании университета успешно преподавала латынь в МГУ, в том числе и на нашем факультете.

Из моего личного общения с Аверинцевым я помню только один эпизод. Мы стоим в очереди на медосмотр по поводу отправки нашего курса на целину — мы едем поднимать целинные земли Казахстана в летние каникулы. Неожиданно стоящий передо мной Сережа Аверинцев поворачивается ко мне и говорит, медленно, грассируя и очень сильно в нос: «Я от этой политекономии совсегшенно опупел!» Контраст между изысканной фонетикой и жаргонной, «сниженной» лексикой мальчика, про которого уже известно его одноклассникам, что он еще в семье выучил и латынь, и древнегреческий, приводит меня в состояние «совсегшенного опупения». Я что-то лепечу, и на этом наше общение заканчивается. На медосмотре нас обоих не пропускают на целину. Я очень расстраиваюсь (и до сих пор жалею, что мне не удалось испытать это удивительное жизненное приключение): «Подумаешь, какой-то дурацкий порок сердца, он же компенсированный», и потом долго ссорюсь с папой, не скрывающим своей радости и торжества по этому поводу.

Аверинцев же, судя по его лицу и реакции, абсолютно спокоен и ничего другого не ожидал. Впрочем, пред-

Турчасово, 1958 г.

ставить его на целине невозможно при самом богатом воображении.

Много, много позже я ходила пару раз на его публичные лекции, которые он, профессор Венского университета, читал, приезжая в Москву из Австрии. Лекции были хорошие, интересные, но я не подходила к нему, уже давно всемирно известному ученому.

Саша Кибрик.

Саша, Александр Евгеньевич, профессор филологического факультета, член-корреспондент РАН, зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ.

Умный, добрый, очень хороший друг. Мы подружились сразу. Я бывала у него дома. Он жил в высотном доме на площади Восстания. Это был социальный знак принадлежности к элите. «Элитным» в семье был папа Евгений Адольфович Кибрик, очень известный художник. Мама, Лидия Яковлевна Тимошенко, тоже художница, была абсолютно «неэлитной» и даже скорее «антиэлитной», потому что принадлежала к ленинградской группе художников, разоблаченной в эпоху закручивания соцреалистических гаек. В неплохой компании всех направлений живописи, кроме «старых мастеров», передвижников и соцреалистов, она попала в запрещенные. Бледная, худенькая, с чудесными все видящими и все понимающими глазами, она непрерывно работала; вся

Турчасово 1958 г Мила Текучева, сейчас проф
Илюшина в центре, справа СГ

квартира была увешана ее картинами, многие стояли в разных углах. Она писала портреты Сашиных однокурсников. Меня она рисовала дважды: в 1958 году (второй курс) и в 1959-м. Позировать было очень скучно, потому что надо было сидеть неподвижно. Правда, на мне была новая куртка с капюшоном на красной клетчатой подкладке, сшитая мамой из каких-то подручных материалов, и вначале, на первых сеансах, возможность ее показать скрашивала вынужденную неподвижность. Однако потом абсолютное бездействие («Светочка, голову немножко влево, где она была») для меня, очень молодой, активной, подвижной (не люблю слово «энергичная», которое ко мне липнет всю жизнь), было пыткой. В результате на этом первом портрете у меня очень грустное, чтобы не сказать несчастное, выражение лица. Встречаясь в университете, мы иногда обсуждали наши портреты, и о моем сказали: «Неудачный, непохожий на тебя. Ты в жизни веселая, живая, а на портрете — какая-то замученная». В следующий визит я решила и рассказала об этом разговоре Лидии Яковлевне. Ответ ее меня поразил: «Это ваше естественное выражение лица. В нем отразилась вековая скорбь гонимого армянского народа». Я ничего не поняла. Родилась и выросла я в Москве, родной язык русский: истории, языка и культуры армянского народа и, соответственно, его гонений я не знала. Все мои родственники были нормальные люди, в категорию скорбных и гонимых они никак не попадали (до ужасов, в которых оказалась их бакинская ветвь, было еще тридцать лет).

Портрет под названием «Студентка-филолог» один раз выставлялся в каком-то кинотеатре, а потом много десятилетий простоял в запаснике в их квартире. После перестройки Лидия Тимошенко стала признанным художником. Ее сын Саша приложил огромные усилия, чтобы это произошло: пробивал выставки, собрал, подготовил и издал прекрасную книгу «Реальность других измерений» (Лидия Тимошенко. Дневники. Письма. Вос-

поминания. Сост. А. Е. Кибрик, М., Прогресс-Традиция, 2004 г.).

Наступил момент, когда мой сын Андрей, большой любитель живописи, сказал мне: «Тимошенко входит в моду, ее картины покупают музеи. Если мы не купим сейчас твои портреты, потом мы уже не сможем их купить, они будут стоить слишком дорого». Я позвонила Саше, и мы с Андреем поехали за моими портретами. На раме первого было написано неожиданное для меня название «Девушка в плаще».

Кстати, о плаще, который был курткой, сшитой мамой, как я уже упоминала. Сейчас трудно представить, как мы были бедно и плохо одеты в то время. Один пример: первые годы учебы в МГУ многие девочки донашивали коричневые форменные платья! А я даже на пятом курсе, отправляясь на встречу с отцом моего тогдашнего жениха, нарядилась в юбку с жилеткой, перешитые мамой из школьной формы, когда рукава протерлись. Кофточка из желтого атласа, тоже сшитая мамой, хорошо гармонировала с коричневым комплектом из жилетки и юбки, и я себя чувствовала нарядной принцессой. И это — в Москве, в семье служащего (папа работал в тресте «Шахтспецстрой»), где очень старались сделать все, что только возможно, для любимой дочки, отличницы филологического факультета московского университета. Родители, не имевшие высшего образования, очень гордились тем, что дочь учится в первом вузе страны, и старались меня прилично одевать. Это, по моему мнению, им вполне удавалось, потому что, действительно, сейчас трудно представить, как плохо и бедно мы были одеты, но еще труднее сейчас представить, как мало мы это осознавали и как мало это сказывалось на нашем восприятии жизни и себя.

Вернусь к моим портретам кисти Сашиней мамы. Они очень разные, и судьба у них тоже очень разная. Первый, «Девушка в плаще», забытый и неизвестный, пролежал долгие годы в запаснике. Когда мы его поставили в раму и повесили, в семье сразу обнаружилось два фаната (любителя, поклонника, сами выберите слово по вкусу) этого произведения — мой сын Андрей и зять Игорь, муж Анечки. Оказалось, что в семье Саши этот портрет понравился его дочке Нине, тоже художнице. По ее настоянию на выставке в Манеже в Петербурге были выставлены оба портрета. Саша рассказал мне, что когда их уже привезли в Петербург, организаторы выставки решили «Девушку в плаще» не выставлять, но Нина сказала, что тогда она снимет свои картины, а выставка была посвящена как раз преемственности поколений — выставлялись работы бабушки и внучки. Так этот забытый портрет впервые попал на выставку.

Второй портрет под названием «Юность. Портрет Светы Тер-Минасовой» сразу попал в обойму. Его репродукции — во всех каталогах выставок Л. Я. Тимошенко, в книгах о ней, я его видела в немецком журнале, он

Студенческая жизнь

был на выставках в Третьяковской галерее, в Манеже в Москве и в Петербурге. Он всем нравится, и мне тоже всегда нравился. Два портрета, один забытый, другой знаменитый (скорее — известный, но для рифмы и ритма лучше — знаменитый), на одном грустная «девушка в плаще», на другом — воплощение юного порыва, «комсомолка, отличница» в белой кофточке и черной юбке (парадная пионерская форма — белый верх, черный низ). Сейчас, мудрея на восьмом десятке (не верьте! не может быть! я тоже не верю, что это обо мне), я проникаюсь все большей симпатией к грустной «девушке в плаще». Девушка, кстати, очень смуглая, и мой муж, реагируя на восторги сына и зятя по поводу незаслуженно забытого шедевра, поддержал их, как всегда, загадочно: «Да, такой смысленный негритенок». Загадочность была в нарочито нейтральном тоне, и все напряглись: всерьез? или ирония? Но он всегда оставлял место для сомнений и поэтому — для свободы выбора.

С Сашей Кибриком тесно связаны две очень яркие страницы моей студенческой жизни: «картошка» в начале второго курса в 1957 году и диалектологическая экспедиция в Архангельскую область после второго курса летом 1958-го.

На «картошке» мы жили весело и дружно. Девочки работали в поле, собирая картошку, мальчиков увозили каждое утро «на комбайны», картофелеуборочные машины, выворачивавшие на поверхность картошку, которую мы, девочки, и подбирали. Мальчики возвращались с таинственной мужской работы важные, с чувством мужского же достоинства, которого у них не было в учебное время: девочек было гораздо больше и учились они лучше.

В один прекрасный день Саша не поехал с мальчиками, а остался на кухне помогать дежурным готовить еду:

носить воду, таскать и чистить картошку и т. п. Нам это не понравилось: «немужское» дело на глазах у всех вместо настоящего «мужского», далекого и поэтому загадочного. После обеда, когда народ был в поле, Саша тоже вышел с девочками убирать картошку и стал работать рядом со мной. Меня огорчило и раздражило его «немужское» поведение, и я спросила довольно резко, почему он не с мальчиками. Саша сказал что-то вроде «мне надо с тобой поговорить», после чего предложил мне выйти за него замуж. Я страшно удивилась, растерялась и залепетала про то, как нам хорошо быть друзьями и что он всегда будет мой лучший друг. Саша огорченно сел на землю с картофельной ботвой в руках и сказал неожиданно: «Я знал, что сентябрь — не мой месяц. Не надо было этого делать в сентябре». Сейчас, спустя пятьдесят четыре года, я вижу эту сцену.

В самом конце пятого курса, то есть через много-много лет, мы оказались с ним рядом в автобусе на какой-то факультетской экскурсии. Я спросила его о личной жизни, хочет ли он жениться, он сказал: «Абстрактно — нет, а конкретно — да. А ты?» Я сразу ответила: «А я наоборот: абстрактно — да, а конкретно — нет» и подумала, что в таком отношении к браку проявилась очень явственно разница между мужчинами и женщинами.

Как выяснилось довольно скоро, его конкретное «да» относилось к нашей однокурснице Нине Коваль, с которой они и прожили, судя со стороны, хорошо и дружно с двумя прекрасными детьми Андреем и Ниной. Андрей пошел по стопам родителей, давно уже доктор филологических наук и профессор. Когда он был студентом филологического факультета, я преподавала какое-то время в его группе и теперь горжусь его успехами.

Кстати, «на пятом курсе через много-много лет» — это не описка, хотя прошло три с половиной года. Дело не в календаре, а в том, как ты прожил жизнь. Эти пять лет студенчества были самым долгим и самым ярким периодом моей жизни, и не только потому, что это был переход от детства-отрочества к взрослой жизни, но еще и потому, что я прожила эти годы активно, бурно, встретив много интересных людей, участвуя в разных интересных делах, и все это было ново и поэтому прекрасно. Сейчас, когда я пишу это, мне семьдесят три года, я прожила интереснейшую жизнь (в английском языке есть хорошее слово *eventful*, то есть в ней было много событий), пятьдесят лет проработав в своем любимом месте — Московском государственном университете, в центре научной, педагогической и общественной жизни, и все-таки... Студентам, особенно первокурсникам, я говорю всегда: «Будьте активны, не расплещите свою юную жажду жизни и знаний, участвуйте во всем — это ваше главное время жизни». После этого я рисую им схему моей жизни, очень простую линию, разделенную на три отрезка: 1 / 2 / 3. Первый — это жизнь до университета, то есть от рождения до окончания школы, второй — это пять лет учебы на филологическом факультете МГУ, третий — это моя жизнь после окончания университета. Может быть, я немного утрирую, но эмоционально я именно так вижу свою линию жизни.

Возвращаясь к Саше. Он был главным редактором нашей курсовой стенгазеты. Факультетская стенгазета «Комсомолия» была огромной, и новый выпуск собирал толпы. Курсовые были меньше по размеру и собирали, соответственно, толпы поменьше, но были очень популярны у однокурсников.

С нашей стенгазетой в бытность Саши Кибрика ее главным редактором произошло некое приключение, вполне типичное для того исторического времени. В очередном выпуске были напечатаны стихи. Они были без подписи авторов и написаны белым стихом, без рифмы. Все, что выходило за рамки традиционного, «классического» (если стихи, то должна быть рифма и четкий размер, и т. п.), попадало в разряд недозволенного. Кто-то очень правый и «правильный» снял газету и отнес ее в партком факультета: «Что у вас делается?!» Особенно возмутило «правильного» человека стихотворение про несчастную жизнь бездомной собаки. Содержание его никак не вписывалось в идею счастливой советской действительности.

Начались разборки. Сашу вызывали на заседания комиссий, всяких бюро и выпытывали имена авторов статей и особенно стихов. Саша стоял насмерть: «Это редакционная тайна, люди мне доверились, я не могу их выдать». И не выдал. Его пугали, отстраняли, заносили в какие-то «плохие» списки. Он не сдался. Мы его жалели, уважали и им гордились. Вскоре после этого «сливки» нашего курса проходили интервью с комиссиями по отпра-

ке на стажировку за границу. Главный вопрос был: «Как ты относишься к курсовой стенгазете и поведению Саши Кибрика?» Одно слово: «Осуждаю» — и ты в стране изучаемого языка и литературы. Нас было около десятка: сказала это слово и прошла только одна. Мы перестали с ней здороваться.

Еще одно ярчайшее и незабываемое событие моей студенческой жизни — это диалектологическая экспедиция в Архангельскую область.

Событие это тоже связано с Сашей Кибриком. Именно он сказал мне, что кафедра русского языка готовит студентов для поездки в самые глухие места в Архангельской области для того, чтобы собрать материалы, необходимые для Диалектологического атласа русского языка. Он же и записал меня на спецкурс по диалектологии, который вела Оксана Герасимовна Гецова. Я, романо-германка, не имела отношения ни к русскому языку, ни к его диалектам, ни к экспедиции, но зачет по спецкурсу сдала, и меня взяли.

Всю свою жизнь я была очень активной. Некоторых, в том числе и моих родственников, это раздражало: «Что ты в каждую дырку лезешь, нос суешь?!», «Каждой бочке затычка», «Каждой печке кочерга» и т. п. Я отбивалась: «Это называется — активная жизненная позиция». На самом деле сейчас я думаю, что у меня был — и есть! — огромный интерес к жизни и людям. И я благодарна судьбе, родителям, учителям, друзьям, детям, внукам, не знаю кому, но всем тем, кто меня наделил этим даром. Благодаря ему я прожила — и проживаю! — интересную жизнь, встретила — и продолжаю встречать! — интересных людей и (может быть, самое главное!) приобрела некоторый жизненный опыт, хоть как-то уравновесивший ту строгую, категоричную и идеально-романтическую основу, которую заложило советское воспитание моего времени.

Без поездки в самые глухие деревни Архангельской области летом 1958 года я была бы другим человеком — хуже.

Почему самые глухие? Это было необходимым условием нашей поездки: чем глуше деревня, тем чище диалект. Нашими идеальными информантами должны были быть люди, никогда не выезжавшие из деревни, не получившие образования, не слушающие радио и т. п., то есть не испортившие свой северорусский говор стандартным нормативным языком (школа, радио) или влиянием других диалектов (выезды из родных мест).

В реальности это были старые женщины: мужчин в деревнях было мало, а те, кто был, обязательно покидали в какой-то период жизни свои места, уходя в армию или уезжая на заработки. Старушки, как правило, сидели всю жизнь дома, один-три класса церковно-приходской школы с учительницей, говорившей на том же диалекте, немного портили идеальный вариант, но в реальности было абсолютно приемлемо.

Они не должны были ни в коем случае знать, что мы интересуемся их языком, по понятным причинам: тогда они бы начали стараться говорить «правильно», «культурно» и отклонились бы от своей естественной речи.

Поскольку магнитофонов у нас не было (кассетники еще в СССР не изобрели, а катушечные были тяжелые, громоздкие и дорогие), мы записывали все транскрипцией. Чтобы скрыть свой лингвистический интерес, говорили, что мы историки, интересуемся, как люди жили раньше, до революции 1917 года. Каких же только жизненных историй мы не наслушались от наших старушек, счастливых, что кто-то (из Москвы!) интересуется их жизнью и готов слушать часами! Если бы у нас тогда хватило ума записывать не отдельные слова транскрипцией, а эти истории, это был бы не меньший вклад в историю и культурную антропологию, чем сказки Афанасьева. Помню наиболее типичную: как насильно выдавали замуж, как она кричала «нет» священнику и пыталась убежать, а отец за косы тащил ее обратно к аналою, а потом муж не прощал ей свой позор. Но мы были глупые (ума не хватило!), нам, во-первых, казалось, что мы не забудем этих человеческих историй, а во-вторых, мы же были старательные комсомолки-отличницы с особым научным заданием. Оно было важнее всего. Да и про культурную антропологию мы тогда еще не знали.

Хорошо помню те слова и их формы, которые никак не удавалось выловить в потоке воспоминаний. Вот три случая в качестве иллюстрации.

1. Мне досталось слово *толстый* — именно так: мужской род, единственное число, только, конечно, не это слово русского литературного языка, а соответствующий ему диалектный эквивалент, который я должна была ненавязчиво установить.

Я начала как обычно: «Расскажите, бабушка, про свою жизнь». Как только она упоминала отца, мужа, брата, сына, я заинтересованно спрашивала: «А какой он был, как выглядел?» Стараясь навести ее на слово *толстый*, иногда добавляла: худой был? Бабушка радостно подхватывала: ой, худо-о-ой, худющий. Довольно скоро стало ясно, что все мужчины, которых она знала, были худые. Я терпеливо продолжала задавать свои наводящие вопросы, и в результате бабушка неожиданно сказала «Ой, я поняла, чем ты интересуешься. Подожди». Она вышла из комнаты и вернулась, неся большую коробку с фотографиями: «На, смотри сама, а то мне уже некогда с тобой разговаривать». И ушла на кухню, оставив меня перебирать ее фотографии. Толстых там не было...

2. Другое слово, которое было моим личным заданием, — *конопля* в творительном падеже. На само слово я вышла довольно быстро, спрашивая: «А что еще у вас тут сажают, что растет?» Но мне-то был нужен творительный падеж! Зная о конопле только, что это какое-то растение, я, городская барышня, бухнула старушке:

— А суп у вас с ней варят?

— С чем?

— Ну с этой, как ее...

— С коноплей?!

— Ну да. (С облегчением.)

— А что, у вас в Москве суп с коноплей варят?!

Я догадалась, что коноплю в суп не кладут, но деться было некуда, было неловко обманывать старушку, и я сказала: «Варят», представляя, как она будет рассказывать подружкам про московские странности.

3. Смешные проблемы были у меня с «моим» словом *икать*, которое нужно было выяснить во всей красе, то есть проспрягать его во всех лицах и числах в настоящем времени.

Я понимала, что дожидаться, пока кто-нибудь по моей наводке, и тем более случайно, даст все формы одного глагола, нереально. Поэтому, нарушая правила, напрямик спросила у одной очень толковой бабушки: «А вот если я *икать* начну (я *икнула* для наглядности), то как сказать, что я делаю: я — что?» Старушка толково отвечает: я *икчу*. Я говорю: «А если ты?» — «Ты *икчешь*». Так мы за две минуты все и проспрягали.

Главное приключение (одно из главных) моей жизни случилось в деревне Турчасово. Ехали мы туда на телеге через болото по настилу из досок. Сходить с телеги, а уж тем более, упаси бог, с настила не разрешалось. Болото было усыпано белыми пушистыми цветочками, похожими на кусочки ваты. Я их потом часто видела на других болотах, особенно в Лапландии. Остановились в просторной избе. Хозяйка была крепкая, мудрая, но слепая старуха.

Там у меня сразу по приезде случился конфуз с нашей руководительницей экспедиции Еленой Федоровной Васеко.

Я вошла в комнату девочек и увидела на стене ее платье на плечиках (так ласково называли то, что теперь грубо называется *вешалка*). Оно было легкое, летнее, в цветочек. И я сказала нашим девочкам, разбивавшим свои рюкзаки: «Как неправильно: такое хорошее летнее платье — и с длинными рукавами». А может быть, хуже сказала — не «неправильно», а «безвкусно». Девочки молчали и странно смотрели позади меня. Я оглянулась и увидела, что за моей спиной стоит Елена Федоровна. Она спокойно сказала мне: «Я согласна с тобой, но я на войне потеряла руку, и у меня протез». Война все еще была близко... За пятьдесят с лишним лет, прошедших с тех пор, я забыла многое и многих. А эта сцена и мучительное чувство стыда и неловкости не проходят.

Итак, главное приключение в Турчасове. Все началось с того, что я подружилась с деревенскими мальчишками, и они предложили мне пойти с ними в пять утра на рыбалку. Я сразу и радостно согласилась (см. выше: «каждой бочке...», «каждой печке...»), тем более что мы питались привезенными с собой рожками и крупами, и свежая рыбка очень бы наших порадовала.

Все прошло удачно, новичкам везет, и я принесла неплохой улов.

Слепая хозяйка ощупывала всех рыб и рыбешек и тут же их называла. Когда она сказала: «Ого! Щуренок», я чуть не лопнула от гордости.

Мальчишки были мною довольны и предложили на следующее утро — опять рано, пока все спят, — слазить в турчасовскую церковь.

Дело в том, что в Турчасове был знаменитый храм Благовещения, и знаменит он был не только архитектурой. Когда громили и разоряли церкви, уцелевшие иконы из многих северных церквей потом свезли и свалили именно в турчасовскую церковь. Перед этим она, как и большинство российских церквей в двадцатые-тридцатые годы прошлого века, была сначала заколочена, потом служила складом, где держали капусту и другие овощи, потом, когда в нее свезли иконы со всей округи, она была опять заколочена и украшена доской с надписью «Охраняется государством».

Я видела уже и эту церковь, и доску на ней, поэтому спросила у мальчишек: «А как же мы туда попадем?» Они сказали: «Мы знаем, как, выходи в пять утра».

Там-то и случились мои незабываемые приключения.

О первом из них я изредка рассказывала, когда меня спрашивали: «А что в вашей жизни было страшного?»

Проникли мы в церковь легко. Ясно было, что мои спутники делали это неоднократно. Они предложили мне полезть в купол и полюбоваться видом с его высоты. Я согласилась, не ведая, что творю. Мы пролезли в темную шахту и поползли кверху, цепляясь за бревна. Вначале было легко и не страшно, но постепенно, поднимаясь все выше, я начала испытывать тревогу: стало совсем темно, не видно было, за что цепляться, мальчишки, явно много раз это проделавшие, меня сильно обогнали: их голоса были глухо слышны где-то далеко наверху. Тут я осознала, что надо будет потом ползти вниз, карабкаясь по этим же бревнам в полной темноте. Меня охватил ужас при мысли о том, что будет, если я упаду на дно этой шахты, в полный мрак, и меня, в смысле мое тело, даже вытащить оттуда будет невозможно. Я зависла, скованная ужасом и отчаянием, но потом решила продолжить подъем: впереди глухо слышались голоса моих новых друзей.

Наконец надо мной забрезжил какой-то сероватый свет, я заторопилась туда, увидев наверху отверстие, ведущее, думала я, к куполу. И тут случилось самое страшное. Когда моя голова поравнялась с отверстием, раздался какой-то шорох, нечеловеческий визг, писк, и мне в голову, в лицо впелись когти каких-то лохматых существ. «Черти! — пронеслось у меня в голове. — Поселились в заброшенной церкви!»

Как я не отпустила рук, как не свалилась в мрачную темную шахту высотой от земли до купола — я не понимаю до сих пор. Наверное, инстинкт самосохранения

сработал, спасая моих нерожденных детей и внуков. Существа, которые бились о мою голову, были теплые, и это было страшно, но их лохматость я опознала как перья, и догадка, что это могли быть птицы, спасла меня, придав мне силы. Пробившись сквозь испуганных мальчишками птиц в наполненное серым светом помещение, я разглядела, что это еще не купол, а барабан перед ним. Придя в себя после потрясения, я поняла, что там были мои мальчишки, живые и веселые. Они подвели меня к окошечку, из которого была видна такая неземная красота, такое буйное летнее разноцветье, такой простор и дали, что я забыла все ужасы восхождения и была благодарна и счастлива, что сподобилась увидеть это Чудо.

После такого очищения души красотой жизни и мира спуск не был таким трудным, как мне казалось, тем более что по моей просьбе мои друзья от меня уже не отрывались и всячески мне помогали, подсказывая, за что уцепиться.

Внизу меня ожидало гораздо более значительное происшествие.

Я ничего не знала про то, что турчасовская церковь была хранилищем икон всей области. Поэтому когда мальчишки сказали мне «пошли на галерею», я пошла за ними, радуясь, что не надо карабкаться по темной шахте, и не подозревая, что через минуту я увижу Незабываемое. Весь пол галереи был завален иконами. Они лежали слоями друг на друге, иногда доходя чуть не до колена. Верхний ряд был сильно загажен птичьим пометом. Местные ребята шли босыми ногами прямо по ним. Я была в босоножках и старалась идти, выбирая «прогалины», чтобы не наступать на них, но это не всегда удавалось. Как чистый продукт советского режима, я была вне религии — ни за, ни против, а вне, но какой-то странный инстинкт напряг меня, и я шла, замерев от величия, ужаса и какой-то мистики происходящего. Правда, это сейчас, спустя долгое время, я подбираю слова, пытаюсь выразить, а может быть, приукрасить свои чувства. А дальше было вот что: вдруг неожиданно для себя я остановилась. Потом нагнулась и подняла небольшую икону, так же покрытую белым пометом, как и все остальные. Оказалось, что она лежала лицом вниз, и когда я перевернула ее, не понимая, почему я это делаю, на меня в упор смотрели глаза Божьей Матери. Они были слишком большие для традиционных изображений Богородицы (позже, когда я увидела репродукции фаюмских фресок, мне вспомнились эти глаза) и смотрели прямо на меня. Я оцепенела. Глаза говорили: возьми меня. Я лихорадочно думала: как ее вынести?! Ведь она меня позвала, я прошла мимо сотен икон и вдруг почему-то остановилась, подняла, перевернула, она была нетронутая и просила меня о помощи. Но как вынести? Я в легком сарафанчике, засунуть ее не удастся: увидят и мальчишки, и потом мои товарищи. Церковь охраняется государством. Это на ней написано. Мне скажут: «Ты украла государственную вещь», а госу-

дарство у нас серьезное. С ним шутки плохи. Я мучилась, не понимая, почему. Наверное, это был какой-то генетический инстинкт: ведь приставка «Тер» в моей фамилии означает в армянской культуре, что я из рода священнослужителей. Тогда я, конечно, ничего об этом не знала, у меня не было ни рода, ни национальности, — я была советская девочка. Маленький советский динозаврик, и «мой адрес — не дом и не улица. Мой адрес — Советский Союз», как мы тогда пели. И сейчас иногда поем — с вызовом новому времени и ностальгическими слезами на глазах.

Я очнулась от криков «Пошли, чего ты там застряла». Оглянулась, попыталась засунуть икону за сарафан, поняла, что это невозможно, опять оглянулась и положила ее «на место», только поглубже, не сверху и, конечно, лицом вниз, чтобы ее не повредили птицы или чьи-то сапоги.

Икона эта стоит у меня перед глазами всю жизнь.

Через несколько лет, в 1964 году, я узнала, что церковь в Турчасове сгорела дотла от удара молнии вместе со всем, что в ней находилось.

Это был удар! Значит, только я могла ее спасти и не сделала этого. Я не знаю, что это была за икона, какой век, кто автор, имела ли она художественную ценность. Знаю только, что она остановила меня, вошла в душу (извините за несвойственный мне высокий стиль — это тоже Ее влияние), что у меня был с ней некий мистический контакт. Иногда я представляю, что кто-то так же споткнулся о Мадонну Рафаэля или Мону Лизу и не спас ее, и она навеки пропала для человечества...

Вот такие приключения произошли со мной в учебной экспедиции. Я тогда (и потом) никому ничего не сказала, кроме того, что я видела красоты местной природы с высоты птичьего полета. Наша диалектологическая «общественность» меня мягко осудила: зачем я полезла в запертую церковь, охраняемую государством.

Саша снял о нашей поездке любительский цветной фильм (на киноаппарат для узкой пленки), и там было много Турчасова и церкви. Много лет спустя мы хотели устроить вечер «ретро» на родном филологическом факультете, и Саша пожаловался, что узкая пленка высохла и даже страшно ее показывать: может рассыпаться. У меня был знакомый, Алеша Кашковский, который как раз работал на какой-то кинофирме, занимался реставрацией старых фильмов. Он взялся мне помочь. Я на радостях взяла у Саши и наш «художественный» фильм-капустник о жизни курса и факультета, снятый по нашему с ним сценарию. Сценарий был весьма незатейливый. Два веселых студента находят в нашем буфете забытый кем-то учебник латинского языка, а в нем — фотография прекрасной девушки. Они ищут ее на лекциях, в профкоме, в общежитии на Стромьинке и т. п., а в финале «ботаник»-всезнайка, которому они показывают фотографию, немедленно ее опознает: «Она играла Клитемнестру в

таком-то году». Юный ботаник в очках и тюбетейке был, конечно, Сергей Аверинцев.

В этом фильме был смешной эпизод в общежитии: веселая компания гуляет за столом в одной из комнат. Фильм был немой, и перед этим эпизодом была надпись «На широких стромьинских просторах». Вдруг влетает кто-то, кричит что-то, появляется надпись «Комиссия!». Суета, и один из гуляющих хватается ветку сирени, стоящую в вазочке, и сует ее в бутылку с водкой. Парень из комиссии подходит к столу, берет бутылку, нюхает, вытаскивает из нее сирень, долго и жадно пьет, а потом объявляет (титром) «Вода!». Комиссия уходит, гуляба продолжается.

На самом деле комиссии на Стромьинке были очень строгие. Мой муж на младших курсах жил там в комнате, кажется, на восемь человек. По его словам, жили очень дружно, со многими товарищами по общежитию он потом поддерживал отношения. Когда к власти пришел Михаил Горбачев, Вале позвонил стромьинский приятель и сказал: «Ну, ты понял, что первой леди страны стала Райка Титаренко, наш председатель санкомиссии?» У Райки была репутация очень строгой председательницы.

После смерти мужа мы нашли стихи, которые он писал всю жизнь, и опубликовали их. Приведу то, которое называлось «1954 год», где упоминаются Миша с Раей.

1954

Я фланирую с Карельским
И с раскосой кралей,
А поодаль с видом сельским
Бродят Миша с Раей
И пророчески решают
Сложные вопросы,
А вдали уже мерцают
Маяки Фороса.
Далеко еще до Горби,
До Стены и Пущи,
Потому и смотрим гордо
На народ поющий.
Далеко еще до Бори,
До шального рынка.
Потому, не зная горя,
Тешится Стромьинка.
Наплывает вечер нежный,
Светит папироской,
И проходим мы небрежно
Тишиной Матросской.

История с фильмами грустная, оба они погибли, потому что Алеша Кашковский по рассеянности положил отреставрированный вариант в растворитель вместо закрепителя. Он позвонил мне, чтобы извиниться, и сказал, что отдельные кадры сохранились и он может сделать

1957 г., 2-й курс. Ия, Света, Наташа

фотографии. Я была в таком шоке, горе и отчаянии, что сказала: «Не надо нам случайных кадров и фотографий, нам нужны были фильмы!» Положив трубку, я неожиданно начала так рыдать, что мои дети прибежали в испуге узнать, что случилось и кто умер.

Я — тоже неожиданно — сказала им: умерли два огромных куса моей юности.

Всю жизнь я себя проклинаю за то, что отказалась от фотографий...

Спасибо Саше Кибрику за эту экспедицию.

Алик Карельский.

Я встретила Алика (будущего доктора филологических наук, профессора филологического факультета МГУ Альберта Викторовича Карельского, в честь которого после его смерти журнал «Иностранная литература» учредил в 1995 году ежегодную литературную премию его имени) в сентябре 1959 года, когда перешла на четвертый курс, а он поступал в аспирантуру на кафедру зарубежной литературы. Алик только что вернулся из Германии с дипломом Гумбольдтского университета. Его как лучшего студента отправили туда учиться после второго курса, и он жил и учился в Берлине целых три года! По тем временам учиться за границей, да еще так долго, да еще получить «их» диплом было совершенно исключительным событием, и Алик сразу привлек к себе внимание.

Я встретила с ним по делу. Как прирожденная активистка и энтузиастка общественной работы, я все время входила в какие-то комиссии, бюро и т. п. В начале моей эпохи Карельского я была членом комсомольского бюро факультета. Моей самой любимой бочкой, затычкой которой я оказалась как раз в это время, всегда была самодельность. Соответственно, в бюро комсомола я

за нее и отвечала. Новоиспеченного аспиранта Карельского немедленно избрали в наше бюро. Он пожелал тоже заниматься самодельностью (сразу наметилось родство душ), и ему отдали мой сектор, а мне поручили «работу с иностранцами». Я должна была ему передать дела. С этого и начались наши очень хорошие, теплые, близкие (в советском смысле), дружеские отношения. В моей жизни Алик сыграл важную роль. Как Ленский, «он из Германии туманной привез учености плоды» и щедро вывалил на меня свои духовные богатства. Он стал моим «окном в Европу», и под его влиянием я узнала много нового, изменила свои взгляды и вкусы.

Первое, что меня поразило, — импрессионисты. Живопись всегда была моим самым любимым видом искусства, я еще в школе начала собирать открытки с репродукциями картин художников. Они были ужасного качества, но тогда я этого не знала, потому что другого качества не было. Выбор, как и с литературой, был сделан за меня советским представлением о том, что нужно показать советскому народу. Соответственно, кроме старых мастеров с их «коричневой подливкой» и передвижников, в моей коллекции никого и ничего не было. Это не жалоба (я и сейчас люблю и ценю и тех и других), это констатация фактов. Алик привез из Германии альбомы импрессионистов и постимпрессионистов и открыл мне совершенно новый яркий мир, в который я влюбилась сразу и навсегда. Он начал водить меня в консерваторию, перед этим рассказав мне о Равеле и Дебюсси. Я влюбилась и в них тоже сразу и тоже навсегда. Мы ходили в Александровский сад, на нашу лавочку, и он читал мне Рильке в своих переводах и свои стихи.

В моем архиве много его переводов и стихов, написанных мелким аккуратным почерком. Стихотворение

«Роден» он посвятил мне, а самого Родена, так же как Майоля и других, я узнала из его альбомов. Сейчас это кажется странным, но в конце пятидесятых все эти художники, скульпторы, композиторы и поэты просто для нас не существовали, потому что цвели и царили в неизвестном нам мире, за железным занавесом. И тогда, и сейчас, и всегда я была и буду благодарна судьбе за то, что, воплотившись в Алика Карельского, она подарила мне такой новый, прекрасный, любимый мною мир.

Передача дел по комсомольскому бюро затянулась, мы очень часто встречались, вместе организовывали эту самую самодеятельность. Возникла своя компания, в которую вошел большой приятель и однокурсник Алика Боря Бугров, впоследствии доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории в те времена советской, потом современной литературы, а сейчас русской литературы XX–XXI веков.

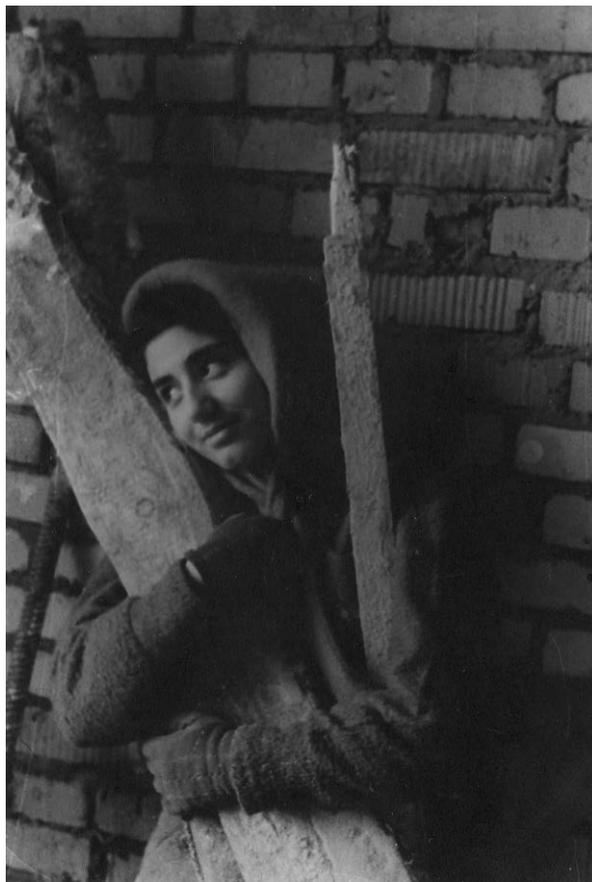
Боря поступил в аспирантуру на год позже Алика, а в тот 1959/60 учебный год приезжал в гости в нашу компанию из Рязани, где он жил и работал учителем литературы в той самой школе, в которой учительствовал Александр Исаевич Солженицын.

Наши «особые» отношения с Аликом были, естественно, сразу подмечены и моими, и его друзьями, и шли разговоры, как в Евгении Онегине, «...что свадьба справлена совсем, да остановлена за тем, что модных колец не достали». Все было не так, и не потому, что кольца только-только начинали снова, после десятилетий запрета на этот «буржуазный пережиток», входить в моду, а потому, что ни до, ни после Карельского у меня ни с кем не было таких прекрасных, чистых, высокодуховных, платонических (не побоюсь этого слова) отношений. И даже одиночный поцелуй в не вполне трезвом виде на балконе у моей однокурсницы Нади Октябрьской, тоже члена бюро (оргсектор), где мы собрались по поводу какого-то праздника, ничего не изменил и не испортил.

Одним из духовных результатов наших «высоких отношений» стал написанный нами капустник под названием «Боги, культорги и массы». В нем было несколько актов, и в том, который назывался «Культорги», было два главных действующих лица: старый культорг и молодой культорг. Старым, естественно, была я, а молодым — Алик. Молодой с помощью старого пытался организовать факультетский хор, но потерпел фиаско.

Кульминацией этого шедевра (без кавычек!) стал первый акт «Боги». Написанный гекзаметром, он представлял вполне реальное заседание комсомольского бюро, где все мы играли самих себя во главе с секретарем — студентом Игорем Милославским.

Выходили мы в белых туниках: Зевс-громовержец, секретарь бюро (Игорь Милославский), Афродита, оргсектор (Надя Октябрьская); Аполлон, культмассовый сектор (Алик Карельский); Геракл, спортсектор; Сизиф, сектор общественно-полезных работ, и т. п.

1957 г., 23 февраля. Курсовой субботник

Я была Клеопатра, сектор работы с неграками. Так мы закамфлировали «иностранцев», побоявшись неприятностей (тоже сейчас непонятно, а тогда — очень даже).

Повестка дня была обычная: отчеты Геракла и Сизифа, а затем — обсуждение рекомендаций для поездки за границу.

Писали капустник мы с Аликом долго, весело и с удовольствием. Встречались «у журналистов» в соседнем здании на Моховой, 9. Процесс шел «на галерее», где стояли столы и стулья и можно было писать, не отвлекаясь на друзей-знакомых.

«Боги» имели ошеломляющий успех (текст в приложении). Теперь он уже имеет историческую ценность как документ эпохи.

Много лет спустя, в 2000 году, через шесть лет после того, как Алик внезапно ушел из жизни, я «встретила» его в книжной лавке филологического факультета Санкт-Петербургского университета. На прилавке рядом лежали две книги: А. В. Карельского «Хрупкая лира» (РГУ, М., 1999) и моя — «Язык и межкультурная коммуникация» (издательство «Слово», 2000). Я стояла долго, увидев в этом мистический знак свыше. Не могу — и не хочу! — описывать свои чувства, скажу только, что потрясение было сильным.

Огромное влияние Алика Карельского выразилось не только в том, что он так щедро поделился со мной своим интеллектуальным и духовным богатством. Через него я встретила своего будущего мужа, но об этом — позже.

А впрочем — почему позже? Пора!

Прошел первый год аспирантуры Алика, дружба наша очень окрепла (потом оказалось — на всю жизнь), все было отлично, я перешла на пятый курс, 1960/61 учебный год. Пятый, последний курс учебы всегда особый. Сейчас все финалисты усиленно ищут подходящую работу уже на предпоследнем курсе. На последнем же очень многие работают, с трудом вырываясь на госэкзамены и диплом. В мое время работу не искали, потому что впереди было распределение. Идея совсем неглупая: получил образование за счет государства — отработал два-три года там, где это нужно стране. Так было в СССР. В Новой России распределение отменили, что, по-моему, большая государственная ошибка. Ладно, «платные» студенты (количество их растет с каждым годом), обучение которых оплачивают родители или их фирмы. Они чисты перед государством, не потратившим денег на их образование. Но так называемые бюджетные студенты, которых все еще абсолютное большинство в фундаментальных науках: точных, естественных, инженерных, гуманитарных... — ищут работу сами, с зарплатой побольше, что вполне естественно. И находят ее в иностранных или наших преуспевающих частных фирмах.

Наши выпускники, знающие в совершенстве иностранные языки, идут нарасхват заранее, начинают работать уже на четвертом-пятом курсах и успешно оседают в «Эриксоне», «Лукойле», «Кока-коле», Газпроме и т. д. Я, конечно, рада за них, да и университет получает благодарственные письма. Как пели мы в студенческие годы в очень оптимистической песенке про сирень, которая расцвела в моем садочке, — «и тебе, и мне хо-ро-шо!». Все довольны... Но ведь это же, мягко выражаясь, глупо: за государственные деньги, собранные с налогоплательщиков, готовить персонал для крупнейших и богатейших иностранных (!) и наших частных (!) концернов мирового уровня. А народ и страна, оплатившие их учебу, не получают молодых перспективных специалистов. Я говорила об этом на разных форумах, писала, публиковала статьи (правда, в нашей местной газете «Московский университет») ... Глас вопиющего в пустыне. Хуже — это воспринималось как посягательство на свободу личности, как пережиток социализма, как «совковость» (ненавижу это слово!).

Так вот, возвращаясь к моему последнему году студенчества, работу мы не искали: в конце года съезжались работодатели, предлагали на выбор разные варианты. Иногда — не предлагали, говорили строго: «Это ваш долг, стране нужны библиотекари/сельские учителя» и т. п.

Пятикурсники, особенно немосквичи, были озабочены устройством личной жизни. Этот год обычно проходил под знаком «брачной лихорадки» (marriage fever). Московские невесты и женихи были очень популярны.

Перед началом этого знаменательного учебного года Алик сказал мне озабоченно: «У Бори Бугрова объявился соперник в аспирантуру. Наш однокурсник подал заявление на ту же кафедру советской литературы, а там всего одно место».

Боря был уже «наш», он был до сих пор не просто единственным претендентом на это место, но и абсолютным фаворитом: его научным руководителем был декан Алексей Георгиевич Соколов. К тому же Боря был членом партии, и его уже выдвинули в партком — еще до поступления в аспирантуру. Я среагировала сразу («наших бьют»): «Нахал какой! Все же знают, что это Борькино место!» Алик ответил задумчиво: «Да нет, он не нахал... Способный парень». Я продолжала возмущаться, и все их экзамены в аспирантуру болела за Борю, не подозревая, что этот «нахальный чужак», который влез без очереди незванным и которому я всячески желала провалиться, — мой будущий муж Валентин Иванович Фатющенко.

На экзамене по специальности он провалился — получил четыре, а Боря пять. Я ликовала, не зная, что судьба моих будущих троих детей, шести (пока) внуков и одной (пока) правнучки Ирочки висит на волоске. Философию (или историю КПСС) они сдали с одинаковым результатом. Последний экзамен — французский язык. Здесь у «нахала» не было шансов. Он считал, что его шанс — специальность, но его, как он думал потом, завалили. Боря же слыл любимцем французской кафедры, играл в их постановках на французском языке и был радостно уверен в успехе.

У его соперника был обычный школьный французский. Правда, он окончил школу с золотой медалью, но это была школа в Тарусе Калужской области, в университете он не блистал, с французской кафедрой, помимо уроков по расписанию, не общался. Спас его случай. К экзаменам летом 1960 года он готовился в родной Тарусе, где у него была одна книга на французском языке: «Le petit prince», «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери, которую он и читал непрерывно, сидя на пляже на Оке, как он потом говорил. На экзамене ему достался текст из этой замечательной, гениальной книги! Он получил пять, а Боря неожиданно для всех и особенно для себя — четыре.

Количество баллов у них получилось одинаковым, но специальность была, конечно, важнее французского, поэтому Валя вернулся в деревню Глядково Сасовского района Рязанской области, где он учительствовал, отработав два года по распределению в горном ауле Узбекистана, населенном таджиками. Он учил таджикских детей русскому языку — не слишком удачно, потому что ни детям, ни их родителям в этом затерянном высоко в горах Тянь-

Лидия Тимошенко. "Юность. Портрет Светы Тер-Минасовой"

Шаня ауле, куда можно было добраться (и выбраться!) только летом, русский язык не был особенно нужен.

Валентин выучил разговорный таджикский, полюбил плов, потерял свои роскошные кудри, совершенно обомлел от красоты горных весенних лугов, писал стихи и хотел к маме в Калужскую область. Отработав распределение, помчался в Россию, где получил направление в Рязанскую область, потому что в Калужской для учителей русского языка мест не было. Преподавал он в Глядковской вечерней школе с соответствующим контингентом: усталые механизаторы (часто выпившие), беременные молодые женщины и тому подобные ученики, которых родной русский язык интересовал еще меньше, чем тьянь-шаньских школьников. До и после работы он сидел со стариком и старушкой, к которым его поселили. Он редко выходил из дому, потому что Глядково в то время имело плохую репутацию «буйного» места: вечером там хулиганили пьяные, и мой будущий муж, человек тихий и скромный, общался в основном со своими старичками, которые его очень полюбили как непьющего.

Так бы он и жил там, если бы не его научный руководитель, доцент кафедры советской литературы, специалист по поэзии начала XX века Виктор Дмитриевич Дувакин. Незауряднейший человек, проживший незаурядную жизнь, он не забыл своего ученика и написал ему письмо с призывом поступать в аспирантуру: «Не зарывайте свой талант в землю». Валя поехал в Москву, подал документы, ни на что не надеясь, просто послушавшись Учителя. Сдав экзамены, он вернулся в Глядково. Школьные коллеги незлобно посмеивались — в плане калачного ряда, куда не следовало соваться. Будущий герой нашей семьи был уверен, что не прошел, поэтому когда в декабре (через три месяца после экзаменов) в класс прямо во время урока вошел растерянный директор школы с казенным конвертом в руках, Валя долго не мог понять и поверить одной единственной официальной строчке: «Приняты в аспирантуру, приезжайте оформляться в общежитие в главном здании МГУ на Ленгорах».

Он никогда так и не узнал, чему он обязан этим поворотом Судьбы, но, по-видимому, поскольку сумма бал-

лов была одинаковой, декан разумно решил, что не стоит выделять своего аспиранта, и «достал» второе место на свою же кафедру.

Этот год — первый его аспирантуры и последний моего студенчества — мы практически не встречались и не знали друг друга, но жил он на одном этаже (зона «Г», седьмой этаж) с Аликом Карельским. Они очень подружились, и я, слыша о нем от Алика хорошие слова, немного оттаяла, но все равно относилась с подозрением. А вернее — никак не относилась, потому что у меня шли в это время параллельные, совершенно другие дружбы-романы.

Во-первых, чистая, высокая, веселая дружба-любовь с Аликом Карельским (гораздо больше дружба, чем любовь). Во-вторых, как раз в это же время разгорелся тянувшийся года полтора очередной советский роман-дружба с Николкой Анастасьевым (Николай Аркадьевич давно доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы на родном нашем факультете), учившимся на курс младше меня. Мы в нашей с ним компании называли его Николкой, как его звали дома. Он был из очень интеллигентной семьи: отец — театральный критик, мать — Елена Петровна Любарева, профессор кафедры советской литературы нашего факультета. Образованный, умный, легкий в общении, Николай был хорошим другом, и с ним было легко и приятно.

А во втором семестре этого очень событийного года приключился настоящий, бурный роман без кавычек — с моим однокурсником Сергеем С.

Если все по порядку, то надо начать с уже упомянутого Игоря Милославского. Прирожденный лидер, он всегда был знаковой фигурой и занимал важные общественные должности — например, секретаря комитета комсомола всего факультета, о чем я уже упоминала.

Но даже и без должностей, которые он периодически терял, иногда скандально (времена были нелегкие для выдвинувшихся на какой-либо пост), он все равно был лидером по натуре, от рождения.

Два последних года моего студенчества (а может быть, и дольше) я была активной (как всегда) свидетельницей и участницей его любимого хобби, не имевшего ни капли амбициозности. Заключалось оно в следующем. Каждую неделю мы во главе с Игорем шли в однодневный поход по Подмосковию. Накануне практически каждого воскресенья трех времен года (кроме лета) Игорь говорил нам, на каком вокзале и во сколько мы встречаемся. Маршруты составлял он сам, мы не знали о них заранее ничего, кроме места и времени встречи. Походы были им тщательно разработаны, часто они включали культурный компонент, типа «во второй половине дня — церковь, где венчался Суворов». И, конечно, природные красоты и богатства родного края. «Мы во главе с Игорем» обозначало минимальное ядро, состоявшее из Иго-

ря, Николки Анастасьева и меня. Часто к нам примыкали и другие наши товарищи (Володя Курников, например), но мы были обязательный минимум: если кто-то из нас троих не мог идти, поход откладывался. В любую погоду, осенью и весной пешком, зимой на лыжах — как это было прекрасно! Перед глазами стоят «мелочи»: паутина в дождевых каплях осенью, сказочная красота заснеженного леса, весенние ростки-загогулины, зеленые, темно-красные, пробившиеся сквозь мерзлую землю. Эти еще не развернувшиеся спиральки почему-то вызывали у меня безумный восторг, радость и умиление до слез, что-то иррациональное и атавистическое: конец зимы, остановившей все живое, возрождение Жизни на Земле.

Традиционно в середине дня делали привал: простая еда (по сезону), чай на костре или в термосе. Ни капли спиртного.

И вот однажды, в прекрасный зимний день 19 февраля 1961 года, мы пошли на лыжах большой компанией, в которой был и мой однокурсник Сергей С. Мы знали друг друга издавна: я училась на романо-германском отделении, москвичка, отличница и активистка. Он — студент русского отделения, приезжий (из Рыбинска), жил в общежитии, учился кое-как, общественной работой не занимался и был «знаменит» повышенным интересом к женскому полу и большими у этого пола успехами. Впрочем, я все это узнала позже.

В тот незабываемый день во время привала Милославский, настоящий лидер и авторитет, отдавал, как обычно, приказы, кому что делать (собрать дрова, расчищать площадку, разводить костер, раскладывать еду и т. п.), и все бросались выполнять, никогда не обсуждая и не рассуждая. Неожиданно, показав рукой на меня и Сергея, он приказал: «Вы двое — за водой» и объяснил, куда надо мчаться на лыжах. Мы, не разговаривая, помчались к воде с ведерком, нашли прорубь (и как Игорь знал, где вода, где прорубь?!), одновременно с двух сторон встали на колени над прорубью, нагнулись, чтобы зачерпнуть воду, и «волосы наши смешались», как у Дафниса и Хлои. Мы подняли головы, замерли, глядя в глаза друг другу в абсолютной тишине зимнего леса, окруженные торжественным караулом огромных заснеженных елей. Все это длилось несколько мгновений, исполненных чего-то необыкновенного. К сожалению, звучит как-то искусственно, псевдоромантически, а на самом деле все было удивительно, торжественно, неожиданно и мистически.

Не сказав ни слова, мы набрали воды и помчались обратно. На привале мы сидели в разных углах, и ни там, ни на обратном пути не сказали ни слова и не посмотрели друг на друга.

На следующий день я осторожно навела о нем справки и услышала полувосторженные, полувозмущенные рассказы о его донжуанских успехах.

После занятий мы с девочками из нашей группы пошли в нашу факультетскую читальню на третьем этаже,

Выставка художника Лидии Тимошенко.

Слева направо: А. Кибрик, Н. Коваль (будущая жена), С. Кодзасов (друг и однокурсник), "Юность. Портрет Светы Тер-Минасовой"

куда надо было пройти по железной черной лестнице. Она была черная и в прямом, и в переносном смысле.

Мы мирно корпели над какими-то учеными книгами, как вдруг открылась дверь и вошел Сережа С. с охапкой мимозы в руках. Все подняли головы и, замерев, посмотрели на него. Он твердым шагом подошел ко мне и медленно, очень артистично разомкнул руки над моей книгой. Это было как в театре: мимозы медленно падали на книгу и закрывали ее желтой пушистой горкой. Я встала, тоже медленно собрала цветы и ушла с ними из читалки, не сдавая книг, не собрав свои бумажки, интуитивно почувствовав, что испортить такой жест мелкой суетой — нельзя. Выглядела эта сцена очень эффектно. Мы вышли в гробовой тишине читального зала, провожаемые изумленными взглядами всех, включая библиотекаря. Я, впрочем, знала, что мои девочки все сдадут, все соберут и мне переправят.

И началось! Я очень скоро поняла секрет побед Сергея над женскими сердцами. Обычно в начале романа женщины более увлечены — на внешнем уровне, чем мужчины. Мы хотим как можно чаще видеться, ждем активного ухаживания, а мужчины, даже по-настоящему влюбленные, расставаясь, говорят что-нибудь вроде: «Ну, я в субботу позвоню, эту неделю я очень занят».

Сережа был идеальным, с женской точки зрения, влюбленным. Он сразу и полностью отдавал себя очередному роману, он был всегда свободен, он все время хотел видиться, он приносил каждый раз цветы. Наш дом был завален цветами, мы каждый день встречались, мы ходили в кино и очень часто в открытый бассейн, который построили на месте взорванного храма Христа Спасителя. Про бассейн шли нехорошие слухи, что какие-то сектанты топят посетителей: хватают за ноги и утаскивают под воду. В это не очень верилось, и бассейн был популярен у молодежи. Особенно было хорошо и интересно зимой: мороз, идет снег, а ты плаваешь в подогретой воде, потом поднимаешься над водой, снег падает на тебя и тает, а потом снова ныряешь в теплую воду. Через несколько дней Сережа сделал мне предложение, которое я радостно приняла, и мы пошли к моим родителям.

Мама, как всякая женщина, была очень за: красивый, высокий мальчик, цветы кругом (он к ней пришел с букетом — ну какая женщина не растает?), открытый, явно влюбленный по уши, впереди свадьба, платье, подарки, интересный период новой жизни — и для родителей тоже. Сестра уже двенадцать лет замужем, у нее два сына, а теперь и младшую выдают.

Папа, не выражая никакого восторга, очень внимательно всматривался в него и наконец сказал: «Ну что же, я согласен». Мы обрадовались, особенно я, потому что не ожидала такого легкого конца. А папа продолжал: «Только давайте подождем до конца июня: вы получите дипломы, а я соберу деньги, чтобы была хорошая свадьба».

Теперь я знаю: папа понял, что если он скажет «нет», мы на другой день побежим в ЗАГС расписываться (тогда это можно было делать сразу). И он разумно решил выиграть время, потянуть, а там видно будет. Это вполне соответствовало его мнению о романах молодости: когда мама ему говорила, что я кем-то сильно (по ее мнению, но не по моему) увлечена, он философски отвечал любимой поговоркой: «Горячая каша быстро остывает». Сам он, как известно, женился на маме в восемнадцать лет (ей было двадцать), и его горячая каша так и не остыла за пятьдесят лет без трех месяцев, то есть до его смерти.

Мы согласились — ну человек хочет деньги собрать для нашей свадьбы... Не свиньи же мы! Но я заявила твердо, что, ладно, официально узаконим наши отношения летом, но всем скажем, что мы поженились. Впереди распределение, надо, чтобы нас вместе послали на работу.

Папа вздохнул и согласился.

Как официальные жених и невеста мы еще более бурно закрутились в вихре влюбленности (тем более — весна) и почти не расставались. Объявлять о нашем союзе особенно было некому: курс уже все знал и обсуждал с большим пристрастием: мы были оба известные люди, но в абсолютно разных, даже противоположных контекстах, тем сильнее была сенсация.

Наш зам. декана по учебной работе Михаил Никитич Зозуля, очень колоритная личность — фронтовик, по слухам, военный комендант не то Берлина, не то какого-то другого города в послевоенной Германии, был поражен, увидев нашу «странную парочку»: отличница и хвостист. А разница была еще и в том, что выпускников

русского отделения (их было большинство) распределяли по всему СССР, а романогерманцы (немногочисленная «элита», в основном москвичи) оставались работать в Москве. Он сказал нам: «Русистов распределяют по республикам, в России — только места в Елабуге. Но вам и Елабуга не светит: он же плохо учился». При распределении учитывали и параметр успеваемости. Я, чувствуя себя декабристкой, сказала: «Куда пошлют, туда мы и поедем!» Зозуля вздохнул, как мой папа, и сказал: «Хорошо. Я понял».

Сереза продолжал себя вести, с женской точки зрения, идеально. Например, он выразил желание встретиться с родственниками и быть им представленным как мой жених. Ну где вы найдете такого юношу? Мы стали обходить тетюшек, дядюшек, кузенов и кузин. Все были очарованы и приятно удивлены.

Вся моя предшествующая жизнь, друзья, компании — все ушло. Кстати, Алик Карельский был в отъезде, когда все это случилось: уехал переводчиком в Австрию — кажется, с композитором Арамом Хачатуряном. Я знала, что поскольку они с Сергеем оба жили в общежитии, по приезде Алику все доложат в первые полчаса. Он объявился, мне было все равно. «Все, что было, все прошло», как сказал Блок, «в прудовой туман ушло». Я жила только своей Великой Любовью и предстоящим замужеством. Все, что мне говорили о Сергее плохого, я не принимала, отвергала и даже получала от этого некий новый стимул. Теперь я знаю, что «спасти павшего (или падшую)» может быть даже интереснее и привлекательнее, чем завоевать героя. И то и другое — challenge (вызов, трудная задача), как любят говорить американцы. По этому поводу неамериканцы шутят на международных форумах: «Americans have no problems. They have challenges instead» (у американцев нет проблем, они принимают вызовы). Это бывает и у мужчин (Нехлюдов в «Воскресении» Л. Толстого), но чаще у женщин.

**А. В. КАРЕЛЬСКИЙ,
С. Г. ТЕР-МИНАСОВА**

Боги, культорги и массы
Народная драма в трех действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Боги

Этот капустник был написан аспирантом филологического факультета МГУ Аликом Карельским и студенткой четвертого курса того же факультета Светланой Тер-Минасовой в 1959 году.

Предлагаемая читателям сцена «Боги» — это заседание комсомольского бюро филологического факультета. В этой сцене роли играли все реальные члены бюро тех лет. Секретарем был студент пятого курса Игорь Милославский.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИСПОЛНИТЕЛИ

Зевс — Милославский¹ («Марш Черномора»)
 Афродита, богиня персональных дел — Октябрьская²
 Брунгильда, языческая богиня Внеагита — Жукова (музыка из к/ф «Колдунья»)
 Клеопатра, сектор работы с неграками — Тер-Минасова³ («Хабанера»)
 Сизиф, сектор общественно-полезных работ — Ефимов («Марш энтузиастов»)
 Геракл, спортсектор — Павловский («Футбольный марш»)
 Аполлон, культмассовый сектор — Карельский⁴ («Ландыши»)
 Купидон, Второй агит — Мулярчик⁵ («Мальчик резвый, кудрявый...»)
 Калипсо, нимфа — Першуткина⁶
 Пенелопа, заочница — Войцеховская

¹ Игорь Григорьевич Милославский, доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ, зав. кафедрой сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ.

² Надежда Дмитриевна Октябрьская, заведующая иностранным отделом филологического факультета МГУ.

³ Светлана Григорьевна Тер-Минасова, доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ, декан-основатель (1988-2012 гг.), президент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ с 2012 года.

⁴ Альберт Викторович Карельский, доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы филологического факультета МГУ, переводчик, поэт.

⁵ Александр Сергеевич Мулярчик, член-корреспондент МАНПО, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории зарубежной литературы Московского государственного областного университета.

⁶ Лариса Першуткина.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

З е в с. Ныне, о мудрые боги Олимпа, созвал я вас купно.
 Экстренных дел многотрудных у нас накопилось немало.
(Обрацаясь к Афродите.) Пеннорожденная! Встань, внятно повестку зачти.
 А ф р о д и т а *(вставая)*. Первым вопросом повестки совета, о боги,
 Ваши отчеты пустить мы вчера с Громовержцем решили,
 Пусть, соблюдая регламент, Сизиф-трудолюбец изложит,
 Сколь преуспеть он успел на ниве общественной пользы.
 После же, боги, пусть встанет Геракл-физкультурник,
 Пусть нам о спорте расскажет он, мышцей играя упругой.
 Есть возраженья у вас по первому пункту повестки?
 Б о г и *(хором встают и протягивают руку — приветствие Зевсу)*.
 Нет возражений у нас, и слава Зевесу-владыке!
 А ф р о д и т а. Встань же, бессмертный, и бодро начни по порядку.
 С и з и ф. Всем нелегко нам, о боги, нести наше тяжкое бремя,
 Что возложила на нас в октябре конференция смертных,
 Но согласитесь, что мне сектор достался труднейший,
 Самоотвод я не взял, о чем горько я ныне скорблю.
 Делом первейшим моим было, о боги...
 К у п и д о н. Регламент!
 С и з и ф. Сядь, слабоумный! Отчет, не смутившись, продолжу.
 Начал я, боги, с того, что слабым жрецам ДОСААФа¹
 Я собирать помогал добротные жертвы со смертных.
 Ныне вольготно живут в ДОСААФе служители культа,
 Взносы за месяц собрав, год отдыхают потом.
 Дело гораздо сложней обстояло с воскресником прошлым,
 Что провести мы решили в священных стенах Парфенона —
 Фидий воздвигнул его, выносить мы должны были мусор.
 Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос,
 Выглянул я из метро — нету кругом ни души.
 В том была, боги, причина сокрыта неявки,
 Что из рабов недостойнейший раб, судачишка² ничтожный,
 Худший из смертных маляр, не так написал объявление,
 Сам Парфенон превратив в линий нестройных хаос,
 Дев же участниц подав в виде черных пикассовских кошек.
 Страшное то объявление порвали мы в мелкие клочья
 И побросали, плюясь и ликуя, в ближайшую урну.
 Через декаду мы вновь собрались у подножия храма,
 Дождь поливал спецхитоны, нам Тяпкиным³ данные щедро.
 В поте трудились лица отделения русского девы.
 Но уклонялись мужчины, и множество варварских песен,
 В гулкие ведра бия, распевали романогерманки.
 Кибрик⁴ же дерзостный бегал повсюду с безбожной машинкой,
 В ряде подвижных картин воссоздать тот воскресник желая,
 Всюду смятенье внося и снимая лишь дев громогласных.

¹ Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту.

² Студент филологического факультета Владимир Судаков, факультетский художник. Его объявление о субботнике с абсолютно невинной, слегка импрессионистской картинкой сняли со стены и принесли в партбюро случайные посетители факультета, возмущенные «абстракционизмом».

³ Зам. декана по хозяйственной работе филологического факультета МГУ.

⁴ Александр Евгеньевич Кибрик, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ.

Все ж по достоинству был оценен наш труд бескорыстный.
 Все расходились, ликуя, зарплаты на транспорт хватило.
 И достиженьем таким, боги, я скромно горжусь. (*Садится.*)
 З е в с (*встает*). Мнение какое, достойные, будет у вас по докладу?
 К у п и д о н (*встает*). Совесть моя не позволит мне, мудрые боги, спокойно
 Слушать, как цену себе набивает Сизиф-трудолюбец.
 Шел я вчера по Акрополю, луком играя, и вижу:
 Грязный стоит Парфенон, и спешат его снять иностранцы.
 Выговором оценить мы труд Сизифов должны.
 Б о г и (*хором*). Дать ему выговор строгий, и слава Зевесу-владыке!
 А ф р о д и т а. Слово второе имеет, о боги, Геракл-физкультурник!
 Встань, легконогий! О спорте ты нам, не смущаясь, поведай!
 Г е р а к л (*встает*). Дело такое: со спортом у нас плоховато.
 Хилый народец пошел и спортсмены у нас — ни в дугу.
 (*Замешательство среди богов, они шокированы.*)
 Вот в ноябре, например, я устроил пробег марафонский.
 Старт был в ногах у статуи¹, перед зданием старым сидящей,
 А у стоящей статуи² пред зданием новым был финиш.
 В день, что был нами назначен, явились одни аспиранты,
 Ложной надеждой влекомы, что это им в планы зачтется.
 Пламень спортивный светился на их исхудалых ланитах.
 Дружно они затрусили, блистая на солнце очками,
 Но, непривычные, трое уже у Калужской³ упали,
 Планы научной работы в руках ослабевших сжимая.
 Двух же других до утра мы у финиша ждали напрасно:
 Знать, перепутавши планы, они не туда завернули.
 Так и поныне блуждают, и где-то у Парка культуры
 Утром, спеша на работу, видала их Анна Владимировна⁴.
 И лишь один добежал и у финиша пал бездыханный,
 Проробмотав полувнятно: считайте меня кандидатом.
 Так аспирантская хилость сорвала пробег марафонский.
 Их уподобясь примеру, забыли о спорте студенты,
 Бросили делать зарядку и к играм совсем охладели.
 З е в с. Мнение какое, достойные, будет у вас по отчету?
 К у п и д о н. Снова, о боги, во мне говорит беспокойная совесть.
 Смертные тянутся к спорту, вовлечь их спортсектор не может,
 И ограничил работу свою лишь мужами науки.
 Слышали, боги, как гибнут один за другим аспиранты,
 В мощных объятьях Геракла научный свой дух испуская.
 Если спасти мы хотим от погибели верной науку,
 Выговором оценить труд мы Гераклов должны.
 Х о р б о г о в. Дать ему выговор строгий и слава.
 К л е о п а т р а (*Купидону*). Опомнитесь, боги!
 Странно и горько мне слышать тебя, Купидон златокудрый.
 Просто увлекся Геракл, говоря о своих недостатках.
 Женское ж сердце мое о достоинствах помнит Геракла.
 Разве не знаешь, кудрявый, что дома сидят аспиранты.
 Гибнут они не на играх, в читалках безвылазно сохнут
 Или, как некто⁵, без толку снуют меж людей в коридорах,

¹ М. В. Ломоносов на Моховой, 9.

² М. В. Ломоносов на Ленинских горах.

³ Ныне метро «Октябрьская».

⁴ Анна Владимировна Андриевская, диспетчер филологического факультета МГУ.

⁵ Алик Карельский, аспирант первого года обучения, ответственный за культурно-массовую работу.

Дев и мужей безголосых на хор безуспешно сзывая.
 Сам же Геракл, как ты знаешь, зимой без рубашки
 Ходит, себя закаляя, других вдохновляя примером.
 Нет, заслужил Геркулес богоравный не выговор, боги,
 А благодарность людскую за труд свой...
(Смотрит на Купидона) ни с чьим не сравнимый.
 Х о р б о г о в *(тянут руки)*. Дать благодарность ему, и слава Зевесу-владыке!
 Г е р а к л. Тронут я, боги, весьма, и спасибо тебе, Kleopatра!
 Ваше внимание цена, предлагаю вам сделать физпаузу.
(Музыка «Чижик-Пыжик»)
(Входит Калипсо и, пораженная, замирает.)
 З е в с *(недовольно)*. Что тебе, нимфа? Зачем ты богов от трудов отвлекаешь?
 К а л и п с о. Кто отвлекает кого? Я из третьего пункта повестки...
(Ехидно.) Вот уж тринадцатый час терпеливо я жду за дверями.
 Скрылась уж Эос во мраке давно со своими перстами,
 И разошлись по домам, веселясь, гардеробные девы.
 Мы ж с Пенелопой сидим, вашим порядкам дивясь.
 З е в с. Ты подожди вот за дверью, а мы тут во всем разберемся.
(Калипсо, пожав плечами, уходит.)
 З е в с *(Афродите)*. Афа, как ты объяснишь поведенье несдержанной нимфы?
 А ф р о д и т а. Гнев свой, владыка, умерь, хоть и нет оправдания нимфе,
 Все же ты сам повелел ей явиться еще на восходе,
 А уж закат... И должно быть, терпение лопнуло девы.
(К богам.)
 Нимфы, о боги, относятся к третьему пункту повестки.
 Неугомонные жаждут поехать туристками в Трою.
 З е в с *(недовольно)*. Мало им места в Элладе, их в Трою теперь потянуло.
 А ф р о д и т а. Просят они утвердить им характеристики, боги.
 Нет возражений у вас? Пусть появится первая нимфа.
 З е в с. Сядь вон туда. Как зовут тебя, нимфа?
 К а л и п с о. Калипсо!
 З е в с. Связано ль это с тем танцем, что ныне у варваров в моде?
 К а л и п с о. Имя свое я ношу как минимум двадцать столетий,
 Танец же существует как максимум два полнолуния.
 З е в с. Будь поскромнее, Калипсо! Зачитывай, Афа, папирус.
 А ф р о д и т а. «Нимфа Калипсо, рожденная до нашей эры,
 Член профсоюза для нимф и отзывчивый, чуткий товарищ,
 И на работе общественной часто себя проявляла.
 Нимфа морально устойчива и политически зрела.
 Этот папирус ей дан для туристской экскурсии в Трою».
 З е в с. Будут вопросы, о боги, у вас к обсуждаемой нимфе?¹
 Б р у н г и л ь д а. Не собираешься ль ты по приезде немедленном в Трою
 В поиски ринуться там новомодных троянских хитонов?
 К а л и п с о. Нет, я хитонов моднейших достаточно дома имею.
 Так что твои опасенья напрасны, поверь мне, богиня.
 Б р у н г и л ь д а. А расскажи нам подробней, о нимфа, какое участие
 Ты принимаешь в работе общественной в куриях наших?
 К а л и п с о. Как вы слыхали от Афы, была я активной в работе.
 Вот, например, обменяла я первой билет профсоюзный.
 Кроме того, постоянно служу переводчицей в ВОКСе².
 А п о л л о н. Как посещаешь ты, нимфа, занятия нашего хора?
 К а л и п с о. Не посещаю совсем. Я без голоса. Петь не умею.
 А п о л л о н. Вот как! А слышал я, нимфа, что прежде частенько ты пела,

¹ В этой сцене приводятся вопросы, которые действительно задавали на заседаниях комсомольского бюро при утверждении характеристик для поездок за границу.

² ВОКС — Всесоюзное общество культурных связей.

Фавнов в восторг приводила ты, своды пещер сотрясая.
 К а л и п с о. То были песни иные, ведь я же учу финикийский.
 Фавнам я пела одни финикийские звучные песни.
 Песни ж эллинские петь ни голоса нет, ни желанья.
(Боги возмущенно перешептываются.)
 А п о л л о н. Ясно. Скажи нам тогда, каково Фермопил населье?
 К а л и п с о. Вот в математике я, к сожаленью, была слабовата.
 В памяти точные цифры держать никогда не умела.
 К л е о п а т р а. Вот вам полегче вопрос. Кто писал Eхегі monumentum?..
(Калипсо задумывается.)
 К л е о п а т р а. Были такие стихи, среди эллинов весьма популярны.
 К а л и п с о *(уверенно)*. Лошиц¹, по-моему, и посвятил их при этом Кружковской.
(Клеопатра кивает головой в знак согласия.)
 С и з и ф. Кто же тогда написал знаменитый роман «Одиссея»?
 К а л и п с о. Эрих-Мария Ремарк.
 З е в с *(зловеще)*. Ну, по-моему, боги, все ясно.
 Нимфа идейно для этой поездки еще не созрела.
 Ты вот пойдя почитай и придешь через два полнолуния.
(Калипсо выходит, сталкивается с Пенелопой.)
 П е н е л о п а. Липа, ну как?
 К а л и п с о *(саркастически)*. Как всегда. Ты же знаешь Олимп, Пенелопа.
 З е в с. Сядь вон туда, Пенелопа. Зачитывай, Афа, папирус.
 А ф р о д и т а. «Смертная ты Пенелопа, старинного года рожденья,
 Член профсоюза для прях и отзывчивый чуткий товарищ.
 Пользуется средь заочниц заслуженным авторитетом
 Домохозяйки примернейшей и терпеливой супруги.
 Пряха морально устойчива и политически зрела.
 Этот папирус ей дан для туристской экскурсии в Троию».
 З е в с. Будут ли, боги, вопросы? Но только прошу посерьезней.
 Мы увлеклись мелочами. Давайте вопросы о главном.
 К у п и д о н. Кто был Двенадцатый Карл?²
(Пенелопа молчит.)
 З е в с *(грозно)*. Отвечай, Пенелопа.
 П е н е л о п а *(робко)*. Право, не помню, о боги. А разве мы это учили?
 Мы на заочном ведь трудимся по облегченной программе.
 З е в с. Боги, я смысла не вижу в дальнейших вопросах.
 Нету вопросов у нас, и ступай-ка домой, Пенелопа.
(Пенелопа, подавленная, уходит.)
 З е в с. Афа, все, что ли?
(Афродита кивает.)
 З е в с *(встает)*. Ну что ж? Вы все слышали, боги.
 Мы обнаружили с вами совсем вопиющую серость,
 В жизненно важных вопросах полнейшую некомпетентность.
 Где ж результаты работы твоей, Купидон златокудрий?
 Сектор твой важный агит явно еще отстают.
 Боги, считаю, что мы ему выговор вынесем строгий.
 Х о р б о г о в *(злорадно)*. Дать ему выговор строгий, и слава Зевесу-владыке!
 З е в с. Боги, пошли по домам. Заседанье считаю закрытым.

Продолжение следует.

¹ Юрий Лошиц, член Союза писателей с 1980 года, автор романов серии ЖЗЛ «Сковорода», «Гончаров», «Дмитрий Донской» и др. Лауреат литературных премий им. В. С. Пикуля, А. С. Хомякова, Эдуарда Володина, «Боян», Большой литературной премии России, премии Александра Невского, Бунинской премии.

² Этот нетипичный вопрос действительно был задан на одном из заседаний комсомольского бюро филологического факультета МГУ, и именно Сашей Мулярчиком.

Чарлз РОБЕРТС

Чарлз Джордж Дуглас Робертс (1860—1943) — англо-канадский писатель-натуралист и поэт. Вместе с Эрнестом Сетон-Томпсоном считается основателем литературного жанра рассказов о животных, благодаря которому получил мировое признание. Действие многих книг Робертса происходит в лесах Нью-Брансуика — канадской провинции, где родился писатель. Самое известное его произведение — повесть «Рыжий Лис».

Евгений Никитин — выпускник Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета. Как переводчик публикуется в «Юности» с 2010 года.

СХВАТКА ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ

Рисунок Елизаветы Горяченковой

На широком плоскогорье, расчерченном зигзагообразными серыми линиями заборов и усеянном пятнышками пастбищ и перелесков, раскинулся мягким покрывалом снег. Небо над ним было того же цвета благодаря гнущимся под тяжестью снежинок, но еще не готовым осыпать мир своим пушистым грузом облакам. Далеко внизу, в долине, стоял один-единственный домик, словно преднамеренно подчеркивая пустыньность безмолвного зимнего пейзажа.

Из заснеженной чащи выскочил белый заяц. Его длинные уши подрагивали от волнения. Зверек на секунду замер и — явно перепуганный — оглянулся. Он знал, что его преследует некий враг, однако понятия не имел, кто именно. После мгновенного колебания заяц поскакал дальше, оставляя на рыхлом снегу четкий след. Но бдительность животного боролась с его же любопытством: перед тем как перебраться через забор и устремиться в следующую чащобу, зверек остановился, встал столбиком на мощных задних лапах и снова оглянулся. На этот раз неизвестный враг показался в открытую: рядом с чащей, из которой тот только что выбежал, появился злобный черный силуэт. Заяц задрожал от страха. Больше не проявляя ни капли любопытства, он перемахнул через забор длинным прыжком и, паникуя, скрылся в кустах. Там он сделал двойную петлю, надеясь сбить неутомимого преследователя с толку испытанным приемом, после чего сканул в заснеженный лес и продолжил стремительный бег.

Между тем его враг — крупный самец норки — шел по следу с упорством, которое сделало бы честь собаке-ищейке. Будучи уверен в своих силах, он не останавливался, чтобы посмотреть, как ведет себя жертва, и не спускал глаз (а также носа) со свежих следов. Хищник не уступал зайцу в скорости и превосходил его в выносливости. Из-за длины туловища и чрезвычайно коротких лап он передвигался весьма необычным способом: выгибал гибкую спину, как червяк, и резко устремлялся вперед, словно сорвавшаяся с тетивы стрела. Со стороны волнообразное движение выглядело по меньшей мере забавно, но это не отменяло эффективности такого метода. След норки не накладывался на след зайца, а ложился отдельной линией. Там, где снега нападало немного, маленькие лапки хищника оставляли тонкий след — гораздо менее заметный, чем след убегающего обладателя широких лап. В других местах долговязое тело норки почти утопало в снегу, и мускулистый хвост оставлял четкие отпечатки.

Добежав до зарослей, самец норки сразу же раскусил примитивные уловки беглеца благодаря богатому опыту. Он прошел сквозь петли, пересек чащобу по почти идеальной прямой и снова взял след. Впереди уже маячил беглец собственной персоной.

Следующая полоса лесистой местности на пути жертвы оказалась неширокой, но густой. За нею, на холмистом участке неподалеку от пастбища, рядом с льдистым водоемом охотился рыжий лис. Он бегал туда-сюда

и совал нос под пучки мха, под корни трухлявых пней в поисках еды — мышей, землероек. Хищник уже нашел парочку, однако маленькая закуска лишь раздражила нагулянный аппетит. Теперь он стоял на месте, вытянув хитрую морду в направлении леса и будто размышляя, стоит ли поохотиться на зайца. Великолепный желто-бурый пушистый хвост подметал снег за его спиной; зверь никак не мог решить, что же делать.

Вдруг он резко повалился брюхом на снег, дрожа от волнения, словно щенок, собирающийся схватить влекомый ветром листок. Он глядел, как заяц выбегает из леса, и лежал совершенно неподвижно — так, что его легко можно было принять за сухостой, несмотря на яркую окраску. Заяц вбежал в продолговатое полое брев-

но. Лис незамедлительно рванулся вперед, в два прыжка оказался рядом с бревном и уселся возле того конца, откуда должен был появиться зверек.

Спустя несколько секунд появился самец норки и вслед за беглецом залез в укрытие. Хищник совсем не возражал охотиться или же сражаться в такой тесноте. Еще через секунду длинноухий выпрыгнул из бревна. В воздухе его ухватили челюсти поджидавшего лиса, и бедняга умер, не успев осознать, кто его убийца.

Будто подозревая, что испортил чью-то охоту, лис привычным движением забросил неподвижную добычу на спину и стал спускаться к логову, которое находилось с другой стороны водоема.

Когда длинное тело норки вылезло из полого бревна, охотник резко замер, присел на снег и, дергая хвостом, уставился на торжествующего преступника сверкающими красными глазами. Нарушение границы — ничуть не меньшее оскорбление, чем ранение. А многие дикие звери не выносят оскорблений. Для животного размером с норку лиса была слишком сильным противником, столкновения с которым при обычных обстоятельствах следовало избегать. Однако разгоряченный, озлобленный черный хищник не посчитал текущие обстоятельства обычными. Бесшумный, как тень, быстрый и проворный, как змея, он подбежал к неторопливо бредущему лису и быстро прокусил большое сухожилие правой задней лапы. Такая рана надолго оставит противника калекой.

Тело зверя пронзила острая боль. Разъяренный лис, прихрамывая, бросил добычу и развернулся к неожиданному противнику. Однако самец норки уже отскочил в сторону и присел в полной боевой готовности, впиваясь во врага злобным взглядом. Лис помчался на него, яростно щелкая внушительными челюстями, но норки на прежнем месте уже не было. Маленький хищник ловким скольльзящим движением ушел с линии атаки и теперь находился в нескольких ярдах — бдительный, жаждущий возмездия, опасный противник. Рыжий еще дважды атаковал его — и оба раза безуспешно. Затем тоже присел в настороженной позе, сверля стройного черного врага взглядом. В глазах норки пылал злоеший, жестокий алый огонь, а в затуманенных гневом и злобой глазах лисицы — хищно-зеленый.

Секунд тридцать оба бойца не двигались, дрожа всем телом от напряжения. Вдруг лис молниеносно прыгнул вперед. Однако норки вновь не оказалось на прежнем месте. Охотник теперь лежал в трех ярдах слева, а в его глазах горела неугасимая ненависть.

Рыжий будто понял, что бесполезно пытаться поймать неуловимого противника. Он неторопливо, нехотя отвернулся и, неуклюже прихрамывая, побрел прочь от добычи, которую не смог защитить, — на лед, к своему логову.

Теперь, вернув тушку зайца и сумев одержать верх над столь сильным врагом, самец норки мог со спокойной совестью пожать плоды своего триумфа. Однако в нем проснулся зов его свирепых предков. Он хотел не только победы, но и мести. Как только лис удалился примерно на дюжину футов, пространство, где только что находился черный зверь, вдруг опустело. Почти в то же мгновение лис получил еще один беспощадный укус в лапу.

На сей раз ничего, казалось бы, не подозревающий противник в мгновение ока развернулся к мстителю. И снова опоздал на какую-то долю секунды. Яростный порыв, щелканье длинных челюстей — все впустую. Норка уже наблюдала за ним вне зоны досягаемости. В разъяренном взгляде лиса мелькнуло нечто очень похожее на страх. Он повернулся и продолжил вынужденное отступление.

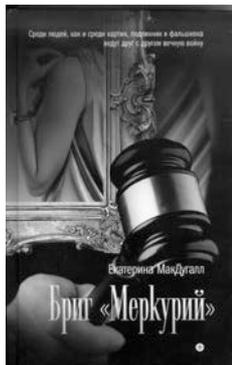
Вновь и вновь черный хищник повторял неувлимые атаки, с каждым разом причиняя глубокие опасные раны и уклоняясь от возмездия. Теперь лис оставлял за собой алый след и хромал на обе задние лапы. Он добрался до места, где заканчивался твердый лед, и повернулся, оказавшись в безвыходном положении. Маленький охотник отступил; несмотря на всю ненависть, он оставался на чеку. Тогда лис очень осторожно пошел вперед, пробуя лед перед собой лапой и стараясь сохранить точку опоры.

Через несколько секунд норка снова атаковала. Зверь сделал обманный маневр, будто целясь вправо, затем со змеиной быстротой изогнулся и впился в уязвимое бедро рыжего у самого паха.

Это была коварная и смертельная атака. Однако когда мститель устремился обратно, на безопасное расстояние, его лапы заскользили по льду. Задержка была ничтожна — какая-то доля секунды, но лису этого хватило: его мощный удар не пропал впустую. Челюсти сомкнулись на тонком позвоночнике норки и раздробили его. Черная тушка забилась в последней конвульсии и затихла.

Даже зная, что норке хватило одного этого укуса, лис вновь и вновь вонзал клыки в мягкое, податливое тело. Потом он высунул язык из окровавленных челюстей, часто дыша, поднял голову и окинул любопытствующим, но тревожным взглядом знакомые места. Все почему-то выглядело нечетким и расплывчатым. Рыжий повернулся, оставив мертвую норку валяться на льду, и медленно, с явной мукой побрел обратно по своему темно-красному следу. Совсем недалеко зияло отверстие в бревне — ключ к уединению, к которому он отчаянно стремился. Негласный кодекс диких зверей-«аристократов» не позволял ему сдаться и встретить смертный час у всех на виду. Собрав остатки сил, лис заполз внутрь бревна — теперь наружу предательски торчал только кончик пышного хвоста. Там зверь улегся, прижав лапу к носу, и погрузился в спячку. Снаружи ударил мороз. Всего за час он обратил в ледяную статую неподвижное тело, в котором еще совсем недавно кипела жизнь. Затем повалили густые, молчаливо кружащиеся хлопья снега, наполнив воздух и погребя под собой сражавшихся.

Перевод с английского Евгения Никитина.

МакДугалл Е. Бриг «Меркурий». — СПб.: Амфора, 2013. — 351 с.

ПОБЕДОНОСНЫЙ БРИГ В ЖИТЕЙСКОМ МОРЕ

«Бриг «Меркурий» — дебютный роман молодого автора и в то же время одного из самых влиятельных игроков российского арт-рынка, основателя аукционного дома MacDougall's и эксперта по русскому изобразительному искусству Екатерины МакДугалл. Остросюжетная детективная история одноименной картины Айвазовского и ее скандальных подделок, вокруг которой разворачивается действие романа, оказывается тесно переплетенной с судьбой главной героини, вынесенной волной истории на перекрестье эпохальных общественных сдвигов современности.

Как и Екатерина МакДугалл, ее героиня Александра Макнилл (порой сливающаяся с ней самой), москвичка и потомственный искусствовед, а впоследствии и владельца лондонского аукционного дома, принадлежит к поколению рожденных на закате советского времени. Испытав на себе последние гонения советского режима и перестроечную смуту, лихие 90-е и деловитые нулевые, а также долгое пребывание за рубежом, она в итоге становится участницей главного сюжета в своей жизни, пришедшего из детских впечатлений в родном доме — впечатлений от висевшего в детской «Брига «Меркурий» Айвазовского и отцовских рассказов о легендарной битве непобедимого брига.

Сколько раз так бывало в истории России: самые рядовые ее участники в столкновении с роковыми обстоятельствами, гибельный исход из которых для них, казалось бы, неминуем, принимали неравный бой. Принимали спокойно, без всякого трагического надрыва, просто и честно оставаясь самими собой... И становились победителями. Так произошло и с маленьким русским бригам, храбро сразившимся с армадой турецкого флота в далеком 1829 году. Это очень русское по духу событие — своего рода символ русской исторической судьбы. По таинственным законам жизни подобные события пре-

вращаются в семена, дающие свои животворные плоды порою даже через множество поколений, в совсем другие эпохи, звуча в них как камертон глубинной подлинности и вдохновляющей правды...

Вся художественная ткань романа, элегантный стиль которого сочетается с пронизательным психологизмом, пронизана образами, возвращающими, особенно в ключевые моменты развития событий, к картине Айвазовского и запечатленному на ней военному подвигу. Использование «морских» метафор и одновременно символики, опирающейся на приемы техники живописи, задает повествованию смысловый объем, из глубины которого просвечивает этот духовный центр, эта точка отсчета в многослойном мире романа.

Поиски утраченной драгоценной семейной реликвии, подлинника Айвазовского, и разоблачения искусных подделок, предпринятые Александрой Макнилл, в то же время решившей основать свой собственный аукционный дом в Лондоне, ввергают молодую героиню в водоворот международного арт-рынка с его жестким конкурентным соперничеством и изворотливым предпринимательством. Екатерина МакДугалл, будучи блестящим экспертом в этой сфере, необыкновенно достоверно и увлекательно раскрывает самые тонкие нюансы аукционного бизнеса и тесно сплетенных с ним историй шедевров живописи. Однако аукционные перипетии оказываются в романе лишь внешней стороной духовного пути Александры, пролегающего через ключевые для русского самосознания вехи.

Столкновение Александры Макнилл, новичка аукционного бизнеса, с общепризнанным «тяжеловесом» арт-рынка со всеми его финансовыми, медийными и т. п. ресурсами, решившимся на недобросовестную комбинацию с подделкой полотна Айвазовского, — не просто аналогия изображенного на картине знаменитого

русского художника события, не просто мужественная и увенчавшаяся успехом попытка отстоять свою профессиональную репутацию в сложнейшей, фактически безвыходной ситуации. В этой коллизии воплощено более глубокое столкновение: противоборство подлинников и подделок, суррогатов — в духовном смысле.

Мастерски, живо и выпукло автор романа выписывает композиционный центр художественного пространства — аукцион — как некий образ «мира сего» в блеске его «властителей», в руках которых заключены его материальные рычаги. И парадоксально в глазах героини сквозь этот блеск проступает «дешевая барахолка», как сквозь миллионы, на глубине которых «не существовали случайности и душевные порывы», просвечивает «вульгарная жадность». Александра сама принадлежит этому миру и способна преуспевать в нем. Но впитанная ею с детства в родительском доме закваска — любовь к тому, что невозможно купить или подделать, во что вложена живая душа и что дорого сердцу и не теряет своей ценности ни при каких обстоятельствах, даже перед лицом смерти, — закваска, составляющая самую суть ее личности, позволяет ей быть одновременно и над этим миром и поэтому видеть его просвечивающую оборотную сторону.

В свою очередь, создаваемый Александрой Макнилл собственный аукционный дом призван, как она сама признается в одном из диалогов, наоборот, стать инструментом созидания принципиально иного — «своего» мира, как раз такого, из которого она родом, мира подлинников во всех смыслах этого слова. Созидания — через живительное возвращение, вместе с признанием и подобающей славой, в оскудевающее материалистическое пространство, где «большинство людей восхищается лишь тем, что дорого стоит», творений, становящихся окнами в этот мир подлинного и кардинально меняющих, перерождающих вокруг себя само материалистическое пространство. О такой тонкой, но крепкой и глубокой связи искусства и реальности свидетельствует, в унисон с большой традицией русской культуры и философской мысли, внутренний опыт героини: «Работы жили своей напряженной жизнью <...> и каждое движение кисти,

каждый рывок мастихина, казалось, отзывался у нее в душе, словно это ее лепили, соскребали и снова наносили, меняли, дорисовывали, прописывали; словно это ее сейчас творили в залитом неземным светом зале. Тело ее замерло в странном наслаждении, и казалось, оно начинает жить, уже живет по каким-то другим, совершенно иным законам, не подверженным примитивным правилам материального мира».

Столь же непреложные, как привычные «правила материального мира», эти законы, под действенной силой которых «все тайное становится явным», меняют жизнь Александры Макнилл в самых ключевых моментах, распутывая фундаментальные конфликтные узлы. И прежде всего это возвращение из Лондона в Россию, в родной дом, с трепетом и даже благоговением — как перед святыней, и примирение с семьей, отсылающее читательскую мысль к стержневой для русской литературной традиции евангельской притче о блудном сыне. При этом перед сознанием героини возникает для нее отнюдь не теоретический вопрос отношений «Россия — Запад» — из разряда «вечных» вопросов русского самосознания, наподобие «кто виноват?» и «что делать?». «В России, оставленной ею так давно, казавшейся из Лондона фантастической и нереальной, ей вдруг оказалось уютно и легко. Англия же вдруг как-то померкла, отступила на второй план и теперь из сверкающей, белоснежной, занесенной сугробами Москвы ощущалась каким-то далеким, почти нереальным воспоминанием». Одновременно Александра проходит через испытание предательством близкого друга и разочарованием в ее юношеской любви; но эта открывающаяся реальность, пусть через боль, освобождает внутри ее души место для возможного обретения настоящей любви, о которой намеком говорится в открытом финале романа.

На всех смысловых уровнях романа, слаженно и, можно сказать, кинематографично сплетенных в увлекательное повествование, автор показывает, что какими бы ресурсами ни обладала заполняющая мир армада подделок и суррогатов, существование подлинника всегда будет для нее невыносимым и сокрушающим, потому что только в нем — источник жизни.

Федор Тарасов, доктор филологических наук

ОТ РЕДАКЦИИ

«Дорогие мои, хорошие!» — так обращался к своим соратникам есенинский герой. И мы заменим «мои» на «наши» и так же обратимся к вам, читатели.

Наш народ (какое забытое ныне слово!) после волгоградской трагедии ясно, четко и мужественно осознал глубинные смыслы происходящего. И пошли в редакцию письма. Со стихами! Ведь только через такую форму речи происходит осознание своего места на родной земле и личной ответственности за нее.

Но не забудем и о великой поэзии. Великая поэзия сплывает, дает надежду. Одно из самых ярких стихотворений века двадцатого, сказав скулы, вспомним перед скорбным окликом из Волгограда.

Сталинград. Легендарный фонтан с детьми в хороводе на привокзальной площади в апреле 1947-го ещё стоял. На заднем плане — руины многоэтажных довоенных зданий.

АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ

КОММУНИСТЫ, ВПЕРЕД!

Есть в военном приказе
Такие слова,
На которые только в тяжелом бою
(Да и то не всегда)
Получает права
Командир, подымающий роту свою.

Я давно понимаю
Военный устав
И под выкладкой полной
Не горблюсь давно.
Но, страницы устава до дыр залистав,
Этих слов
До сих пор
Не нашел
Все равно.

Год двадцатый.
Коней одичавших галоп.
Перекоп.
Эшелоны. Тифозная мгла.
Интервентская пуля, летящая в лоб, —
И не встать под огнем у шестого кола.
Полк
Шинели
На проволоку побросал, —
Но стучит над шинельным сукном пулемет,
И тогда
еле слышно
сказал
комиссар:
— Коммунисты, вперед! Коммунисты, вперед!

Денис СЕМЕНОВ

Уважаемая «Юность»! Здравствуйте!

Это стихотворение я написал в канун Нового года.

Посвящается всем тем, кто потерял родных и близких в результате терактов. Всем волгоградцам. Всем жителям России. Всем нам.

Несколько слов о себе: родился и вырос в Волгограде, после школы учился в Нижегородском инязе на факультете перевода, отслужил в армии, работаю по специальности.

Стихи пишу со студенческих лет.

* * *

Тихо набегают
На глаза слезинки,
В воздухе не тают
Черные снежинки.

Не придет родная —
Нынче так случится,
Капелькою крови
В сердце боль стучится.

Не понять, за что ей
Вместо новогодней
Елки разноцветной
Грохот преисподней.

Не понять, за что же
Им такая мука,
С той, что всех дороже,
Вечная разлука.

Нынче тихо плачет
Небо под луною
Город окатило,
Алою волною.

Без детей застыли
И замерзли елки.
И стоят, пустые,
Что теперь в них толку?

Новый год, я знаю...
А в глазах слезинки.
В воздухе не тают
Черные снежинки...

г. Волгоград, 31 декабря 2013 г.

Алена МАЛИНОВСКИХ

Алена Малиновских родилась в 1988 году в Новгороде (Великом). Живет в Санкт-Петербурге.

Окончила Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения по специальности «продюсерство». Работала арт-директором, организатором, менеджером по рекламе.

Начала писать в 2010 году. Публикации: сборник современной поэзии «Поэзия мегаполиса» (2011), сборник современной поэзии «Мы — поколение» (2011), газета «Вечерний Петербург» (2011), литературный альманах «Пегас» (2012), авторский сборник «Антология пустых перекрестков» (2012), социально-культурологический журнал арт-проекта ОСА «Вдыхая жизнь» (2013), публикации в Интернете.

* * *

Под звуки городского шума
Меня съедает синее пальто...
Замерзли руки — не согрел никто,
В карманы их кладу бездумно.

Порывы ветра отбирают шарф.
На светофоре возле перекрестка
В поток толпы вливаешься неброско,
Разглядывая призрачный ландшафт.

Оттенки серого гоняют фонари.
Осенний сумрак, словно битый пес,
Сует за пазуху свой мокрый нос.
Навязчив слишком, что ни говори.

Все мысли вьются около тепла
С горячим чаем в комнате пустой...
Поправив шарф озябшею рукой,
Взгляну, как осень быстро расцвела.

* * *

Тяжело по мне звучит колокол.
Я не легкая. Я не светлая.
И за плечи мои ветхие
Тащит этот звон меня волоком.

Зашептался люд, повелась молва.
Я стою, и небо в зрачках дрожит.
А в самой толпе ни одной души,
Да под ветром тихо шуршит листва.

Отзвони по мне, литой колокол,
И замри в тиши майским вечером.
Вмиг исчезнет все человечество,
Тащит этот звон меня волоком.

* * *

Свари же кофе. Выйди на площадку.
Садись. Покурим на ступенях.
Дым сигареты слишком сладкий
Лениво вылижет колени.

Иль что покрепче? Помнишь? Знаешь...
Минута слабости. Не важно...
Однажды в память и ты канешь,
Но это будет лишь однажды.

Закрой же рот! Устали звуки.
Весь дом как будто жив и дышит...
Сегодня ты целуешь руки,
А завтра — даже не услышишь.

МЕТРО

В тоннелях мертвых метрополитена
Отрывками мерцают голоса.
Несутся поезда по странным венам,
И разъедает темнота глаза.

Немного сбитого дыханьем ритма
Стучит в висках под тяжестью глубин,

И рельсы-полосы опасной бритвой
Блестят, ведут на разные пути.

Какой-то мнимой силой награждая
Подкожный мир центральных городов,
Метро, вдыхая жизнь в них, умирает
Не в силах вырваться из проводов.

г. Санкт-Петербург

Тамара АЛЕКСЕЕВА

Тамара Алексеева — член Союза российских писателей, член Союза журналистов России, член-корреспондент Академии российской словесности.

Лауреат Литературной премии имени А. П. Чехова, премии литературного журнала «Петровский мост».

Публиковалась за рубежом в рижском журнале «Настоящее время» и канадском «Порт-Фолио». Замужем, воспитывает сына и дочь. Генеральный директор производства «Липецкие сувениры».

Автор романов «Исповедь русской грешницы, или Как заработать деньги в России», «Игровая зависимость, или История одной любви», сборника рассказов «Весенний шабаш».

Официальный сайт — alekseevatamara.ru.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ИНДИИ

Еще в детстве я представляла себе Индию утопающей в пышных цветах. С красивыми женщинами в ярких сари, расшитых драгоценностями, несущими на головах высокие кувшины с ароматным вином. Я рисовала себе горделивые фигуры со смоляными коса-

ми и цветными диадемами, вытянув язычок, аккуратно размещала меж черных бровей алую каплю. Рисовала индийские лавки, увешанные разноцветными бусами, уставленные бронзовыми кувшинами, кальянами и золотыми богами. И как же мне хотелось узнать, отличается ли

современная Индия от моих детских рисунков!

В аэропорту Гоа нас с мужем встречала туроператор — коренастая Эльвира с круглым курносым лицом. Она посадила нас в белый автобус, где уже сидело несколько человек, и мы, жадно устремив свои

взоры в окна, помчались по просторам Индии. Разглядывать пейзаж мешал звонкий и назойливый голос Эльвиры. Видя, что ее никто не слушает, она сердито попыталась призвать нас к порядку и «маленько оторваться от стекол». Все было тщетно — сквозь полуоткрытые окна врвались невиданной силы запахи, мелькали незнакомая листва, цветы, босые женщины в длинных юбках. Все завораживало взор, веселило и будоражило кровь. Что говорить о нас, новичках, — даже опытные путешественники возбужденно переговаривались!

— Индия — коварная и мистическая страна, будьте осторожны, — понизив голос до зловещего шепота, вдруг припугнула Эльвира.

Насторожив уши, как зайцы, мы отпрянули от окон и уже неотрывно смотрели на нее.

— Она может кого-то не принять, и тогда колесо сансары опрокинет и раздавит вас...

Никто не хотел быть раздавленным неведомым, но очевидно зловещим колесом сансары. Туристы завозились в своих креслах, всех охватил страх. Высокий мужчина в дорогом спортивном костюме машинально достал и пересчитал пачку денег, будто прикидывая, можно ли откупиться от этого чертова колеса. И несмотря на то, что глаза у него были совершенно неменяемые, этот человек сделал все правильно...

— Но колесо сансары может и принять вас, — играя татарскими глазами, вселила надежду наша туристическая операторша, по долгу службы обязанная оберегать нас от всех бед и несчастий в чужой стране. — Если ему, колесу, будет угодно, он изменит вашу личную карму, откроет тайные сокровища...

Вспоминая об этом, я не перестаю удивляться, как все мы, взрослые люди, были одинаково напуганы и зачарованы этими словами! Одурманенные долгим перелетом, сильным перепадом

температур (у нас в России была зима), мы загорелись от радости, как дети, услышав про тайные сокровища. И все безоговорочно сдали немалые деньги на посещение местных достопримечательностей, искренне надеясь таким образом задобрить коварную Индию...

Первым был массаж под названием «Аюрведа». Эльвира обещала за нами приехать, и ровно в три часа мы с мужем стояли возле отеля. Прошел час. Телефон Эльвиры упорно молчал. Мы сделали попытку добраться до массажа самостоятельно. Но никто из таксистов не знал, что такое «Аюрведа», и все удивленно разводили руками. Даже услужливые работники отеля не могли нам помочь. Наконец откликнулась Эльвира и сонным голосом сообщила, что попала в пробку и скоро будет. Пробку в Индии представить так же трудно, как и то, что по дорогам Москвы ходят слоны. Через пять минут завизжали колеса, и из облака желтого песка явилось такая же желтая машинка.

Маленький каменный домик с вывеской «Массаж Аюрведа» оказался рядом, мы легко могли дойти до него пешком. Когда мы вошли, то увидели индийских детей, стоявших посреди комнаты навтыжку, словно на пионерской линейке. Они были босы и одеты в простые желтые рубахи. За столом поодаль сидела полная женщина в красном платке, обшитом монистами. Увидев нас, она встала и попыталась нам что-то сурово втолковать, показывая на детей. Я предположила, что мы не туда попали и бедная мать семейства просит оказать ей помощь. Я растерянно оглянулась в поисках Эльвиры. По-русски, по-английски никто не понимал ни слова. Наконец привели переводчицу — светловолосую русскую девушку. Она объяснила, что мы можем выбрать детей, которые будут делать массаж, но они все не дети, а подростки. И если бы мы пришли в этот дом самостоя-

тельно, а не по наводке Эльвиры, массаж нам обошелся бы в десять раз дешевле. «А жадная Эльвира зарабатывает на вас много денег», — прибавила она голосом, полным черной зависти.

Я вздохнула и посмотрела на детей — они с голодным напряжением смотрели на меня. Две девочки, самые высокие, старательно улыбались, они были худенькие и нескладные, с тонкими ручками, покрытыми темным пушком.

— Да-да, — поймав мой взгляд, подтвердила переводчица, — детей много, а работы мало. Берите тех, которые покрепче.

Чувствуя себя работником, капиталистом и просто дурной женщиной, я неуверенно перевела взгляд на детей, скользнула по всей шеренге и остановилась на девочках с тонкими руками. Они тут же вышли из строя и честно заулыбались. На смуглых лицах зубы казались огромными и нереально белыми.

Девочки привели меня в маленькую комнатку, где стояла деревянная коробка с дыркой сверху. На газовой плите свистел старинный чайник. В углу была кушетка, застеленная плотной клеенкой. Девочки жестами показали, чтобы я разделась и легла лицом вверх. Над моей головой на железной цепи качался огромный кокосовый орех. Внизу его была просверлена маленькая дырочка. Я перевела взгляд на цепь — надежна ли она? — но ничего не увидела: дети пальчиками коснулись моих глаз, закрывая их, и плотно залепили веки пластирем. На лоб закапало горячее масло, резко запахло сандалом...

На лоб все капало и капало, под головой хлопало — я слышала свист чайника, звук льющейся воды. Видимо, в кокос то и дело подливали масло из чайника и снова ставили на плиту. Дети шушукались. Расслабиться мешал образ деревянного короба, который не выходил у меня из головы. Дерево было

старым, и там была дверца. По всему выходило, что попадания в это сооружение, напоминающее гильотину, мне не избежать. И еще эта дырка для головы...

Когда мне отлепляли от глаз кусочки пластыря, я очнулась — было больно. Застенчивые дети взяли меня под руки и повели-таки в деревянную коробку, которой я так страшилась. Внутри нее оказался маленький стульчик. Когда я на него опустилась, деревянные двери со скрипом захлопнулись, и моя голова торчала из круглой дырки, как червяк из яблока. Откуда-то появился белый горячий дым. Он шел снизу из резиновых трубок, которые тянулись от газовой плиты. К чему они там были прилеплены? К носику кипящего чайника? Я напряженно тянула голову, пытаюсь разглядеть, но мешал плотный дым.

Появилось опасение, как бы эта конструкция не взлетела на воздух вместе со мной. От дыма и позорней мучительно разболелась голова, и когда девочки открыли коробку и вытащили меня оттуда, я радостно вскрикнула. Все закончилось благополучно — ни я, ни мой муж не пострадали и к тому же, по заверению нашей переводчицы, получили в награду «третий глаз». То есть массаж «Аюрведа» его нам открыл. Теперь мы могли видеть все, что недоступно обычному человеку...

Только мы добрались до своего отеля, вошли в номер и радостно рухнули в накрахмаленные постели, как раздался звонок. Администратор гостиницы приветливо напомнил, что нас ожидает такси. Я хлопнула себя по лбу — Эльвира! Она не давала нам передышки и так распределила оплаченные в самолете экскурсии, чтобы нам было некогда и шагу ступить в Индии самостоятельно. Надо было ехать — ведь мы заплатили деньги.

«Надевайте вечерние платья, брызгайтесь хорошими духами — вас ожидает светское обще-

ство в самом дорогом отеле Индии! — обещала Эльвира. — Это лучшее место на планете Земля! Вы попробуете такие кушанья, насладитесь такими зрелищами! Вы сами наберете себе в корзину живых лобстеров и огромных осьминогов, морских змей и других чудовищ. Вам подадут их в жареном виде, и вы будете облизывать пальчики от такой дивной вкуснятины!» У всех сидящих в автобусе туристов текли слюнки. Когда мы слушали ее правдивый рассказ, сочные образы морских гадов, выползающих из плетеных корзин, живописно вставали перед нашими глазами.

Я металась по номеру, на ходу натягивая длинное белое платье, расшитое бисером, закалывая волосы в высокую светскую прическу, сбрызгивая себя духами. Я боялась пропустить хоть одно из магических распоряжений Эльвиры.

Мы с Вадимом ехали долго. Самый дорогой отель Индии явился перед нами в виде каменного сооружения с балкончиками, колоннами и причудливой лепниной. Разнообразные пальмы жалась к белейшим стенам. Отель светился разноцветными огнями, гремела жизнеутверждающая музыка. Дверцы такси с двух сторон распахнули красивые парни в синей форме. Подобрал подол белого платья, я вышла из машины как королева в предвкушении замечательного праздника. У входа в отель стояла толпа людей, которая преграждала нам путь к невиданным блюдам и развлечениям. Толкались женщины в длинных вечерних платьях, не менее прекрасных, чем мое, колыхались мужчины в костюмах и галстуках. В горячем воздухе застыл одуряющий запах духов.

Чтобы понять мои действия, надо два часа протрястись в жаркой машине по ухабистым дорогам. С растрепанной прической и свирепым выражением лица я решительно протолкнулась вперед. Здесь выяснились все обстоятельства. До-

рогой отель не мог вместить такого количества народа, жаждущего власти поесть и попить, поэтому нам предлагалось подождать, пока люди освободят места.

Вы представляете себе, что это такое — «когда люди освободят места»? Только вообразите себе, что сидите рядом с ревущим океаном, за столом с золотыми светильниками и благовонными курениями, и вам подают одного жареного змея слаще другого! Да еще наполняют высокие бокалы драгоценным вином! Теперь вы представляете себе, каково это — уйти оттуда русскому человеку?! Под дулом автоматов русский не покинет столика со своим номером, за который он заплатил свои кровные монеты! Тем более что у всех людей, которых согнала сюда коварная Эльвира (среди них было немало иностранцев), зловещим предупреждением еще дымилась в головах слова о карме и колесе сансары.

Все повлияло на меня, все оказалось выше человеческих сил: незнакомый воздух, недавнее пребывание в деревянной коробке, открытие «третьего глаза». Какие-то дикие, шальные мысли долбили мозг: «Надо что-то делать, надо решиться! Иначе все будет кончено...»

Отыскав самого молодого полицейского, я с удесyтеренной силой приступила к делу. Приблизив свое пылающее лицо к самому его уху, на плохом английском я стала медленно подводить его к должностному преступлению. Я поинтересовалась, нравится ли ему мое белое платье. Да, бьютифул, застенчиво ответил он. Потом, как в индийском танце (а я обожала индийские filmy), я стала показывать ему игривыми жестами, как готовилась к этому празднику: красила глаза (провела пальцем по ресницам), потом губы (новое движение рукой), ногти на руках. Старательно подкрепляя свой рассказ выразительными движениями, я время от времени внятно интересовалась, нравится

ли ему, как я старалась. Получив утвердительный ответ, я нанесла последний сокрушительный аргумент, напоминая удар кобры. Почему же теперь, после всех этих долгих и тщательных приготовлений, я должна стоять в этой огромной толпе?!

Это был тот самый вопрос, на который растерянный индийский мальчик с наивными глазами ответить не смог. И тогда я уверенно махнула рукой мужу, и мы, не встречая никакого сопротивления, прошли на праздник. Сзади зашумела и заволновалась толпа, которая до этого настороженно вслушивалась, рассматривая меня и индийского полицейского. И заголосила эта толпа — уже на живом и сочном русском языке! Уверю вас, и это истинная правда, я слышала чистейшую английскую и немецкую речь...

Мы прорвались! И вышли в сияющий каменный двор, где трубили трубы, горели свечи, полыхали факелы и гремели барабаны! Все было, как в древние времена. Люди ели и пили в великой радости. Мы отыскивали столик со своим номером, к слову, свободные столы были. И я уже видела, как, воодушевленные нашим прорывом русские женщины, намотав на руку подола своих роскошных платьев, устремлялись к ним со всех сторон, посылая охранников отборными словами и выразительными жестами. Лица их страшно сияли...

Кресла, в которые мы с Вадимом опустились как великие цари, покидать все же было необходимо: кто же наберет нам в корзину живых обитателей моря? Распределились так: муж охраняет мое место, а я иду набирать обе корзины. Чудовищ, которых обещала Эльвира, в огромных пластмассовых емкостях не оказалось. Было все привычное и знакомое, что продается в супермаркетах, только живое и плещущееся. В очереди, крепко прижав к себе обычные тазики (в похожих наши бабушки

стирали белье), стояли одни женщины. Длинная очередь надушенных и накрашенных женщин с тазиками, напряженно следящих за пустующими контейнерами с рыбой. Я решила компенсировать неприятные моменты количеством скользкой, бьющей хвостом рыбы, хотя это было чистейшим безумием. Ну разве можно съесть два таза морепродуктов? Но я была довольна: я набрала гору разноцветных рыб, огромных креветок, осьминогов, кальмаров и другой мелкой всячины. На ручках тазиков, как требовалось, повесила номерки с цифрами шесть и семь. Это гарантировало, что мою рыбу с чужой не перепутают, запекут, запарят и доставят к креслам с такими же номерками. Каково же было мое удивление, когда через час ожидания нам принесли одни жареные головы! Маленькие, пучеглазые головы!

Я была так вымотана борьбой за проникновение внутрь, очередь с тазиком под мышкой, что молча и горестно разглядывала зубастые пасти... Ковырнула одну.

Известно, что унылый дух сушит кости. Из всех пор моего тела сочилась и вытекала жизненная сила. Надо было срочно принять пищу, и я побрела к огромным котлам, в которых надеялась наскреести хоть что-нибудь, — ведь только что оттуда шел ароматный дым. Но возле котлов была небольшая потасовка, в результате которой мне достался липкий несоленый рис и черный хлеб.

— Как вам понравилось у нас на празднике? — на хорошем русском обратилась ко мне молодая индийская девушка в синей форме.

Она обходила все столики и что-то царапала в своем блокнотике.

— Мне не дали обещанную бутылку вина, — угрюмо, не поднимая глаз, сказала я.

Почему-то не хотелось говорить про жареные головы. Лучше буду грызть кусок сухого хлеба, чем

продолжать эту глупую борьбу за пищу. Тем более в этом безбожном месте.

— Ах, — правдиво удивилась девушка, — а почему вы ждете, пока вам принесут вино? Разве вы не знаете, что его дают на втором этаже? — И, приветливо сверкнув ослепительно-белыми зубами (зубы у них классные), перешла к другому столику.

Как приятно слово, сказанное вовремя! В светлом взоре девицы весело играли искры, и я опять поддалась сладким мечтам. Я практически прикинула, что, потратив на этот вечер пятнадцать тысяч рублей, неплохо было бы прихватить с собой пару бутылок прекрасного вина, что значились в меню. Да и несколько целебных глотков вернут потраченную энергию и прольются в желудок, как сотовый мед.

Лестницы на второй этаж я долго не могла найти, и никто мне не говорил, где можно получить вино. Тогда я прищурила глаза и выглядела девушку с блокнотом, прокрадась к ней из-за высокого куста и затребовала, чтобы она доставила меня на второй этаж. Мы поднялись по узкой железной лестнице, прошли длинный коридор и протиснулись в маленькую комнатку. За барной стойкой стоял полный рыжеволосый мужчина, похожий на крашеного негра. Сзади него на деревянных полках плотными рядами стояли красивые бутылки с яркими наклейками. Девушка что-то тихо сказала ему. Рыжеволосый скривился, будто на зуб ему попала капля уксуса. Потом достал из-под прилавка два пластмассовых стаканчика, вытер их лохматым полотенцем и налил из зеленой бутылки по несколько капель. Я подумала, что в бутылке застряла пробка, и терпеливо ждала.

— Все, — усмехнулся рыжеволосый, хлопая рыжими ресницами. — Это все, что я могу для вас сделать.

Именно в этот момент я захохотала! Давно я так не веселилась! Я так

смеялась, что по моим щекам скоро потекли слезы, а смех стал походить на подавленные рыдания. Я спускалась по опасной, дрожащей лестнице и, держась одной рукой за ржавые перильца, вытирала с лица влагу...

Все! Да черт с ними, с деньгами! Да, я оказалась неспособной противостать иллюзиям. Но мы с мужем больше никуда не пойдём! Мы умиловали страшных и гневных индийских богов, посредником которых на Земле, несомненно, являлась наша Эльвира. Теперь нам обеспечены улучшенная карма и тайные сокровища. Мы свободны! Ура! Соверши жертвоприношения и иди на все четыре стороны!

Кажется, я кричала это вслух, и кричала громко и чисто, и голос мой был слышен далеко... Но бывало ли у вас такое, что при смехе ни с того ни с сего вдруг начинало болеть сердце?

На следующий день мы проснулись, полные надежд. Наши соотечественники, с которыми мы познакомились на пляже, обстоятельно рассказали, какое выбрать кафе и где в Индии самый белый песок.

Частные кафешки с прекрасными кушаньями тянутся вдоль всего берега, над каждым домиком клубятся сладкие дымы. Если ты прибьешься к одному из них, станешь постоянным клиентом — у тебя будет все: деревянный лежак с зонтиком, массажист и мальчик с опахалом. И все будут суетиться вокруг тебя и стряхивать пылинки!

Теперь я точно знаю: в любой стране надо как огня бояться туроператора. С дурным туроператором можно запросто попасть в беду. С кем только они не входят в долю, умышленно творя зло! Да и мы тоже хороши: ведь только глупые люди верят каждому слову! Туристы на отдыхе расслаблены и чрезвычайно доверчивы, и с этим ничего не поделаешь...

Мы с Вадимом расположились на маленьком диванчике почти возле самой воды. Был поздний вечер. На столе горел светильник. Никогда я не ела таких вкусных блюд! Бану, так звали нашего повара, который по совместительству был еще и массажистом, готовил божеественно. Как только загорались на небе звезды, официанты выносили живых омаров, крабов и лобстеров. Выбирай любого! Бану выскребал мякоть и готовил ее отдельно. Панцирь мыл и вычищал до блеска, потом помещал туда готовую нежнейшую мякоть. На стол набрасывали белую кружевную скатерть и приносили разнообразные блюда: горячий сыр, дымящийся хрустящий хлеб, рис с зеленой подливой. А местный ром рубинового цвета — не хочешь пить, а выпьешь!

Вокруг меня кишела Индия — разноцветная орущая толпа, предлагающая все: пестрые сари из дешевой ткани, газетные кульки с жареными орешками, браслеты, бусы, светящиеся шарики, помтики фруктов, чистку ушей... «Нет, не хочу», произнесенное на любом языке, мира было пустым сотрясанием воздуха.

— Какая красивая тетя, — вкрадчиво притиснулась к моему бедру крохотная торговка с прожженными глазками и тяжелой сумкой с товарами, которую она с трудом взгромоздила на наш стол, заставленный блюдами. — Как же твое имя, — шептала она мне прямо в ушко, целуя меня в плечо, и проворно выкладывала на стол цветные бусики, зеркальца, ручки, облепленные красными и синими стекляшками.

Я сидела с набитым ртом, не в силах сглотнуть пищу, — вокруг безмолвно стояла толпа голодных ребятишек, мал мала меньше. Я купила ручку и зеркальце, надеясь таким образом получить возможность проглотить хотя бы кусок рыбы, застрявший в горле. Не тут-то было! Только кроха исчезла вместе с сумкой, толпа угрюмых ребя-

тишек плотно придвинулась к столу с явным намерением заторговать нас до смерти. Растерянный муж уже сыпал монеты в грязные ладошки, но детей становилось все больше и больше. Я испуганно оглянулась. Сзади ребятишек стояла древняя старуха в ветхих лохмотьях, почти Баба-яга, — нос у нее был влажный и сизый, похожий на петлю кишки. Прищуренными глазами она хищно следила за мной. В ее руках были связки бус из раскрашенных ракушек. Я громко икнула. Помощь пришла со стороны кафе, где мы заказали еду. Молодой индус-официант взмахнул рукой на всю толпу и сказал: «Маки наки!» На сегодняшний вечер мы были спасены. В темноте замелькали маленькие пятки, зашуршал песок.

Ночью я лежала и думала: если не найду способа избавляться от назойливых попрошайек — уеду домой. Но проще было остановить движение волн...

Только стол обставлялся блюдами, вчерашняя ведьма с окаянными детьми окружали меня со всех сторон. Я сжимала рот, супила брови и злобно на них кричала — толпа с веселым шумом рассыпалась, но ненадолго. Старуха все норовила пихнуть мне в лицо связку длинных цветных бус, висевших на острой палке. Еле увернувшись, я в отчаянии закричала на нее. Эта фурия не испугалась, и первобытные глаза ее загорелись, как красные угли. Пронзительным голосом она заорала на весь пляж, что я — русская сумасшедшая. Дряблая кожа, свисающая с ее безобразных щек, трепетала, а рваные ноздри раздулись. Прикинувшись невозмутимой, я дрожащими руками ломала хлеб и ела его, не чувствуя вкуса, и лживо любовалась небом. Мне было так дурно, что даже яркие звезды казались искаженными.

«Звери какие-то», — со страхом думала я. Пальцы сжались в кулаки. Впервые в жизни я увидела свои чувства — в виде летающих злых ду-

хов. Они были похожи на стрекоз, только крылья были мрачные и черные. И все вокруг тоже стало мрачным и темным от невыносимой жары и чрезмерной лютости населения. Казалось, от моего молчания старуха распалилась еще больше. Она бегала от столика к столику, где сидели туристы, и показывала на меня пальцем.

Вдруг я насторожилась. «Сумасшедшая русская женщина» неожиданно сменилось на «все русские сумасшедшие». Патриотическая кровь забурлила во мне, я гордо встала. «Наша страна — самая большая в мире страна!» — крикнула я на весь берег. Английский язык я изучала недавно — всего три месяца, и это было первое предложение, которое я выучила наизусть. Следующую фразу — «русские женщины — самые красивые в мире» — я произнесла с трудом, но твердо. Но вот что я ляпнула потом, испугало не только меня, но и старуху, и индусов, и просто любопытных, привлеченных криками людей. «Война! — задыхаясь от ужаса, громко и выразительно сказала я. — Раз так, между Россией и Индией будет война!» Старуха испуганно юркнула в кусты. Вокруг меня забегали официанты, неся кто ледяную воду с салфетками, кто мороженое со льдом. Кажется, мне принесли вина. Да еще с соседних столиков что-то передавали.

Я собрала вещи и помчалась в отель, к мужу. Это какая-то сумасшедшая страна! И почему я — вроде приличная женщина — так себя веду? Местный ли ром, страстно перченая ли еда сделали меня такой воинственной? Или у русских, как говорил Задорнов, действительно сбита программа? Я представила, как в новостях на Первом канале сообщают, что неизвестная писательница Тамара Алексеева, чтобы привлечь внимание к своим произведениям, решила развязать войну между дружественными странами.

На следующее утро я пробиралась к океану чуть ли не крадучись. Потом заметила, как, так же крадучись, мимо меня испуганно прошмыгнула вчерашняя Баба-яга. Завидев меня, она на мгновение замерла и, пригнувшись, быстро побежала впереди. Потом, не замедляя хода, рванула за угол кафе.

Я повеселела. Села за столик и заказала целую кучу вкусных вещей. Вспомнила, как бежала старуха, и засмеялась. Так заяц, когда ночью едешь на машине и вспугнешь его, от страха долго бежит впереди в свете фар и не сворачивает в кусты.

Шумел океан, и никто не мешал мне наслаждаться жизнью. «Это потому, что у вас белая кожа. Немного загорите, сольетесь с толпой — никто не будет приставать. Белая кожа — значит, только приехал. Новичок. А это для них отличная добыча», — вдруг обратился ко мне мужчина, лежащий рядом в шезлонге под зонтиком. Он был огромный и загорелый, спокойный и добродушный.

— И как же вы справляетесь?

— Вы никак не можете принять, что это другие люди. Представьте, что это первобытные дети. Как к ним относиться? Я смотрю на них... с терпеливой нежностью, что ли. Мне трудно подобрать слова. Но они, эти люди, меня не понимают.

Я оглянулась по сторонам. Действительно, почему мне до сих пор не приходило в голову разглядеть, как ведут себя другие туристы? Иностранцы лежали и сидели в уютных креслах с закрытыми глазами. Они были расслаблены и неподвижны, как мумии. И как мумии, в качестве наживы они не представляли никакого интереса. Загорелые русские мужики, добродушно попивающие холодное пиво, относились к проходящим торговцам как к неизбежной стае саранчи. Спокойно и с бесконечным пониманием.

И я стала искать в недрах своего существа это спокойствие и понимание. Не объявлять же каждый день войну между Россией и Индией, пока кожа моя не станет коричневой? Будь тверда и мужественна, говорила я себе, и не ужасайся ничему...

Я разглядывала индийских женщин — в них не было и следа от моих детских рисунков. Они были измучены борьбой за выживание и ничего не делали для того, чтобы как-то украсить. Даже поля и холмы весной украшаются. Волосы они жирно мазали маслом и закручивали на голове, как придется. Никакой косметики, которая внесла бы яркость в сплошную черноту кожи, глаз, волос. Дешевые сари из сплошной синтетики, и все — бледных оттенков. Я видела, как эти женщины работают на ремонте дорог — доверху набивают огромные тазы камнями, ставят их на голову, несут и сбрасывают в нескольких метрах. Такой тяжелый труд, который выполняют почему-то исключительно женщины. Мой муж никак не мог понять, почему нет обыкновенных тележек, которые у нас в стране есть почти на каждом садовом участке? Возможно, это из-за узости дорог на Гоа, там машина проедет с трудом, только мотоциклы. И если там появится тележка, то она займет полдороги.

Я представляла, как бы покрыть эти темные губы малиновым блеском, ресницы красить не надо, а нарисовать бирюзовые стрелки. Завить и распустить жесткие волосы. И обязательно замотать фигурки в насыщенные, расшитые стразами сари — и будет головокружительно хорошо!

Проходит время, а оно в Индии другое — ленивое, вязкое, засасывающее... И я начинаю вливаться в эту первобытную жизнь со всеми земными яствами, с ее прелестью почти животного насыщения ярким солнцем, соленым океаном... Из головы уходят все мысли о про-

шлом и будущем. Вот они, сладкие плоды — оранжевые, красные, желтые; проходящие торговки несут их в высоких корзинах на головах, по взмаху руки они опускаются в песок, достают фрукты, аккуратно нарезают их ровными ломтями и кладут на твой столик. Манго тает во рту, меж пальцев медленно течет густой и сладкий сок. Ананасовый, светло-желтый, струится быстро, как вода. Другие фрукты просто с хрустом разламываешь и высасываешь скользкую мякоть, пахнущую хвоей.

Ой, как же это я забыла про хну?! Пальцы, и ладони, и руки по самые локти расписаны чудесной рыжей хной! О, слушайте — это я себя расписала, выдавив из блестящего тюбика тонкую струйку краски. Ярким светом, желтым кружевом сияют мои руки и ноги!

Нет, то не Баба-яга была, она была лишь многословным ангелом!

Размалеванной обезьянкой я разнужданно танцую среди вопящей толпы, босыми ногами шлепаю по огненному песку, плюхаюсь в трепещущую воду, хлопаю кого-то по тощему задку, хохочу с черными до жути женщинами с сахарно-белыми зубищами. Я сама черная и почти дикая. Душа расцветала, как малиновый куст, — вся в алых и спелых ягодах. Как же прекрасна эта жизнь!

Отныне ничто не причиняло мне вреда. Меня больше не ужасают злодеяния местных торговки и не страшат их речи — никакими кала-

чами я не могу заманить их к своему столику! Но если сделать это мне все же удастся, вращая горящими глазами, коварно маша черными руками, я буйно ору им:

— Деньга, деньга давай! Я очень хочу деньга. Есть у тебя деньга?!

— Нет, — близкие к обмороку, испуганно отвечают замарашки, — денег у нас нет.

— Тогда гоу, гоу! — дико, как ведьма, хохочу я. — Маки наки!

Я совсем развинулась в этой стране. Жара, жутко перченая еда, хмельной ром и страстный массаж в четыре руки делали свое пагубное дело. Облегчение, связанное с тем, что войны между странами удалось избежать, высвободило огромное количество энергии. Индия приняла другой облик, я ей доверилась, и даже ее ночное небо непрерывно запульсировало ярко-синим.

В тот же миг я почувствовала шершавое и влажное прикосновение к своим коленям — это были собаки. Почуввав, что я наконец пропиталась голубой верой и милосердием, они тыкались носами и дружелюбно махали хвостами. Собаки в Индии очень красивые — они тощие и блаженные, с длинными мордами и миндалевидными глазами. Они покидают свои дома на шесть месяцев — примерно с сентября по март, отправляясь на заработки — к берегам, кишашим туристами. Потом благополучно возвращаются — опять жить как бог даст. Я тоже хотела,

как они: улететь домой, чтобы заработать деньги, потом жить в Индии разнеженной куклой, соломенным чучелком.

Но мой муж сказал: довольно, мы возвращаемся домой. И я покорно стала собирать вещи. И лишь высоко в небе, вырвавшись из-под горько-сладких пут колеса сансары, я с удивлением подумала: какая прекрасная и необыкновенно красивая наша страна!

Родина гремела и славилась золотыми колоколами, раздольными песнями, всплесками шального ветра. Наши хвойные леса, дивно-сумрачные и прохладные, наполненные грибами и земляникой...

А березовые леса, светлостроменные и бездонные, поющие и стрекочущие, с хмельным запахом медовой шелковицы, голубых колокольцев, алой гвоздики, ромашки...

Почему такие мысли приходят в голову, когда улетаешь далеко-далеко?

Мой крепкий здоровый желудок, одуревший от перца и рома, впервые в жизни дал сбой. Пришлось засесть на однообразные жидкие каши, даже Новый, 2012 год я стоически встречала с тарелкой геркулеса. А в голове почему-то звучали последние строчки из романа Достоевского «Идиот»: «Довольно увлекаться-то, пора и рассудку послужить. И все это, и вся эта заграница, и вся эта ваша Европа, все это одна фантазия, и все мы, за границей, одна фантазия...»

г. Липецк

Нина ТУРИЦЫНА

Нина Турицына по образованию музыкант (фортепиано) и филолог. Работала концертмейстером и преподавателем фортепиано в Перми и Уфе. В юности участвовала в двух стихотворных сборниках Башгосиздата. Прозу начала писать с 2005 года. За рассказы о Керчи награждена медалью «60 лет освобождения Украины от фашистских захватчиков».

МОДНАЯ КРАЖА

Окончание. Начало в № 1 за 2014 г.

ГЛАВА 3

Утром я позвонила на работу и сказала, что занята похоронами одинокой соседки. Директор не возражал: свою работу я все равно сделаю потом.

Игорь поехал в похоронное бюро, а мне оставил ключ.

И странно — у меня действительно не было ни брезгливости, ни страха. Я к ней относилась почти как к родственнице.

На обеих ее руках, чуть повыше локтей, я увидела небольшие вдавления — синяки, почти незаметные. Я передела покойную в чистое платье. Потом позвонила в ее детский сад, но со мной начали говорить настолько не любезно, что мне не захотелось продолжать разговор. Может, там и вправду все новые, ведь она не работала больше пятнадцати лет. Тогда я позвонила Черкавину. Он велел немедленно звонить в милицию. А милиция вызвала из прокуратуры дежурного следователя. Следователь и Черкавин прибыли почти одновременно.

Следователь Михайлов был чем-то похож на Черкавина: среднего роста, средних лет, с такими же умными внимательными глазами. Мы объяснили ему, почему снова обратились в милицию. А Черкавин выложил свой главный козырь:

— На бутылке водки эксперты не обнаружили отпечатков. Вообще! Никаких!

— Значит, их кто-то стер, — сказал следователь.

А я стояла с улыбкой на лице. Я понимала, что она неуместна, но ничего не могла с собой поделать. Следователь посмотрел на меня с подозрением, а Черкавин понял ее причину:

— Значит, Вера Васильевна не пила! Не была пьяницей!

— А кто говорит, что была? — спросил Михайлов.

— Лейтенант Гаврилов и участковый.

— Значит, кто-то держал ее за руки и вливал водку...

Но какой резон ее убивать? Все на месте, да и красть особенно нечего.

Вмешалась я:

— Украдена картина, как мы установили по старой фотографии. А вот — гвоздь, на котором она висела. Внук Игорь не помнит ее совсем, а я...

— Не помнит — это с его слов! Давайте последовательность событий.

— В среду я звонила ей с работы. Вечером, обеспокоившись, вызвали милицию. В четверг утром прилетел внук. Мы его увидели в первый раз где-то в половине пятого. Весь вечер провели вместе, но спал он здесь, у себя. Сегодня, обряжая ее, я обнаружила эти синяки.

— Как вы их заметили, ведь почти не видно?

— Меня нацелил товарищ, вот он перед вами.

Следователь посмотрел на Черкавина.

— А кто еще к ней ходил? В доме есть женщины ее возраста, с кем она общалась?

— В нашем подъезде две. На втором этаже в квартире девятнадцать — Мария Михайловна, на третьем в квартире двадцать два — Мария Семеновна. Они заходили за ней и в ближайшем сквере совершали вместе свой, как они называли, вечерний моцион. Нагуливали хороший сон. Не каждый вечер, конечно, но раза два-три в неделю.

— Они знали про картину?

— Думаю, что нет. Она в спальню никогда не приглашала, считая это неэтичным.

— А кто она была?

— Воспитательница в детском саду.

Следователь скептически улыбнулся. Я заступилась за покойную:

— Она была интеллигентная женщина, много читала...

— Да, я вижу. — Он кивнул на детектив на прикроватной тумбочке. — Так кто же бывал у нее в спальне? И что за ценность в этой картине?

— Да я заходила как-то во время болезни. Получается, что никто...

И вдруг мне стало не по себе. Следователь как-то странно посмотрел на меня. Я поняла, что и я теперь на подозрении: следователя велел вызвать Черкавин, я утверждала, что никто в спальню не ходил, а проговорилась об обратном, и я же сказала, что дверь я часто просто захлопывала, уходя от соседки, и меня она могла впустить к себе как знакомую. Здесь верят фактам. А факты выстроились против меня.

Следователь, однако, больше ничего не сказал и пошел на второй и на третий этажи. А я как потерянная сидела теперь с Черкавиным у нас дома. Он понял мое состояние.

— Лиля, — неожиданно он назвал меня по имени, — ну вспомните какую-нибудь деталь! Это важно.

— Не могу! — Я чувствовала приближение головной боли.

Следователь вернулся, но тут мы в окно увидели приехавшего с гробом Игоря. Тогда Михайлов попросился и пошел в квартиру напротив, к Игорю. От него он ушел только через час.

— Ну что? Разрешили хоронить?

— Нет! На вскрытие в морг. А я обещал быть в понедельник на работе! Да и родичи могут позвонить. Я, правда, оставил ключ соседке, он мой хороший приятель. Но у него другой график работы, он уходит на сутки, а мать, если надумает, будет звонить мне вечером и решит, что я опять шляюсь.

Я посмотрела на Игоря. Что-то по-детски незащищенное мелькало сегодня в нем. А он мог бы быть по-настоящему красивым: брюнет с голубыми глазами, если бы не его неухоженность. Не элегантная небрежность, а какая-то заброшенность, как будто он махнул на себя рукой вслед за своими родителями.

— Придется звонить в Москву соседке, что задерживаюсь. И зачем опять следователь, вскрытие? Они что-то подозревают?

— Да, подозревают.

— Что или кого?

— Боюсь, что всех нас. Кто знал Веру Васильевну, кто к ней ходил.

Игорь оторопело глядел на меня. Один этот взгляд убедил бы меня в его невинности. Но в протокол не напишешь: «Невинный взгляд не может принадлежать преступнику. Ergo, невиновен». А какой у меня взгляд? Я ведь теперь — тоже на подозрении! Я умоляюще посмотрела на Черкавина.

— Лиля Ильинична, я позвоню. До свидания.

Дома я легла на диван и хотела отрешиться от этого кошмара, но вскоре раздался звонок в дверь. Пришла соседка Мария Михайловна.

— Я вас не отвлекаю от дел? Ко мне приходил следователь, я так взволнована! Я мало что поняла. Только то, что это неспроста, ведь они даже похороны приостановили! Я, когда работала бухгалтером в роно, слышала, что в одной школе был дикий случай! Возможно, вы читали. Умерла одинокая учительница, школа послала ее родственникам сообщение о смерти, а тем временем навещавшие покойную коллеги брали себе на память сувениры: кто колечко, кто шаль, а кто и швейную машину. И к приезду деревенской родни оставили квартиру почти голой. До суда дело не дошло, все вернули, но статья в газете появилась, и с подлинными фамилиями! И у нас что-то подобное?

— У нас страшнее. Подозревают убийство.

— Да что вы говорите! А мне он так прямо не сказал. Что же делать?

— Вспомнить. Какую-то важную деталь.

Мария Михайловна посмотрела на меня как на больную.

— Там гвоздь в стене. А на нем висело что-то ценное. Мария Михайловна уверилась, что я брежу.

— Да что у нее ценное было? Старая мебель? Туймазинский фаянс? Пудовый телевизор?

— Четырехпудовый, шестьдесят пять килограммов.

— Ну, если ценности считать по весу...

Мария Михайловна, главный бухгалтер роно, явно не чета детсадовской воспитательнице.

ГЛАВА 4

Игорь сидел как на иголках, повторяя:

— Меня уволят! Столько на похороны не дают!

И вдруг в понедельник приехали его родители. Я увидела их вечером, когда вернулась с работы. Элегантный седеющий господин и почти молодая на вид дама, яркая брюнетка с холодными, стального цвета глазами. У них был вид людей, которые вышли из дома, не решив, куда идти. Я поздоровалась, представилась:

— Соседка из квартиры напротив.

Они обрадовались мне, как родной. Мать Игоря начала уверять (меня или себя):

— А я вас помню. Вас нельзя не запомнить!

Только забыла, как выяснилось, мое имя. Я представилась:

— Лиля Ильинична.

— Наталья Романовна. Борис Иванович. Может быть, вы зайдете к нам, объясните, что все это значит. Московский сосед нам ответил на наш звонок, что Игоря не отпускают, что идет следствие.

Я рассказала, что знала.

— Но ведь она не болела? Была бодрой? Даже ремонт сделала.

— Ах да, ремонт... Нет, это делала не она, ее соседи затопили, и...

И я замолчала, как громом пораженная. Вот она, деталь! Вот кто подробно осматривал всю ее квартиру! Как я про них забыла! Просто они не входили в круг друзей или знакомых Веры Васильевны. А следователь спрашивал именно о друзьях и знакомых. Я извинилась и побежала к себе звонить Черкавину:

— Я вспомнила деталь! Ей делали ремонт соседи сверху!

Он все понял и обещал приехать. И просил не отпускать никуда родителей Игоря. Я побежала обратно с просьбой не уходить. Разумеется, они обещали.

Черкавин подъехал через двадцать минут. Мы пошли к соседям. Наталья Романовна хотела быть церемонной, но моя взволнованность заразила ее и сделала более сердечной. Черкавин сразу приступил к делу. Он сказал, что Вера Васильевна была фактически убита, но убийство замаскировали под бытовое пьянство. И все, как теперь выясняется, для того, чтоб украсть у нее ценную картину. Так что это была за картина? На фото — только ее низ, да и то снимок черно-белый.

Борис Иванович слушал внимательно, но при взгляде на фото, которое достал Черкавин, засмеялся:

— Ну, если считать ценностью картину, написанную учеником...

— Каким учеником?

— Да моим дедом.

— А кто он был? Вы его знали?

— Я не мог его знать. Он родился в 1870 году. Моя мать была его единственным и поздним ребенком, ведь когда она родилась, ему было уже пятьдесят пять лет. Но она мне рассказывала о нем, а потом, в Москве, я жил у его родной сестры. Это была большая семья, простые мещане. Имели лавочку, чем-то торговали. А он, Василий, не хотел торговать, рисовал целыми днями. Отец его даже порол за это, а потом смирился, особенно когда сын заработал за свои картинки первые деньги: продал торговцу лубками на Ильинке свои рисунки, и за хорошую цену! В тринадцать лет он поступил в училище

живописи, ваяния и зодчества, что было тогда на Мясницкой. Там преподавал бог русского пейзажа Алексей Кондратьевич Саврасов. Правда, дед его уже не стал — его уволили в 1882 году. Он учился у Льва Львовича Каменева, академика...

Но — у каждого свой предел. Свой потолок в искусстве. У деда была эта трагедия. Сначала прочили блестящую будущность, а потом — таланта не хватило. Он был простым учителем рисования в гимназии. Но школа у него была! Была хорошая выучка, этого не отнять. Это сразу видно. Но чтобы идти на убийство за такую картину — это надо быть идиотом, профаном, ничего в этом не понимать!

— Но, может быть, у него была какая-то необыкновенная судьба? Он жил в Москве, возможно, дружил со знаменитостями...

— Да, мама мне рассказывала о нем. У него был товарищ, впоследствии очень знаменитый художник. Аркадий Александрович Рылов, для деда просто Аркаша. Помните его прекрасную картину «В голубом просторе»? Высоко в небе летят гуси, и написана она так, как будто сам художник — среди этих птиц. С очень высокой точки написана. Советские искусствоведы тех времен объявили ее «символом Октябрьской революции!» Так дед однажды в кругу художников посмеялся:

— Гуси-то как преобразовались! Из подручных Бабы-яги — прямиком в символы революции!

— Его репрессировали за это?

— Да люди-то были порядочные и мнение это разделяли. Никто не пошел с доносом. Что уж вам такие страсти мерещатся про те времена. Вот теперь — теперь скорее побегут.

Мама про своего отца часто рассказывала, очень его любила, а он — он просто обожал свою «тоську», так он ее называл. Он был очень предан семье. Впрочем, как все люди того времени и того круга. И у мамы это было. Хотя и с квартирой: обменяться на однокомнатную, потратить на себя всю доплату, а как же внук? А расстаться с картиной она посчитала бы святотатством, какую бы цену ей ни предложили, — ведь это память об отце. Хотя никакой художественной ценности, повторяю, она не представляет.

Мы откланялись и ушли. А что еще нам оставалось делать?

Но у себя дома я высказала свои предположения Черкавину:

— А может быть, Борис Иванович специально уменьшает ее стоимость, дабы увести нас от истины? Или, может быть, в раме картины были спрятаны какие-то ценности? Старушки боятся воров и делают тайники, тем более она жила одна, на первом этаже.

— Лилия, вы явно начитались...

— Ваших книг!

Он улыбнулся:

— Я вынужден подстраиваться под вкусы публики и конкурировать с фантазиями собратьев по жанру. Преступления в основе своей просты, а вам мерещатся сложности, доходящие до извращений! Не забывайте, Борис Иванович — родной сын! Впрочем, даже извращенцы часто действуют по шаблону. Один раз удалось — можно и другой. Особенно вдохновляет, если и избочлен, а наказание — минимальное. Бывает, за убийство — семьдесят лет колонии. Разве сопоставимо — за всю человеческую жизнь получить всего семь лет! Да ведь преступнику не укорачивают его жизнь на семь лет. Он их живет! И порой в колонии живет лучше, чем на воле. Кормят и спать кладут. И суды не подталкивают к покаянию. Отрицай, все отрицай! Меняя показания — это не запрещено. Вы мне тогда процитировали Честертона: «Преступник — творец, сыщик — критик». То есть моральная сторона не рассматривается. Один загадал, другой — разгадывает. Все!

Я молчала, удрученная собственной глупостью.

— Подождите, Лиля, а ведь я наткнулся на одну мысль. Шаблон. Когда крадут произведение искусства — что именно крадут, часто диктует мода.

— Но их родственник — отнюдь не модный художник! Про него, по-моему, вообще все давно забыли.

Он задумался. Но через несколько минут вскопился, взволнованный:

— И еще я говорил о деталях, а главную деталь не заметил! Почему в теплый весенний вечер — помните, мы с вами были тогда легко одеты — у нее были заперты все окна и даже форточки? А ведь она следила за своим здоровьем, гуляла на свежем воздухе! Ах, надо было и там взять отпечатки! Теперь уже поздно, все захватано. Еще и родители приехали. Пожалуй, эта мадам все уже протерла.

Я тоже взволновалась:

— Как обидно! Ведь мы практически вычислили преступников.

— Вычислить — полдела. Главное — предъявить неопровержимые доказательства.

Мы замолчали, подавленные. И в это время зазвонил мой домашний телефон.

— Это следователь Михайлов.

— А мы с Черкавиным только что вас вспоминали. И как жалели об одной вещи! Вот он тут со мной рядом!

Черкавин взял у меня трубку:

— Добрый вечер.

— Добрый. А о какой вещи шла речь?

— Жалеем, что отпечатки пальцев сняли только с бутылки. А надо бы было еще и с форточек. Впрочем, сам я это делать не мог, а тот лейтенант и участковый тогда не усмотрели криминала, а мы не настаивали.

— А вы думаете, я не снял? Я тогда целый час у него пробыл. И могу вам сказать, что на кухне и в комнате он уже открыл форточки, а в комнату бабушки не ходил,

только переложил ее на кровать и, как он мне сказал, избегал туда заглядывать. Там отпечатки на форточке сохранились!

— И чьи же?

— Это не телефонный разговор.

И Михайлов положил трубку.

— А он мне сразу показался умным и знающим. Я даже подумала, что вы похожи.

— Но он оказался умнее!

— Просто он — профессионал.

— Вы захотели меня утешить? И на том спасибо.

М-да. Неловкое получилось утешение. Профессионал — и любитель, дилетант.

ГЛАВА 5

Похороны разрешили, и родственники занялись этой проблемой. Я им помогала.

Следствие шло своим чередом. Соседей вызывали, допрашивали... нет! Просто разговаривали с ними. Сначала подозревали всех, теперь — как будто никого. Только Черкавин ходил с видом человека, посвященного в тайну. Со всех взяли подписку о невыезде: это-де простая формальность. Мне надоела эта таинственность, и я прямо спросила Черкавина:

— Что нового?

Он ответил мне вопросом на вопрос:

— Вы давно смотрели фильм «Как украсть миллион»?

— Где Одри Хепберн?

— Где современный художник-пройдоха пишет в манере старых мастеров и Ван Гога. И очень скоро становится нуворишем. Ведь за известное имя выкладываются суммы больше в сто, в тысячу раз!

Эти мистификации в истории искусства — иногда невинные, но чаще далеко не бескорыстные — случались не раз. Вспомните хоть ван Меегерена! Меегерен покупал и счищал старые холсты и писал заново, полностью усвоив манеру старых мастеров...

Но и противоположная сторона полагается не только на интуицию и опыт искусствоведов. Наука тоже не стоит на месте. Рентген просвечивает краску слой за слоем, делают химический анализ красок... Кстати, вы не знаете этих соседей из квартиры двадцать один?

— Нет, они здесь живут всего полгода. Видела мельком. А что, они — местный аналог знаменитого голландца?

— Нет, Лилечка, они намного бездарнее. И настолько же хитрее. Знаете, до чего додумались? Берется старая картина — ну вот как наша: 80-е годы уже позапрошлого века. И холст старый, и краски. Добавляются кое-какие мелкие, но характерные детали — и все это выдается за вновь найденное полотно какого-нибудь талантливого, но не очень известного художника 19-го века.

А 19-й век — это золотой век русского искусства! Художников, в том числе незаслуженно забытых, множество! И теперь им — только пропиарить, сделать хорошее publicity — и успех обеспечен! И ценность картины повышается — от просто хорошей, профессиональной работы никому не известного папы Веры Васильевны — до найденного (случайно, а еще лучше — в результате кропотливых поисков), пусть раннего, почти ученического, но обещающего будущий расцвет таланта, полотна незаслуженно задвинутого на второй план прекрасного русского художника! Самых известных и великих лучше не брать: они слишком хорошо изучены, а на менее известных можно, как оказалось, неплохо заработать.

Ну, их вы еще увидите на суде. Не знаю, сколько им дадут. Боюсь, что от пожизненного они откосят. Они ведь плетут свою версию:

— Мы и не думали убивать. Зашли поговорить, хотели купить, а водку принесли просто для угощения. И никакие мы не злодеи — просто любители прекрасного. Как увидели этот пруд с кувшинками, этот плетень — так и глаз не могли отвести: родина! Россия!

Вот такие патриоты.

— Какой кошмар!

— Да, Лиля! Наглые, абсолютно безжалостные и бессовестные. И знаете, для чего они позакрывали все форточки?

— Могу предположить. Боялись, что она закричит, станет звать на помощь. А первый этаж — так хорошо слышно!

— Верно! Вообще, скажу вам, наблюдать их непробиваемо-наглые физиономии — неприятное зрелище! Я даже думаю, что такой чувствительной женщине, как вы, на суд лучше не ходить. Даже я, старый детективщик, посмотрев на этот, в сущности, мусор человеческий, хоть и в модных стильных одеждах, боюсь утратить остатки веры в человечество. Ведь они не только убили, обокрали, они еще хотели и опозорить ее, чтобы после смерти у нее не осталось доброго имени.

Я взглянула на него с глубоким сочувствием:

— Неужели даже так? Веру в человечество! Как грустно...

Тогда он улыбнулся:

— Я согласен — пусть будет не убийство, а новое ограбление, лишь бы опять с вами его разгадывать.

Мой ответ ему мне бы не хотелось обнародовать.

Илья КРИШТУЛ

О себе.

Родился в Москве, где и живу. Учился в МГПИ, работал в кино, преподавал в средней школе.

Сейчас домохозяйин. Сочиняю юмористические рассказы, изредка публикуюсь.

Рисунок И. Оффенгендена

РАССКАЗИКИ

ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО

Вы можете переспросить меня — а что именно будет хорошо? Все, отвечу я, все в стране будет хорошо. Даже погода, если никуда из дома не выходить. Если выходить, то конечно — ураган, цунами, ледяной дождь, смерч, смог, МЧС и другие ужасы, так что лучше дома сидеть, пока бытовой газ все не разрушил. Поэтому сидеть лучше на лестничной площадке первого этажа с паспортом, страховым свидетельством и возле несущей стены. А так все будет хорошо. Хотя иногда кажется, что ничего хорошего, кроме погоды, уже не будет. Но с другой стороны — а что плохого? Да, ситуация нестабильная, а обстановка накаленная. Да, некоторые страны нас не любят, а некоторые недолюбливают. Да, выборы прошли, а осадок остался. Но какие люди в этом осадке! Перечислять не буду, их фамилии в фельетонах нельзя упоминать, можно вечером не дома оказаться. Жаль только, что денег нет, но это уже личное. Зато дети есть. Милые, непоседливые, в кудряшках, бегают, шалят, орут, бьют стекла, матерятся и поют рекламу. И все в моем подъезде.

Так что радует пока только погода. Не знаю, как на улице, а в подъезде, спасибо коммунальщикам, сухо, чисто и тепло. Могло быть, конечно, и почище, но у них,

у коммунальщиков, свои понятия о чистоте. Кто был в Таджикистане, тот поймет. А вне подъезда что творится? Полицейские лютуют, продавцы обманывают, автомобилисты давят, повара травят, доктора калечат... Нет, лучше здесь, в подъезде, все переждать. Холодно станет — можно пальто надеть, если есть, и идти куда-нибудь. На второй этаж, например, подняться и полюбоваться на Москву. Видны, правда, только какие-то «Плазы» и «Меги» с «Рио», но, говорят, около Кремля скоро парк появится. Это ж как надо власть довести, чтоб она вместо строительства торгового центра деревья сажать начала! А все эти, недовольные с Болотной площади. Захочет теперь москвич-пенсия, проживающий в пентхаусе на Китай-городе, купить жене сумочку Louis Vuitton — куда ему идти? В ГУМ не пройдешь, там то на коньках катаются, то концерты какие-то, ЦУМ для приежжих, а вместо нового магазина деревьев понасажали. Лишь бы эти деревья там прижились, пока мэр не одумался. Хотя у нас в стране кто парк заложил, тот его и пилит потом...

А в остальном все хорошо будет. Москва расширится, скоро в Смоленск на метро ездить можно будет, за тридцать рублей. А там и Брянск недалеко, и Воро-

неж. А если московские чиновники в новые территории не уместятся, то... «Осторожно, двери закрываются, следующая станция город Конотоп». Наш братский подарок братскому народу. Хотя чиновники на метро не ездят. Да и на месте мэра я б для них северные направления готовил, вплоть до Воркуты. Пусть привыкают. Президент же недавно спрашивал про посадки. Деревья посадили, теперь можно и чиновников. Но и на Рублевку их переселить тоже идея неплохая. Во-первых, переселять никого не надо, они и так все на Рублевке. Во-вторых, там, на отшибе, они никого раздражать не будут своими мигалками, крякалками и сытыми рожами. Да и вообще — слуги должны от народа отдельно жить. В идеале, конечно, народ — в России, а его слуги — в различных местах Республики Коми, но это уж совсем из светлого будущего.

А пока уже хорошо и еще лучше будет. Может, милые матерящиеся дети со своими кудряшками из подъезда наконец в школу уйдут. Сколько там для них бесплатных кружков и секций министр образования пооткрывал! Он и ЕГЭ придумал, чтоб коррупцию из школ изгнать, и платные занятия, и факультативы какие-то, тоже платные. Нет денег, например, на английский язык — иди бесплатно учишь крестиком вышивать, в жизни пригодит-

ся. А если ты гений по физике, но денег тоже нет — туда же иди. Зато никакой коррупции. Непонятно, правда, откуда столько золотых медалистов с гор в МГУ обнаружилось. А сами они объяснить не могут, у них с русским языком плохо. Зато с деньгами хорошо.

И еще насчет коррупции — полностью ее уничтожить можно только переименованием, это уже другой министр доказал, внутренних дел. Уже бывший, к счастью. Милицию переименовали — коррупция исчезла, он сам сказал. То есть с него взятки полицейские не берут. Осталось судебную систему переименовать, прокуратуру, здравоохранение, налоговую, пожарных, таможню, строительный сектор, военкоматы, санэпидемстанцию, ЖКХ, экологов, паспортные столы... Или все-таки дешевле взять и целиком страну переименовать? Может, тогда вместе с коррупцией и все остальное плохое исчезнет? Воровство, хамство, пьянство, чиновники и Стас Михайлов?

И сразу станет хорошо.

Потому что хуже уже некуда.

А если страну переименовать в Рио-де-Жанейро, то и погода наладится. Можно будет из подъезда выйти. Правда, неизвестно, что с таким названием с коррупцией будет, но с футболом все будет хорошо...

СМЕРТЬ ПОДВИЖНИКА

На 29-м году жизни скончался Ефимий Никодимский, автор книг «Как прожить до 100 лет», «О правильном питании», «Почему вредны алкоголь и табак», «Жить без болезней» и многих других, ученый, исследователь, подвижник и ярый популяризатор здорового образа жизни. Все отпущенное ему время он исповедовал раздельное питание, в любую погоду ходил босиком, принимал ледяной душ и даже летом плавал в проруби. Ангина, простая ангина сгубила этого замечательного человека. Богатырский и закаленный (а не истощенный, как заявляют медики) организм не выдержал нервного напряжения последних месяцев, ведь травлю ученого развязали его самые близкие люди! Семья, родная семья не понимала Ефимия, не принимала его учение, отказывалась вести здоровый образ жизни и выбрасывала пищу, приготовленную им, в мусорное ведро. Последней каплей стал запрет на растирание смесью из коровьего и конского навоза, которую Ефимий применял в последние дни, борясь со смертельной болезнью.

Блестящий ученый ушел из жизни непонятым родными людьми, но так и не предал свое учение, показав пример стойкости ученикам. Уже находясь на смертном одре, он отказался принимать из рук родственников так

называемые лекарства, хотя они, эти родственники, действовали грубым, силовым методом, с привлечением психиатров и полиции. И даже на похоронах эти варвары устроили скандал! Прадед покойного, 106-летний Илья Борисович, заметив группу последователей Ефимия и находясь под воздействием табака и тяжелых алкогольных напитков, схватил всю группу (шестнадцать человек) и выбросил за забор кладбища. А ведь их всего на один час отпустили из больницы! Все они давно ведут здоровый образ жизни и уже получили инвалидность первой группы!

Как потом выяснилось, Илью Борисовича возмутила попытка учеников Ефимия помянуть покойного, выпив при этом чайную ложку растительного масла и закусив корнями одуванчика. Пожилой человек, к сожалению, не читал книг правнука и не знал, что растительное масло, выпитое утром вкупе с корнями одуванчика, прекрасно выводит из организма шлаки, поднимает жизненный тонус и дает положительный заряд на весь день! Сам ушедший от нас Ефимий в течение последних двух лет предпочитал именно такую пищу! Все это пытались объяснить Илье Борисовичу ученики Ефимия, но старый, глухой и, по-видимому, смертельно больной человек никого не

хотел слушать. Два санитары еще в течение часа собирали плачущих от обиды последователей Ефимия, которых разметало ветром по огромному пустырю за кладбищем. Когда их грузили в багажник больничной «Нивы», один из последователей, собравшись с силами, пробормотал: «Дикая страна... Дикие люди...» Эти слова, пронесенные почти шепотом, услышал Илья Борисович и,

несмотря на сильную никотиновую и алкогольную интоксикацию, перевернул автомобиль вместе с пассажирами, тяжело больными людьми, исповедующими здоровый образ жизни. Действительно — дикая страна, дикие люди...

ЗАВОЕВАНИЕ ЛЕНЫ

Впервые я увидел ее на даче у своих друзей. Первое впечатление, как известно, самое верное, так вот — она была хороша. Потом я выпил еще — и она стала обворожительной, а после третьего коньяка — грациозной. Как я блистал для нее в тот вечер! Жениться я, конечно, не обещал, но намерения у меня были самые серьезные. Я читал ей стихи позднего Михаила Круга и раннего Ильи Резника, пел что-то из Григория Лепса, сыпал цитатами из Дарьи Донцовой и даже сыграл в лицах всю последнюю серию «Нашей Раши», которую она пропустила.

Когда гостеприимные хозяева, устав от нас, ушли наконец спать, мы решили прогуляться к озеру. Ночь, звезды, дорога петляла меж полей, вдалеке чернела загадочная гладь воды... Какая звенящая тишина стояла в ту ночь! Слышен был только ее раскатистый голосок, когда она пела свою любимую «Таганку», да где-то в ближайшей деревне орали матерные частушки, казавшиеся нам осанной, которую для нас восклицает само небо... Потом мы плавали в теплой черной воде, и нам чудилось, будто мы купаемся в бесконечной ночи... А на берегу... Нет, на берегу нас грела не любовь. Любовь только зарождалась в наших сердцах, ее серебряные нити только начали опутывать наши души... Нас грела бутылка виски, которую она сперла у хозяев, и сосиски, которые я взял на закуску. И мы уже шли назад, отчего-то спотыкаясь и падая, и мелкие камушки больно впивались в босые ноги... Жаль, жаль было кроссовки за сто евро, оставленные по пьяни на берегу, но еще оставался вискарь, мы по очереди прикладывались к нему, и печаль уходила. Да и кроссовки стоили не сто евро, как я сказал ей, а сто рублей. И мы уже не пели, мы боялись, что песня спугнет что-то неуловимое, витающее в предрассветном воздухе. Только на следующий день, когда зачесались укусы, я понял, что неуловимое там витало с таким противным писком. Но пока мы шли, обнявшись, и я обещал бросить к ее ногам весь мир, все звезды и всю Вселенную... Я никогда не экономлю на обещаниях, так воспитан.

Вскоре мы дошли до дачи наших друзей. Мы даже выпили по бокалу шампанского... Мы смотрели сквозь хрусталь на еще робкое и нежаркое солнце... Она не

знала, что шампанское на виски нельзя, это понижение градуса, это тазик с утра, это головная боль и невозможность подняться. А я знал, но почему-то промолчал... Она пошла спать на второй этаж, а я... Но пусть это останется между нами.

Я проснулся раньше нее. Где-то совсем рядом пел свою любовную песню соловей, вызывая рвотный рефлекс. Хозяева уже встали, и я пошел к ним с надеждой, которая оправдалась, — мне молча протянули бутылку холодного пива. Как по-другому зазвучала песня соловья! Как по-другому засветило солнце!

А часов через семь к нам вышла она. В ее ресницах заблудились солнечные зайчики, в ее глазах расцветали васильки, хотя вся в целом она выглядела помятой. Умывшись, она подошла ко мне и улынулась. Мой перегар был уже приятен, сам я был уже элегантен и с удовольствием расцеловал алые маки на ее щеках. Затем я вытер губы, и мы наконец познакомились. Ее звали Еленой.

Вскоре она засобиралась домой. На станцию ее повезла Света, жена моего друга, и я, разумеется, напросился с ними. На платформе, когда Света ушла посмотреть расписание, я обнял ее. «А ты помнишь, — вдруг спросила она, — что ты обещал вчера?» «Конечно, помню, — ответил я, — ведь я обещал подарить тебе весь мир». И я подарил ей билет на электричку.

Потом у нас были еще два свидания, на которых я бросал к ее ногам все свои деньги. Триста рублей — это тоже деньги, что бы там ни говорили ее подруги.

Уже три года мы живем вместе. Оказывается, она не знает, кто такой Михаил Круг, не любит Лепса, не читает Донцову, ни разу не слышала песню про Таганку и не смотрит «Нашу Рашу». Плюс ко всему она ненавидит виски с шампанским и не любит купаться по ночам в озерах. Чем же я завоевал ее? Почему именно мне достался этот голубоглазый и сорокалетний кусок счастья?

Я часто думаю над этим, когда мою посуду или стираю, глажу белье или бреду с сумками из магазина. Я думаю над этим, когда готовлю обед и мою полы, чищу ее обувь и варю для нее утренний кофе, драю туалет и поливаю цветы. И иногда мне кажется, что это не я завоевал ее, а немного наоборот. Чуть-чуть, но наоборот. Ведь

В некоем диспансере работала... Медуза Горгона. Ее звали Татьяна Сергеевна. Всех, кто приходил в ее психоневрологический диспансер, она превращала в камень. Всем Горгона ставила ложный диагноз: «Человекофрения»...

Хохочет Медуза Горгона. Леди Макбет Мценского уезда, начальник концлагеря, одетая в белый халат. Всех она хочет сделать каменными!

Андрей Новиков, Иваново

ГАЛКА ГАЛКИНА:

Неправда, Андрей Новиков из Иванова, у нас неплохие врачи, во всяком случае, не все плохие. А если и попадают на местах Медузы, то почему другие люди в белых халатах должны нести за это ответственность?

Не занимайтесь очернительством и не дискредитируйте людей почем зря!

Врачи, как известно, давали клятву Гиппократата. Поэтому, верные этой клятве, денно и нощно трудятся на благо, дерут зубы, принимают роды, пришивают конечности, борются с недугами, пьют спирт и т. д. Оно, конечно, иной раз бывают и перегибы. Не то пришили, не туда, не тому. Бывает!

А с кем не бывает?

Вот пишете: «Человекофрения»! Это — все недостаток витаминов и нервы. Каждый врач вам скажет. Сходите в аптеку, купите там чего-нибудь, попейте пустырника, и жизнь наладится.

Ну или запишитесь в Персеи. Тоже — выход.

Не всем же шашкой, понимаешь, махать!

Главное — не отчаиваться, даже если диагноз неутошительный.

Ноги, руки целы — и ладно!!!

Скоро весна!

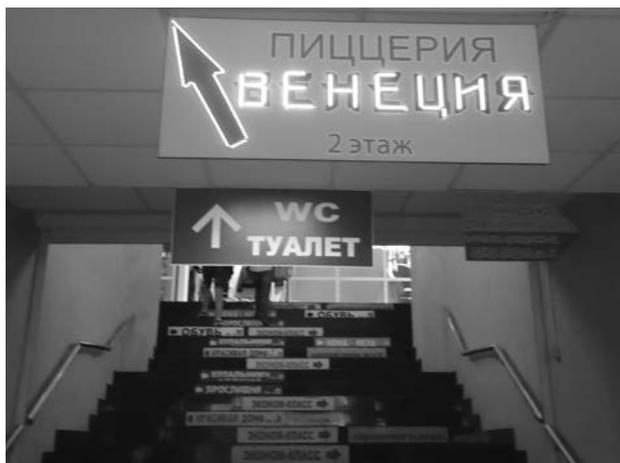
Будьте здоровы и не кашляйте!

Шалун ГЕО, человек-дробовик

ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ (НАВСТРЕЧУ ИГРАМ)

- ◆ Мне хорошо, как будто в день протеста!
- ◆ Чем дальше в лес, тем выше влез!
- ◆ Я — мальчик-колокольчик из города Динь-динь!
(Из моей любимой песни.)
- ◆ В день поражения смиришься, задом к лесу повернешь!
- ◆ Обмишурился в Сочах, имидж мой в лучах зачах!
- ◆ Обмишурился в Сочах, загорелся свет в очах!
- ◆ Я играл вчерась в хоккей, стал наглее и тупей!
- ◆ Подхватил вчера бобслей, стало житья веселее!
- ◆ Я в прыжках с трамплина обогнал пингвина!
- ◆ Я открыл Олимпиаду: получил коньком по заду!

PHOTOSTOP

© Фото Игоря МИХАЙЛОВА

Фаза месяца:

Уйди в лыжню!

ФЕВРАЛЬ-ЧАРОДЕЙ (ПРИМЕТЫ)

- ✧ Все приматы в феврале едут в Сочи на метле!
- ✧ А пернатые зверушки пьют кефир в Сочах из кружки!
- ✧ Из-за моря кенгуру нам пришлось не ко двору!
- ✧ Олимпийский наш енот леопардика зовет!
- ✧ А кубинская шиншилла обстановку обострила!
- ✧ Кто бежит там все по кругу, не найдет никак подругу?
- ✧ Конькобежцы-скакуны все советские сыны!
- ✧ Я пытался в биатлоне брасом выступить в бидоне!
- ✧ Баттерфляем у лося думал выиграть — накося!
- ✧ В ожидании дождя опирайтесь на вождя!

SMS'ка, посланная Плющенко:

Продам тройной тулуп!